

СТАНИСЛАВ ЦЫБУЛЬСКИЙ

ФАВОРИТ

Боевой флот Земли разбит, дальние планеты одна за другой гибнут под напором завоевателей. Спасаясь от смерти, я вынужден был отправиться на долгие поиски. Так вышло, что мой сон продлился десять веков, а планета, к которой летел корабль, населена дикарями.

Я бы и рад продолжить поиски, улететь, но застрял здесь, и как видно, надолго. Придется начинать путь попаданца и хотя бы постараться подготовить этот мир к приходу непобедимого врага.

Глава 1

С чего начать? Тру глаза, собираясь с мыслями, и наконец записываю отчет по случившемуся на орбите Флоры.

Когда корабли Разрушителей сбросили маскировку, они были в сотне тысяч километров от планеты, а я занимался предстартовой проверкой систем «Байонета». Население, все три с небольшим миллиона, вывезли, и теперь оставшийся на планете и в системе гарнизон готовился принять бой. Вот только по данным внешних наблюдателей, враг начал торможение далеко в кометном поясе, и основные силы отправились ему навстречу. Никто не ожидал, что флотилия Разрушителей окажется здесь, буквально свалившись нам на головы.

«Байонет» оставался на низкой орбите, и поэтому я сразу бросил его в бой. Эфир разрывался, кричали все и сразу, звучали приказы, кто-то вызывал флагман, но ему не отвечали. Наверное, в этом бардаке я пропустил сигнал от десантной группы фэйтера. Да, наверное, просто пропустил. Не заметил. Когда команда начала подъем из гравитационного колодца, «Байонет» уже ввязался в бой с истребителями противника. Я поднял корабль до пятнадцати тысяч и уже не мог ни на что отвлекаться. Оставалось надеяться, что экипаж примут грузовики, все еще торчавшие на самой границе атмосферы, и команда вернется ко мне.

Что было дальше? Бардак. Полный бардак. В штабе просчитались капитально, не оставив у Флоры и десятка боевых кораблей. Настоящих, не тех, что сопровождают баржи и скотовозы с гражданскими работниками военных баз. Истребители врага вспороли оборону, даже не снизив скорости. Я видел, как вспыхивают и рассыпаются корабли обороны, как выпущенные ими торпеды сбиваются с курса и взрываются среди своих, я...

Когда над планетой появились дредноуты Разрушителей, мне и паре десятков уцелевших только чудом фэйтеров, пришлось бежать. В отчете можно назвать это тактическим отступлением, но мы именно бежали. Когда длинные двенадцатикилометровые куски камня с двигателями несутся тебе на встречу, лучше убраться с дороги. Последнее, что я запомнил — как десяток их только с моей, темной стороны опускаются на Флору.

Остатки флота разбегались в разные стороны. Они один за другим исчезали с радаров, и хочется верить, что просто уходили достаточно далеко, чтобы выпасть из зоны обнаружения «Байонета». Меня никто не преследовал.

Спустя сутки на границе системы мне встретилось все, что осталось от основных наших сил. Они приняли удар, не зная, что большая часть кораблей противника сумела прорваться к планете незамеченной. Они дрались насмерть, не уцелел никто. Среди обломков почти неповрежденными висели три дредноута Разрушителей. Внешне они были неотличимы от астероидов, такие же огромные, с неровной поверхностью из камня и металла, и такие же мертвые.

Как рассказывать о таком? Мысли путались, когда я пытался выстроить четкую картину произошедшего. Война идет без малого полторы сотни лет, но до этого дня все это было где-то далеко, у чужих звезд, нас задевая лишь косвенно. В крупных сражениях ни мне, ни погибшей команде участвовать не приходилось. Даже капитан, быстро продвигавшийся по службе отнюдь не за знакомства и влиятельную родню, бывал в настоящем бою реже, чем ему хотелось бы. Мы прибывали к планетам, отбитым у врага или находящимся в стороне от

фронта, я сбрасывал капсулы с личным составом и после болтался на орбите, ожидая, пока окончится зачистка. Иногда сбивал взлетающие истребители Разрушителей, но чаще просто приглядывал за эвакуационным транспортом. Такой виделась война из пилотского кресла.

Я потратил несколько часов, не в силах как-то систематизировать данные, потом просто изложил все, как мог, и отключил запись. Сообщение ушло по сжатому лучу к пяти ближайшим населенным системам. Если и есть где-то рядом флот Альянса, там услышат наши предсмертные крики, во время боя свободно разлетающиеся на радиочастотах во всех направлениях. На этом моя работа окончена. Нужно отправляться к своим. Я проложил курс и отправился в морозильник: дорога предстояла долгая.

***

Криосон — та же смерть. Нет особой разницы, как долго ты собираешься в нем провести: машины вытянут из тела воду, заполнят консервационной жидкостью и оставят в вакуумном мешке. Ты ничего не почувствуешь, даже не вспомнишь ничего, едва в кровь поступит первая доза транквилизатора, и проснешься от жуткой боли, от зуда и яркого света, выжигающего глаза сквозь веки.

Я приходил в себя, новорожденный на попечении автоматики. Проснувшись, снова многое делаешь впервые. Первый вдох самый мучительный, хочется закрыть глаза, спрятать от невыносимой яркости, но руки привязаны, и остается только хрипло выть.

Все, происходящее со мной, я почти не запомнил. Только жуткая безысходность, как побочка от препаратов, и страх. В какой-то момент пришло осознание, кто я и где нахожусь. Я сел и осмотрелся. Взгляд упал на руки: сморщенная бледная кожа с тонкими волосками сухо зашелестела, стоило потереть ладонью о ладонь. Их я видел четко, но все, что находилось парой метров дальше, расплывалось в мутное месиво. С трудом выбравшись из криокамеры, я прошаркал к шкафчику и принялся одеваться.

Первым делом — в кресло пилота. Тело, еще в шоке после заморозки, не осознавало потребностей, так что поесть можно чуть позже. Кое-как устроившись, подключился к кораблю. Тот отозвался, проверяя, готов ли я к работе. Процедура стандартная, но в этот раз ИИ копался слишком долго. Когда вокруг развернулись рабочие экраны, первым делом я начал искать знакомые созвездия, но что-то было неправильно.

В общих чертах они сохранились, пусть во многих не хватало звезд, да и заметно съехали контуры. Такое бывает, когда летаешь между звездами. Знакомые фигуры меняются, одни — едва заметно, другие — сильнее, но то, что показывали экраны сейчас, было просто невероятно.

Оглядев сферу с экранами, я затенил те, что не были нужны прямо сейчас и вытянул вперед трехмерную карту земного сектора галактики и экран с данными о полете. Цифры, крупные и ясные, сообщали текущую дату и координаты, но мозг не хотел их воспринимать. Как так? Этого не может быть! Закрыв лицо руками, я глубоко дышал, надеясь, что это поможет прояснить голову. Просто стекляннистое вещество в глазах еще не регидрировало, это просто ошибка.

Нет. Никакой ошибки не было, как ни пытался я себя в этом убедить. Визуальная система подстраивается так, чтобы даже при больших перегрузках, когда глазное яблоко деформируется, пилот четко видел все, что корабль ему показывает.

«Байонет» покинул захваченную систему еще до того, как я получил дозу транквилизатора и аппаратура занялась моим телом. Файтер набрал треть световой точно по расписанию, проверил маршрут, а потом заглушил реактор и ушел в спящий режим. Но

промахнулся, и после двигался в пространстве еще тысячу с небольшим лет, пока...

Эта новость меня уничтожила. Тысяча лет. Замерев, без единой мысли в голове, я осел в кресле. Пустота обступила, забралась внутрь, парализуя, лишая сил. Один. Совсем один, неизвестно где, оторванный от человечества не только пространством, но и временем. Прошел не один час, прежде чем меня отпустило, и я обнаружил, что корабль все это время пытался привести меня в чувства, но не мог дотянуться инжектором. Я подставил плечо, и горячая бодрящая волна покатила по венам.

Соберись, тряпка! Сидеть так можно очень долго, но рано или поздно придется что-то делать. Потянулся, суставы звонко щелкнули. Если «Байонет» вернул меня, значит, на то нашлась причина. Проявив все окна, я начал просматривать отчеты, и почти сразу наткнулся на данные, от которых в груди начала шириться пустота. Файтер не промахнулся. Корабль проснулся вовремя, чтобы успеть откорректировать маршрут. Он пронесся по самому краю звездной системы и незамеченным полетел дальше, потому что человеческому миру в ней пришел конец. Судя по данным радиоперехвата, атака на базу флота Альянса произошла немногим позже, чем Разрушители добрались до Флоры. Еще одна армада из сотен, вторгшихся в пределы человеческих миров.

Можно было лететь к следующей цели, но ИИ рассудил, что под ударом может оказаться любая. Мы летели от звезды к звезде, но везде «Байонет» находил только смерть и разрушения. Весь сектор оказался захвачен. Можно было повернуть и, потратив сотню-другую лет, вернуться к Объединенным мирам, потомкам первых земных колонистов, союзникам, но корабль решил двигаться в другую сторону. И следующие девять с половиной веков летел к ничем не примечательной звезде, ярким пятном светящей теперь в прицеле камер обзора.

Из данных, полученных от ИИ, выходило, что здесь должен найтись населенный человеческий мир. Перед отправкой «Байонет» поймал слабое эхо радиопередачи. Логика корабля оказалась проста: если остальные миры захвачены или на грани уничтожения, нужно искать помощи там, куда враг не успел дотянуться. И не мне с ним спорить.

***

Вокруг центрального светила вращались двенадцать планет. В основном ледяные и газовые гиганты на периферии, но пять оказались каменными, а в зоне обитаемости их было сразу три. Мы пролетели крайнюю, не снижая скорости, вторая сейчас ползла по ту сторону звезды. Я проспал момент, когда «Байонет» вышел на орбиту той, которую он обозначил обитаемой. Самая обычная, зато сразу три спутника на синхронной орбите. Приливы здесь наверняка просто дикие.

Я обшаривал радиочастоты в поисках переговоров и любых других сигналов, радар просвечивал пространство в поисках спутников и орбитальной инфраструктуры, но планета молчала, а вокруг было пусто. Ни на что не надеясь, я послал сигнал к трем лунам этого мира, но если там и была рабочая автоматика, она предпочла промолчать. Файтер заходил с ночной стороны, и внизу я, как ни старался, не смог рассмотреть ни единого огонька.

На экране появились данные по планете. Земного типа, притяжение девяносто процентов от материнской, что для меня, привыкшего жить и работать в космосе при половине G, все равно многовато. В атмосфере чуть больше азота, кислорода на пару процентов меньше нормы, но для жизни в самый раз. Впереди появился голубой серпик, звезда высветила тончайший слой газовой оболочки, «Байонет» летел к дневной стороне.

Корабль шел в пятиста километрах над атмосферой, в объективах камер внизу

проплывала поверхность планеты. Прошел не один час до того, как удалось картографировать ее, но времени у меня было в избытке. Заодно я уточнил данные по продолжительности суток, она была равна полутора земным. Ох и долгие тут ночи...

Восемь континентов, ледяные шапки на полюсах, темно-синие океаны. Оптика «Байонета» различила внизу признаки разумной жизни, но я только разочарованно сплюнул: города, городишки, деревни, хутора. Все — на примитивнейшем уровне. Грубые дома, из труб поднимается дым, на зеленеющих полях бродят стада, по дорогам ползут телеги, повозки, всадники, по одному и группами. Дикий мир.

Я продолжил наблюдения с робкой надеждой, что все не настолько плохо. Но чем дольше, тем отчетливее становилась мысль: все зря. Зря летел, потратив десять веков на сон, зря на что-то надеялся. «Байонет» совершил крупнейшую ошибку, отправившись сюда. Нужно было лететь к своим, погибнуть в безнадежном бою и, возможно, приблизить победу. Еще одного перелета не вынести. К тому же, теперь неизвестно, что ждет меня по возвращении.

Ни на что не надеясь, я направил корабль к лунам. Центральная, самая крупная, слабо отливающая рыжим, удаленная на триста тысяч километров, оказалась немного тяжелее земной. На ее покрытой кратерами поверхности, на дальней стороне, нашлись признаки, что когда-то давно цивилизация в системе была на высоком уровне. Лунная база, темная и заброшенная, шахты с нетронутыми ракетами внутрисистемного поражения, сеть антенн, давно разрушенных ударами микрометеоритов и солнечного ветра, что говорило о древности сооружений. Обнаружить их удалось только благодаря тому, что «Байонет» был обучен находить в первую очередь объекты боевого назначения. Без надежды на результат я попробовал связаться с базой, но ответа не получил.

Следом за основной я изучил малые луны. Пойманные притяжением, они располагались в четвертой и пятой точках Лагранжа в шестидесяти градусах впереди и позади по движению крупного спутника. С вероятностью, близкой к ста процентам, они были помещены там искусственно. Ледяные шары диаметрами тысяча пятьсот и тысяча двести километров, на каждом нашлись свои объекты. Это оказались крупные комплексы неясного назначения, разбросанные по всей поверхности и уходящие глубоко внутрь.

Не найдя здесь никакого отклика, я направил «Байонет» обратно к планете. Пусть и окончилось путешествие не так, как мне бы этого хотелось, но неожиданный результат — тоже результат. Нужно спуститься и вступить в контакт. Помочь они вряд ли сумеют, но хотя бы попытаюсь узнать, что же здесь произошло.

Можно было спуститься прямо в файтере. Думаю, это вышло бы более чем эффективно: струи огня, рев двигателей, разлетающаяся вокруг пыль и непривязанные вещи... Но от такого способа придется отказаться: «Байонет» приземляться умеет, но очень уж неохотно, оставляя выжженную землю и радиоактивное пятно. Не самый лучший способ начинать знакомство с местными.

Я навел медотсек, получив от автомедика инъекцию нанофагов. Хорошая штука, если ты собираешься покинуть корабль надолго. Микроботы отстраивают мышцы и костную ткань с такой скоростью, что на адаптацию уходят считанные часы. К тому же отлично справляются с любой заразой, что тоже очень важно для человека, все время проводящего на борту и в последний раз болевшего примерно никогда.

В оружейной я надел тонкий разведочный комбинезон, генерирующий слабое индукционное поле. Для диких планет, лишенных собственного электричества, в самый раз.

Открыв перед внутренним взором список снаряжения, я в последний раз сверился с каждым пунктом и повесил на пояс кобуру с бластером. Затем прихватил брошенный у люка десантный мешок с рационами и кое-каким барахлом на обмен и забрался в посадочный модуль.

Грохнуло, капсулу мягко качнуло, когда она покинула корабль и рухнула в атмосферу. «Байонет» начал подъем от планеты. Пока я там, внизу, на самом большом из северных континентов, буду наводить дипломатические мосты, файтер затаится на средней луне.

Модуль опускался неторопливо, без спешки и десантной лихости, но даже так становилось все труднее дышать от наваливающейся тяжести. Оставалось только ждать, микроботы в крови уже начали работу. Я почувствовал голод и как раз прикидывал, перекусить сейчас, или дождаться, пока меня не проводят к местному вождю, когда в капсулу что-то с силой ударило. Прочная обшивка осталась целой, но модуль свалился в штопор. Меня прижало к спинке кресла. Раздался оглушительный треск, пространство начало стремительно наполняться дымом, а следом пол ударил с такой силой, что я на мгновение потерял сознание.

Приходил в себя с трудом. Кости ныли, свистело в ушах. Я обнаружил себя висящим вниз головой в натянувшихся ремнях. С трудом перехватившись, подтянулся, нащупал клавишу аварийного освобождения. Потолок бросился навстречу, ударом воздух выбило из легких, обратно он возвращался неохотно, с хрипом. Вот оно, притяжение настоящей планеты. К боли в поврежденных ударом и торможением ребрах прибавилась новая.

Я лежал, не двигаясь, ощущая, как механизмы в кровотоке торопливо штопают, наращивают мышцы, добавляют прочности костям. Когда голод стал вовсе невыносимым, дотянулся до мешка и вытащил два рациона. «Привычно омерзительный вкус, зато всего с запасом», с гордостью сообщала надпись на упаковке. Стоит заметить, что как минимум первая часть фразы соответствует действительности полностью.

Пока был как бы занят делом, внимательно осмотрелся. Капсула лежала вверх посадочными дюзами. Огромная благодарность конструкторам, что заложили в нее тройной запас прочности: не развалиться на части — важнейшее, что может предоставить посадочный модуль. Меня даже не завалило оторвавшимися элементами управления и поврежденной обшивкой. Все десять кресел, расположенных вдоль стен, остались на местах. В неярком свете аварийного освещения темнели свисающие ленты привязных ремней.

Когда я перестал жевать и отбросил пустую упаковку, наступила жутковатая тишина. На корабле такой не бывает никогда. Все время что-то потрескивает, шуршит в вентиляции воздух, но тут не было слышно ничего, кроме тока крови в ушах и собственного дыхания. Поднявшись, я вытащил из мешка литровую флягу с водой и не отрывался, пока та не опустела. Отбросил ее в сторону и впервые с момента аварии вызвал умную начинку модуля. Перед глазами появилось окно, посреди которого на черном фоне пульсировала красным надпись: «Невозможно установить связь». Отлично.

«Байонет» недоступен. Я вывел личную статистику: заряд батарей комбинезона — 98 %, что не может не радовать. Состояние здоровья чуть хуже. Меня все еще покачивает и даже шатает, внутренние повреждения оттягивают на себя ресурсы микроботов, замедляя подгонку тела к условиям планеты. Все, что я им даю, тут же расходуется на более важные вещи. Но зато я с каждой минутой все отчетливее ощущаю, как уменьшается тяжесть планеты на плечах.

Уцепившись за свисающий ремень, с усилием подтянулся, проверил, как ведет себя тело, удовлетворенно кивнул. Спустившись, набросил на плечи мешок с припасами и начал подъем к шлюзу. Хотелось верить, что его не заклинило, и у меня получится выйти наружу. Остаться в погибшем модуле нельзя. Нужно осмотреть повреждения и определиться с ремонтом связи. Без нее у меня нет доступа к картам и, что гораздо важнее, к помощи «Байонета».

Внутренний люк шлюза открылся легко, я забрался внутрь и проверил шкафы со скафандрами. Только в одном из одиннадцати пустых костюмов нашлась запасная батарея для бластера, я хлопнул ладонью по пустой кобуре и выругался: сам бластер остался внизу, там, где я его выронил. Поколебавшись секунду — не стоит ли сперва сходить за оружием — я махнул рукой: очень уж тяжело дался подъем. Да и что может случиться рядом с кораблем? Но уже в следующую минуту мне пришлось пожалеть о своем решении.

Шлюз не реагировал на нажатие кнопок. Открыв панель ручного управления, я потянул

ручку разблокировки. Будь в порядке автоматика, модуль предупредил бы об опасности, но сейчас даже файтер, наверняка следивший за происходящим и бомбящий капсулу запросами, не смог бы ничего сделать. Когда створка люка отскочила, скрывшись под обшивкой, в шлюз хлынула черная вонючая жижа, сметая меня за собой.

Не в силах сопротивляться, я рухнул в быстро заполняющее модуль болото. Грязь прибывала, меня закрутило, потащило на дно. Вцепившись в ремни, я повис, боясь наглотаться черной, гнилой воды. Тина залепила глаза, я смахивал ее, но лицо снова заливало грязью. К счастью, мне удалось удержаться на поверхности. Так, перебирая руками, я добрался до крайнего из кресел у люка и ждал.

Когда поток замедлился, я поплыл к шлюзу, перебираясь по свисающим из кресел ремням. Когда уровень жидкости сравнялся с уровнем снаружи, я попробовал выбраться. Перебираясь от шкафа к шкафу, наконец оказался снаружи.

Здесь было темнее, чем в модуле, и заметно холоднее. Почти ничего не видя, я пополз по металлическому боку модуля, но тот вдруг задрожал и начал стремительно погружаться. Ведомый чутьем, я бросился в сторону и что было сил греб, стараясь убраться как можно дальше. За спиной булькало, трещало, наконец, раздался продолжительный вздох, и над болотом теперь раздавались только всплески воды под руками и мое надсадное дыхание.

К моменту, когда удалось наконец нащупать дно под ногами, я окончательно выдохся. Мешок за спиной давил, пытаюсь утащить в грязь, благо, оставался герметичным и не набрал к собственному весу еще и черной жижи. Теперь я двигался на ощупь. Темнота стояла такая, словно вокруг была не живая планета, а лишенный атмосферы шар. Когда под ботинками перестало хлюпать, я опустил на землю и достал из мешка воду. Нужно дождаться утра. Знать бы еще, когда оно наступит.

Я замерзал, пусть комбинезон и старался изо всех сил. И снова ощутил, как внутри заворочался голод. Зато планета давила все меньше, к тому же начали проявляться смутные силуэты, а вскоре зрение адаптировалось, и я смог осмотреться. Впереди, насколько можно было разглядеть в сером мареве, раскинулось болото. Оно уходило далеко в стороны, кое где из него торчали скелеты деревьев, поднимались клочья тумана. Боясь увидеть то же самое за спиной, я обернулся и с облегчением выдохнул, обнаружив там темную полосу леса. Нас разделяла топкая полоса метров в двести. Многовато для того, кто никогда не ходил по болотам, но могло быть и хуже, упали модуль в самое сердце трясины.

Можно было попытаться добраться до берега уже сейчас, но небо на востоке наконец начало светлеть. Я расправился с очередным рационом, выпил воды и поднялся, держа в руке флягу. Еды у меня достаточно, но вот пить скоро станет нечего. Все еще сомневаясь, я скинул мешок и положил в него пустую емкость.

Потом долго и трудно выбирался с островка. Дно приходилось искать на ощупь, ноги скользили, то и дело я уходил с головой, но продолжал двигаться. К тому времени, как под ботинками зашелестела бурая хвоя, сил уже не осталось. Сел, оперевшись спиной о тонкий больной ствол. Можно было пройти дальше, туда, где высились настоящие деревья, но я решил, что сделаю это, как только немного передохну.

В мышцы быстро возвращалась сила, потребовав в замен уже известную цену. Распечатывая очередной брикет, я смотрел, как бледный желтоватый свет растекается над болотом. Солнца еще не было видно, утро здесь, как и остальные части суток, в полтора раза длиннее, но воздух уже начал прогреваться, над болотом поднимался туман.

Чувствуя, что вот-вот усну, я поднялся, энергично помахал руками, разгоняя кровь.

Спать сейчас — слишком дорогое удовольствие. Неизвестно, что бродит в этих лесах, так что нужно скорее выйти к людям. Повернувшись спиной к болоту, я поправил мешок и пошагал в лес.

Первые полкилометра дались тяжело. Почва была пропитана водой, и деревья вокруг стояли больные и тонкие, покрытые мхом. Дальше, едва топь осталась позади, лес заметно окреп, в низинах между кочками исчезла вода. Кое-где даже показалась трава, бледная и тонкая. Все чаще налетали тучи гнуса. Первый час я еще отмахивался, но потом брел, в бессилии уронив руки. Лицо и кисти покрылись мелкими укусами, все усилия микроботов были брошены на борьбу с ними, но без особых результатов.

Лес становился все гуще. Верхушки деревьев окрасились рыжим, но внизу по-прежнему оставалось темно и сыро. Пару раз я влетел в растянутую между деревьями паутину с огромными сытыми тварями в центре. Как и любой человек, выросший в космосе, ненавижу все ползающее и летающее, фу. С омерзением смахивая с себя липкие нити, я еще долго отплевывался и вздрагивал, но не останавливался, пока не понял, что забрел в чащу.

Кроны уходили вверх, насколько хватало взгляда, там деревья переплетались ветвями так плотно, что погибшие оставались висеть, не касаясь земли. Я остановился перевести дыхание и осмотреться. От болота я ушел далеко, это факт, но совершенно неочевидно, что приблизился к человеческому жилью. Программа подготовки к выживанию на планетах предполагала, что мы окажемся в одном из благополучных миров. Ну кому придет в голову спускаться во что-то настолько дикое? Пилот — не исследователь и не квартирьер, даже не разведчик, это пехота должна все знать и уметь.

Я прислушался, но кроме лесных шумов ничего вокруг не разобрал. Насколько они обычные? Может быть, прямо сейчас ко мне приближается какая-нибудь смертельно опасная тварь, и у меня даже не получится ее распознать, пока она не начнет меня жрать! Передернув плечами, я посмотрел на лес другими глазами. Теперь это было место, до краев набитое опасностями. Ладонь хлопнула по болтающейся на поясе пустой кобуре. Нужно выбирать. Выбрать направление, и идти, пока во что-нибудь не упрусь, или пока не встречу людей. В идеале хотелось бы выйти к реке. Самое очевидное место для того, чтобы поселиться, так что там точно кто-нибудь встретится. Еще бы знать, в какой она стороне...

Я пошел, выбрав направление наобум и поминутно оглядываясь. Все время казалось, что в спину кто-то уставился недобрый взглядом. Но вскоре пришлось полностью переключиться на преодоление завалов и опасности быть придавленным рухнувшим деревом.

За прошедшие часы тело заметно прибавило в силе и выносливости. Мне даже пришлось подгонять ставший неудобно тесным комбинезон. Внутренний зуд от восстанавливаемых органов и мышц наконец затих, пусть и не исчез полностью. Несмотря на полное отсутствие дороги, двигался я легко, а осмелев, и вовсе перешел на бег, перепрыгивая завалы.

Пару раз на полном ходу миновал звериные тропы. Только на третий остановился, сообразив, что она может вывести к воде. Двигаться по ней было тяжело. Ветви смыкались в метре над землей, тропинка то виляла, то вдруг скрывалась под завалами.

Наконец, впереди раздался плеск, запахло свежей зеленью. За очередным поворотом тропы открылась неширокая прогалина, оттуда ударил яркий дневной свет. Деревья расступились, уступая место кустам с бледной корой и длинными тонкими листьями. Дальше земля плавно понижалась, переходя в заросший высокой травой берег.

Я осторожно, боясь столкнуться нос к носу с обитателями леса, пошел к воде. Берег здесь был покрыт отпечатками лап, от крошечных до огромных. Даже я, совершенно не разбирающийся в животном мире, ощутил, какого размера был тот, кто оставил эти следы.

Подойдя к самой воде, я остановился и задумался. Куда теперь? Чутье, или что-то из знаний, полученных во флоте, подсказывало, что идти нужно вниз по течению. Возникла мысль наполнить запасную флягу, но я отбросил ее: обеззараживающие таблетки у меня в избытке, но здесь, у самого берега, в воде дергались какие-то совершенно мерзкие на вид существа. Брезгливо передернув плечами, я поднялся и не оборачиваясь пошагал туда же, куда двигался поток.

То, что за мной кто-то идет, я заметил далеко не сразу. Шагалось легко, здесь не подстерегали корни и острые сучья, земля пружинила под ногами, от воды тянуло свежестью, она звонко перекатывалась на камнях, негромко шелестели листья.

Сзади треснула сухая ветка. Я моментально выпал в реальный мир, развернувшись в прыжке, ладонь хлопнула по кобуре, которую я так и не выбросил.

Оно стояло за кустами. Огромная бурая тварь с головой размером с колесо тягача опиралось на четыре лапы, но даже так была почти одного со мной роста. Крошечные глазки смотрели со злобой, пасть, полная острых зубов, раскрылась, и до меня донесся низкий рык. Я замер, парализованный. В памяти всплыли истории, которые в детстве крутили по развлекательным каналам. В тех историях эти твари назывались медведями, но почему-то питались медом и ягодами. Та же, что стояла теперь в двадцати метрах от меня и готовилась напасть, на вегетарианку была похожа не больше, чем я — на...

Тварь сорвалась в бег моментально и совершенно неожиданно. Мое тело двигалось на рефлексах, вдолбленных в рептильный мозг бесконечными тренировками. Я еще не успел додумать мысль, как обнаружил себя катящимся в сторону от атакующей горы мяса и шерсти. Мешок сбился на затылок, я барахтался, пытаюсь скинуть его. Зверь двигался удивительно легко, он пронесся мимо, но почти сразу затормозил всеми четырьмя и развернулся. Чудовище поднялось на задние лапы, оказавшись выше меня почти вдвое. Мешок полетел в грязь. В голове роились и сталкивались мысли. Куда теперь? Или попробовать атаковать самому? Бред, такое сметет меня одним ударом лапы, не помогут даже микроботы, им просто нечего будет ремонтировать.

Тварь грозно заревела, задрав голову, и я начал действовать. Бросившись головой вперед ей под ноги, ушел в кувырок, зверь махнул лапой, и когти прошли так близко, что оставалось только радоваться, что на мне уже не было мешка. Оказавшись за широкой спиной, я наметил несколько точек для удара. Кулак вонзился зверю под ребра, туда, где у человека находятся почки. Кулак сперва пошел легко, но неожиданно уперся в твердые, как доска мышцы. Тварь злобно зарычала и опустила на все четыре лапы. Я едва успел отскочить, когда у самого лица щелкнули зубы. Увернувшись, я перекатился снова и, вскочив на ноги, бросился бежать.

Можно было свернуть в чащу и надеяться, что зверь застрянет, но я побежал вдоль берега, надеясь... На что? Да хоть бы и на чудо.

Далеко убежать не удалось. В несколько прыжков зверь догнал меня и навалился сверху. Острые зубы вгрызлись в спину с такой силой, что легкая бронированная ткань комбинезона едва выдержала. Придавленный к земле, я не мог двинуться, а тварь вцепилась в комбинезон и начала рвать его. Тонкий аккумулятор, вшитый между слоями брони, не выдержал и медведь отпрянул, получив электрический удар в морду. Пользуясь моментом, я сумел

развернуться и вцепиться руками в горло зверю. Длины рук едва хватило, чтобы держать его пасть в десяти сантиметрах от лица. Медведь дернулся. Мы покатались, зверь мотал меня, как пушинку, рвал когтями. Ткань комбинезона держала, но с каждым разом все хуже.

Неожиданно по телу прокатилась дрожь. Я ощутил знакомый зуд, голод навалился, такой же злой и тяжелый, как треплющий меня медведь. Сила начала вливаться в ослабевшие руки, зверь попробовал вырваться, но я вцепился в медведя как клещ. В голове помутилось. Я словно со стороны наблюдал, как вонзил зубы твари в шею и выдрал кусок плоти. Медведь завизжал, в горло мне полилась горячая кровь, от вкуса которой в черепе радостно зазвенело.

Ослабленный радостной эйфорией, я не замечал, как перестал дергаться и кричать убитый мной медведь, как ослаб и пропал зуд в теле. Из ран по всему телу вместе с кровью уходила жизнь, но мне было все равно. Навалившийся сверху зверь был таким теплым, что хотелось просто закрыть глаза и ни о чем не думать.

Краем сознания я фиксировал раздавшиеся где-то далеко крики, но не мог разобрать слов. Кто-то откатил тушу, множество крепких рук ощупали меня, сорвали изодранный комбинезон. Потом меня долго куда-то несли, и я оказался в темном помещении с низким потолком. Здесь пахло травами и огнем. В поле зрения показалось лицо, но взгляд плыл, и наконец все затихло.

Глава 3

Просыпался мучительно, словно снова оказался в морозильной камере и теперь приходил в себя после перелета. Но на этот раз к неприятным ощущениям добавилась невыносимая боль во всем теле. Я терпеливо ждал, пока микроботы закончат ремонт, и, не дождавшись, снова проваливался в небытие. В бреду мерещились чьи-то руки, нежные и уверенные, влажной прохладной тряпкой омывающие раны, их прикосновение притупляло боль. Слышался негромкий голос, напевающий что-то на неизвестном языке. В окружающей темноте было душно, влажный воздух пах травами, землей и чем-то животным. Каждый раз я порывался убрать то, что мешало видеть, но не мог поднять руки.

Наконец, наступил день, когда я открыл глаза и понял, что снова могу видеть. Низкая кровать стояла в углу комнаты с низким потолком. Бревенчатые стены были закрыты связками корней и сухих цветов, в свете из крошечного мутного окна казавшиеся серыми. Под окном расположился стол, на котором стояли кувшин с узким горлом, пара кружек и чашка с торчащим из нее куском материи.

Дверь в дальней стене открылась. Я успел увидеть темное помещение по ту сторону, а в следующий момент в проеме появилась девушка с глубоким деревянным тазом в руках. Ловко перехватив его одной рукой, она притворила за собой створку и пошла к кровати. Подтянув ногой скрытый за спинкой кровати табурет, она опустила на него свою ношу. Вода плеснула через край. Потом направилась к столу и зазвенела посудой. Я же с интересом рассматривал ее.

Крепкая фигура под простым, даже грубым платьем. Рукава закатаны, видны темные от загара предплечья и крупноватые грубые кисти. Волосы собраны под платком, когда в чашке появился огонек, он осветил выбившуюся темную прядь. Обернувшись, девушка привычным движением убрала ее. Серые глаза на веснушчатом полном лице смотрели с сочувствием, но когда она заговорила, я обнаружил, что не понимаю ни слова. Увидев растерянность на моем лице, она удивленно вскинула брови и снова что-то сказала. По тону я распознал вопрос, но лишь помотал головой:

— Не понимаю.

Тон ее голоса стал требовательным. Уперев руки в бока, она ждала ответа, но на все ее слова я мог только повторять: не понимаю. Не понимаю! Голова закружилась, я упал на тук с тряпьем, заменявший подушку, и закрыл глаза. Девушка подошла к ложу, послышался плеск воды, влажная тряпка легла на лоб, прошлась по щекам, шее. Я расслабился, слушая, как она что-то втолковывает мне негромким голосом. Я был еще слаб, но только теперь со всей отчетливостью почувствовал, как сильно изранен. Боль притупилась, и невозможно было сказать, сколько времени прошло. С микроботами ремонт, даже самый сложный, занял бы сутки, вот только я не чувствовал их присутствия. И даже не хотел думать, с чем это могло быть связано.

В конце концов я заснул под тихий плеск и журчание голоса. Мне снилась тьма.

С того дня я больше не проваливался в небытие, а засыпал и просыпался. Вернулся голод, к счастью, не такой страшный и всепоглощающий, какой бывал, пока организм приспособливался к планете и торопливо латал себя. Обычный голод. Я съедал все, что приносила девушка, выпивал горячие горькие отвары, потом она приносила таз с водой, меняла повязки. Так продолжалось, пока однажды я не почувствовал, что силы вернулись.

Девушка вошла, поставила на табурет у кровати глубокую тарелку и привычно зажгла коптящий светильник на столе. Усевшись на край постели, она зачерпнула ложкой жидкую кашу. Я отвернулся и мотнул головой:

— Нет.

Она удивленно захлопала глазами и попробовала снова. Мне пришлось сжать губы. Чувствуя себя глупо и от того злясь, я отстранился и сказал тверже:

— Нет! Тебе придется меня развязать. Развязать, понимаешь? — Я указал взглядом на веревки, которыми были притянуты к кровати запястья, подергал их для большей выразительности.

Она улыбнулась неуверенно, потом ткнула мне ложкой в губы. Я зарычал, дернулся но тут же об этом пожалел. Девушка вскочила и, поставив тарелку на стол, выбежала из комнаты. Но тут же вернулась с ножом в руке и твердым шагом направилась ко мне. Я отпрянул, когда она приблизилась вплотную. Металл коснулся кожи, негромко скрипнули веревки, раз, другой, я поднялся в постели выше, уселся, потирая запястья. Девушка уселась на табурет. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, потом она четко произнесла, указывая на себя:

— Беата.

— Беата, — повторил я. — Это твое имя?

Она на миг сжала губы, недовольно дернула щекой. Повторив жест, она снова назвалась, а затем вопросительно вскинула брови, а ее палец указал на меня. Я ответил не сразу. Там, где существуют корабельные и планетарные информационные сети, нет необходимости в длинных словах, все можно передать образами. Мое же имя не просто длинное, оно состоит из сотни символов, куда входит вся информация о трех поколениях предков и системе, где меня произвели на свет. Вздохнув, я начал медленно и четко выговаривать звуки.

Девушка смотрела с недоверием. Когда я закончил, она улыбнулась, явно принимая все это за шутку. Указав пальцем на себя, она хотела повторить, но я отмахнулся и снова назвался, оставив ее ошарашено моргать.

Больше в этот день мы не разговаривали. Изредка я ловил на себе заинтересованный взгляд, но больше она ко мне не приставала. Зато на следующее утро, едва открыв дверь, она бодро прощбетала:

— Петер, эстас Беата!

Я улыбнулся в ответ. Так звали моего прадеда. Юто были первые звуки моего имени. Как бы то ни было, начало контакту было положено. Мне столько нужно было узнать!

Дни шли, проснувшись, я дожидался ее прихода, глотал жидкую безвкусную кашу, потом начинался урок. Девушка указывала на предметы или части тела и четко произносила их на местном языке, а я как мог повторял, иногда специально ошибаясь, чтобы услышать ее смех. Смеялась она хорошо, открыто, тут же срывалась в долгие щебечущие объяснения, а я откровенно ей любовался. Учиться было легко. Местный язык оказался страшно исковерканной версией галакто, где многие слова были искажены настолько, что изначальный смысл в них угадывался с огромным трудом. Но я старался, и вскоре уже мог более-менее связно объяснить, что где стоит и для чего это нужно. И тогда сказал Беате, что мне пора уже выйти на улицу.

Дойти до двери я смог без ее помощи, нелегкое умение перемещаться на двух ногах я восстановил сразу же, как Беата отвязала меня от кровати, проложив тропу к ведру в углу. Теперь ходил довольно бойко, пусть мерзкая каша и оставляла минимум сил. Сейчас я

прошагал через комнату, задевая головой свисающие с потолка травы и паутину, выбрался в незапертые сени и открыл наружную дверь. В глаза ударил яркий солнечный свет, заставив зажмуриться. От свежего воздуха закружилась голова, я едва не упал, Беата подхватила меня под локоть, я почувствовал ее сильные руки и позволил вернуть себя в кровать.

На следующий день я смог выйти из дома и даже немного пройтись, заодно пополнив словарь новыми словами. Двор оказался совсем маленьким, от улицы его отгораживал высокий глухой забор из почерневших досок. По ту сторону росли деревья с густыми кронами и доносились незнакомые звуки. Перекрикивались отвратительными голосами какие-то птицы или животные. Я слышал их еще из дома и страшно бесился, когда они будили меня, когда за окном было еще темно. Обходя двор, я наконец увидел крикуна. Не выше колена, с огромным красным гребнем и переливающимся хвостом, он с важным видом ходил среди внешне похожих, но более мелких существ. Я ткнул в него пальцем:

— Кто?

— Петух, — с готовностью ответила Беата, потом указала на мелких: — куры.

Разные виды? Странно, я мог бы поспорить, что это самец с гаремом. Но ладно. Мы шли дальше, и я узнавал, что вот это, откуда берут воду, — колодец, вон там — сарай со свиньями, это — овин. Искаженные формы слов занимали место рядом с обычными, новые я просто запоминал, пусть с ними и было сложнее. Вернулся в дом совершенно разбитым, но довольным. Еще через день я потребовал встречи со старшими, и Беата пообещала, что все устроит.

Теперь я мог проводить снаружи почти весь день. Сидел на лавке у крыльца, бродил, вслушиваясь в звуки по ту сторону забора. Там кто-то ходил, что-то прокатывалось, доносились крики животных. Было много птиц. Пожалуй, слишком много: не привыкший, чтобы что-то болталось над головой, я дергался, стоило пронестись очередной пернатой твари. Приходили к забору и дети. Они шатались неподалеку, стараясь рассмотреть меня через щели, самые смелые залезали на деревья.

Так прошло несколько дней. Все шло точно по расписанию, разве что теперь повязок на мне не было, и под старой, но чистой рубахой страшно зудели розовые шрамы. К тому же, меня теперь лучше кормили. То ли жидкую кашу предписывало лечение, то ли поняли, что выживу и решили, что можно кормить получше. Мясо было жестким, хлеб странно похрустывал на зубах, но силы начали возвращаться с удвоенной скоростью. Беата приходила трижды в день, и каждый раз очень искренне удивлялась изменениям. Да я и сам теперь видел, как наливаются собранные микроботами мышцы, истаявшие за время болезни.

Наконец, однажды утром, на исходе недели с того дня, как я смог подняться, Беата не ушла сразу после завтрака. Она стояла у стола, глядя, как я пытаюсь прожевать похожий на подошву кусок мяса, и когда я уже почти отчаялся с ним справиться, сказала:

— Сегодня до старосты пойдем, велено тебе быть.

Я с готовностью бросил недоеденное в тарелку.

— Давно пора, — ответил я на галакто, а на местном уточнил: — сразу пойдем? Сейчас?

Она кивнула, и мы вышли из дома. Калитка в этот раз не была заперта. Беата шагала первой, а я, оказавшись снаружи, остановился и осмотрелся. Бедновато, грязно, под ногами в грязи колея в два ряда, напротив, шагах в двадцати, ряд заборов похуже того, за которым я провел столько времени. По ту сторону дороги щиплет траву крупное рогатое животное. Я не успел рассмотреть его в деталях, как меня окликнула Беата:

— Ты обезумел, что-ли? Коровы не видал? Пойдем, говорю!

Пока шли, я продолжал откровенно пялиться по сторонам. В Центре такого нет и быть не может, разве что на Земле, в каких-нибудь африканских резервациях еще остались... оставались, когда я начал полет, поселки дикарей, но меня туда никогда не тянуло. Здесь же приходилось привыкать ко всему: к диким звукам, вони, холоду и духоте, но привыкать не хотелось. Нужно быстрее объясниться с местными, чтобы они проводили меня в город. Не думаю, что он намного чище, но все же.

Дом старосты был самым высоким из тех, что я увидел здесь. Второй этаж нависал над оградой из толстых досок, в ворота пролез бы дом Беаты целиком, а в калитку прошли двое, не зацепившись локтями. Нам открыл худой бородатый мужик, такой суровый, будто это он тут хозяин. Я глянул в его недовольную рожу и отвернулся: на крыльце появился сам староста в компании человека, которого я сразу определил, как воина. Широкий в плечах, взгляд оценивающий, он окинул меня взглядом, моментально оценив выпуклые мышцы под простой рубахой. Мы с ним были одного роста, но он смотрел с таким превосходством, что я почувствовал себя раздетым, хорошо, что Беата сумела достать мне штаны и сапоги!

Староста был на голову ниже воина, но превосходил во всем остальном, особенно в размерах необъятного пуза. Из ворота рубахи торчали седые волосы, такие же седые усы топорщились под крупным носом, а на голове сияла лысина. Беата начала было говорить, но я шагнул вперед и представился:

— Петер, рад встрече. Я прилетел к вам с неба, и теперь мне нужно попасть в город...

Они ошалело пялились на меня, потом староста зашелся в кашляющем смехе, а воин холодно спросил, обращаясь к девушке:

— Этот самый задавил медведя? Наверное, то был медвежонок... Недельный. Ты сказала, бродяга выздоровел, но он, похоже, повредился головой.

— Господин Арата, он ничего такого при мне не говорил, я даже не знаю...

— Эй, ты виллан или серв? — отсмеявшись, староста вытер слезу и стал серьезным. — И чьих ты?

Я молчал, пытаюсь понять, что им от меня нужно. Им только что сообщили, что прибыл человек со звезд! Они должны ошалеть от счастья, но вместо этого задают какие-то дикие вопросы!

— Я не понимаю, о чем вы...

— Может, ты шпион? — взгляд воина стал совсем ледяным, рука потянулась к висающему на поясе длинному ножу. — Тогда лучше сразу кровь пустить.

Это прозвучало как-то совсем буднично, и я сразу же поверил, что этот зарежет без лишних слов. Кулаки сжались непроизвольно. Накатило чувство нереальности происходящего, я готов был прыгнуть через разделяющее нас расстояние, три метра вперед и почти метр вверх, и чувствовал, что смогу. Вырвать нож, второй рукой схватить старика... Та возня с медведем что-то сдвинула во мне, от чего даже сомнения не возникло в правильности поступка.

Я едва не сорвался с места, но тут на моих плечах повисла Беата. Руки у нее были не по-женски крепкие. Я поддался, приходя в себя и делая вид, что и не собирался ничего делать, а эта женщина непонятно зачем наскочила и вообще. Арата недобро шурился. Понял ли он? И если понял, чем это мне аукнется?

— Господин Арата, блаженный он! Блаженный! Головой ударился, весь ум стряхнул!

— Да, Беата, — подхватил я, — что-то мне совсем нехорошо... Где мы? Я хочу домой...

Я повис на ней, старательно округляя глаза и изображая дурака. И мне вроде бы даже поверили. Подозрение на лице воина сменилось презрением, а староста отмахнулся:

— Уводи, пускай идет на конюшни помощником, раз головой повредился.

Развернувшись, он скрылся в дверях. Арата помедлил, всматриваясь в мою дурную рожу, и последовал за стариком. Беата вытолкала меня за калитку и только там с шумом выдохнула:

— Точно сумасшедший! Откуда ты только к нам попался! Какого лешего!? Тебя бы сразу убили, а потом и меня... Пойдем!

Она потащила меня с такой силой, что я едва успевал переставлять ноги. Первый контакт с местными на высоком уровне прошел совсем не по плану. Скорее всего, и об этом стоило подумать раньше, факт прибытия людей из космоса лег в основу религии, а то и вовсе забыт. А это очень неприятно, учитывая, что я здесь совершенно никто, и подтвердить свои слова смогу разве что новыми словами. Модуль утонул, уничтоженный медведем комбинезон теперь не полезнее тряпки. Да я даже не смогу показать фокус с мгновенным заживлением ран, потому что микроботы вне электрического поля впадают в стазис! Здесь, в диких землях, я не посланник предков со звезд, а блаженный, которого приписали к конюшне, потому что ни на что большее он не годится.

Деревянная лопата елозила по влажному полу, собирая солому конские каштаны. В конюшне на дюжину стойл пахло ужасно, но мне, хоть и с огромным трудом, удалось обвыкнуться. Я грузил запревшую посыпку на телегу и веза сарай, сваливая там огромную кучу, потом тащил свежую. В этот час конюшня была пуста. Всех животных разобрали на работы, и у меня появилось свободное время, чтобы придаться самобичеванию. Забравшись по лестнице на верхний ярус, я развалился в сене, закинув руки за голову.

Я снова и снова анализировал случившееся неделю назад на пороге дома старосты, стараясь понять, что же со мной случилось. Чего это вдруг я едва не бросился на вооруженного человека? Да и не только этим хорош, посланник небес, три раза ха-ха. Хорошо, не успел пообещать чудес, хоть и без этого угодил в блаженные со скоростью звука.

Беата не появлялась с тех пор, как привела меня в конюшни. Когда уходила, посмотрела со смесью жалости и безразличия, а я стол столбом, пытаюсь осознать такие стремительные перемены, и даже не попытался... Да ничего не попытался, а потом уже стало поздно.

Зато за следующую неделю смог выяснить кое-что о местном общественном устройстве. Тот же староста оказался далеко не главным, а всего лишь одним из винтиков, поставленным над этой деревней собирать налоги и следить за порядком. Сразу над ним стояли судья и священник, а все земли вокруг принадлежали барону. Хозяин, по словам крестьян, был человеком страшным и скорым на расправу, и появления его здесь ждали с ужасом. Благо, появлялся он два-три раза в год, не оставаясь даже на ночь.

Под управлением старосты два десятка дворов, около полутора сотен человек. Из них в холопах состояли только пять семей, предки которых чем-то не угодили деду, а то и прадеду барона. Остальные же были более-менее вольными. К каким относить меня, тут еще не определились, но кормили, а уже через пару дней перестали настороженно коситься.

Единственное, я так и не понял, чем тут занимается и куда делся после моего позорного выступления Арата. Но мне так было даже лучше после того, как едва сам себе не затянул петлю на шею. Что тогда на меня нашло? Тело действовало само, словно напуганное боем с медведем и теперь страхующее себя, заранее накачивая мышцы адреналином и отключая голову. И хорошо, что рядом оказалась Беата, очень хорошо.

Я вытащил соломинку и принялся грызть, глядя в потолок и раздумывая, как быть дальше. Нужно двигаться выше, поговорить с кем-то из местной знати, духовенства. Очень не хочется провести остаток жизни, занимаясь грязной работой. Но что я смогу предложить? Знания человека из космоса тут не помогут, приемы борьбы, рассчитанные на низкую гравитацию и узкие коридоры кораблей тоже. Та схватка с медведем шла просто сила на силу, и победил я почти исключительно благодаря удаче. Хотя, может, правда пойти на службу? Дождаться Арату, сыграть в исполнительного дурака и попроситься к нему?

Внизу скрипнули, открываясь, ворота. В конюшню заглянул сын конюха, белобрысый мальчонка лет десяти. Он огляделся, с показной серьезностью оценивая мою работу, потом крикнул:

— Эй, Петр! Обедать пора, слезай!

Я со вздохом поднялся, нарочито медленно сполз вниз по лестнице. Ополоснувшись в бочке у входа и вытряхнув пыль, пошел к общему столу через просторный двор. Конюшню окружали сараи, сенник, дымила кузница, оттуда доносился звон и тяжелые удары молотом.

Раздался зычный рев, и грохот прекратился, из широких ворот, заменявших кузнице двери, появился мастер и его помощники.

Мужик в возрасте с толстыми руками и туго натягивающим кожаный фартук пузом и лоснящимся от пота круглым лицом кивнул, когда я проходил. Огромные, похожие, как гвозди подмастерья презрительно поджали губы и отвернулись, всем видом показывая, что какой-то бродяга не чета им, будущим кузнецам. Я мысленно пожал плечами: в друзья не набиваюсь. Вместе двинулись к выставленным в саду столам. Тут уже собрались все, расселись, мне, как положено младшему работнику, досталось место с краю.

Пока женщины торопливо двигались вдоль столов, разливая суп, поднялся конюх и произнес благодарственную в честь святых. Все благочестиво молчали, я тоже старательно изучал доскистола. Не сказать, чтобы я был великим специалистом, но как и предполагалось, поклонялись они Солнцу, Дающему жизнь, и неким первым людям, пришедшим в мир со звезд. Ожидаемо для культуры, возникшей на колонизированной планете.

У этих первых был изолотой век, и грехопадение, и катастрофы, не товнаказание, не то для укрепления веры. Подробнее разобраться покане удалось, но я поставил себе целью выяснить. Мне ведь нужно понять, что же тут случилось.

Тарелка передо мной наполнилась, и я как раз приступил к еде, когда далеко за сараями поднялся шум, что-то звенело, раздались крики. Мужчины вскочили слаженно, истало понятно, что происходящее им знакомо. Я поднялся следом, бросился бежать на шум, но люди вокруг спешили не туда. Сначала они кинулись к невысокой пристройке у кузницы, где подмастерья уже торопливо раздавали подбегающим мечи. На улицепоявилсясам кузнец, в кольчуге и шлеме. В глазахсветилась злаярешимость.

Один из братьев-подмастерьев оглядел меня, неуверенно опустил уже протянутую полосу стали, словно сомневаясь, что мне удастся с ней справиться. Я зло выдернул клинок из его руки, ощутив еговес, едва не выронил, но удержал, ощущая, как разливается в груди горячая сила. «Все-таки, микроботы перестарались», — проскочило в голове, пока я несся к месту сражения.

Конюшни с кузницей были построены за деревней. Пока мы бежали через неширокий луг, отделяющий нас от крайних домов, над крышами появилсяпервыйдым. Я и братья-подмастерья вырвались вперед, еще шестеро пыхтели позади. На улице никого не было видно, только мелькнуло впереди темное платье. Мы бросились в ту сторону и оказались прямо посереде сражения, когда из проулка выскочили наши деревенские мужики, за которыми гнались крепкие, одетые в легкую кожаную броню воины.

Я замедлил бег, разглядывая незнакомцев, но мои спутникивсе поняли моментально. С дружным ревомонирубислись в толпу нападавших, игнорируя факт, что врагов было в три раза больше. Спасавшиеся деревенские, видя, что преследователи отвлеклись на нового противника, как по команде развернулись и тоже бросились в драку. Вооружены они были простымиплотницкими топорами и палками, но братья в первые же мгновениясрубили троих, а оставшихся просто задавили числом.

Когда подоспели отставшие, все было кончено. Тяжело отдуваясь, кузнец собрал всех и раздавал указания. Люди разбегались по трое, и наконец посреди улицы остались только мы двое. По лицу кузнеца катились крупные капли. Перехватив поудобнее меч, он прорычал:

— Пойдешь со мной! Ато прибьют, кто будет у лошадей убирать?

Деревня горела. Отовсюду поднимались толстые дымные столбы, доносился запах гари.

Над домами стоял крик, звуки сражения. Мы с топотом пронеслись вдоль заборов, вбежали в распахнутые ворота. В дыму кто-то дрался, пробегали люди, их преследовали, на моих глазах одного сбили с ног и начали рубить. Кузнецпобежал, непонятно как ориентируясь в окружающем хаосе, вскинул меч, на бегу врубившись в сражение. Я двинулся следом, старательно глядя под ноги, и не сразу заметил вышедшего мне навстречу человека. Чутье в самый последний момент подсказало: что-то не так, тело качнулось в сторону, уходя от удара. Рядом в землю гулко впечатался огромный топор. Человек недовольно хмыкнул, стряхнул с лезвия комья грязи и снова занес оружие.

Все происходящее казалось нереальным. С момента, когда мне вручили меч и до сих пор я словно наблюдал разворачивающуюся вокруг постановку, видел будто в замедлении, как враг поднимает топор, как тот начинает падать, целясь мне в голову. Ноги напряглись, собираясь снова дернуть в сторону, но мне удалось остаться на месте. Меч взлетел навстречу, лязгнула сталь, и металлическую полосу едва не выдернуло из руки! Пальцы онемели, болью стегнуло до самого плеча. Я пошатнулся, и тут же на меня обрушился град ударов. Спасала только реакция, меч оказывался в том месте, куда целил топор, опережая лишь на миг. От звона закладывало уши, меч удавалось удерживать с огромным трудом даже с обеими ладонями на рукояти. Наконец, воин нанес удар страшной силы, выбив оружие, а лезвие топора вскользь прошло по плечу, разодрав рубаху и оставив глубокий порез на коже. Ткань начала стремительно пропитываться алым.

Я лапнул рану, тупо уставился на кровь, оставшуюся на пальцах. Неожиданно это помогло. С глаз спала пелена, оставив понимание, что все происходящее вокруг — реальность, и что меня только что едва не убил вот этот вот крепыш в кожаном доспехе и с совершенно разбойничьей бородой. И что самое главное — он еще может довести дело до конца. Черт возьми, неужели озарение не могло прийти минутой раньше, пока в моих руках еще было оружие?!

Лицо врага, больше похожее на звериную морду, расплылось в усмешке. В глазах появилась нескрываемая радость. Он начал неторопливо поднимать топор, давая себе насладиться моментом, а я почувствовал, как в груди поднимается ярость. Торопливо осмотревшись, я нашел взглядом меч, напряг ноги. Разбойник ощерился, но я прыгнул не в ту сторону, куда, по его мнению, должен был стремиться. Топор снова ударил в землю, а я, перекатившись в пыли, вскочил на ноги и оказался у крепыша за спиной. Выхватив из ножен, болтающихся у того на поясе, кинжал, сжал рукоять и нацелился в шнуровку, стягивающую доспех на боку, но неожиданный удар ногой в живот опрокинул меня обратно на землю. Перекатившись через голову, я оттолкнулся ногами и бросился вперед.левой рукой вцепился в рукоятку занесенного для удара топора, пальцами правой с зажатым в кулаке кинжалом — за ворот, навалился всем весом, опрокидывая, а оказавшись сверху нанес несколько стремительных ударов в горло. На рубаху брызнуло красным, разбойник забулькал, толстые пальцы вцепились мне в горло, но он быстро терял силы.

Я отвалился, тяжело дыша. В ушах стучало, но силы возвращались удивительно быстро. Поднявшись на ноги, я подобрал меч и огляделся. Дым носило ветром, открывая поле недавнего сражения. В пыли остались порубленные разбойники и деревенские мужики, последних оказалось больше. Здесь все уже закончилось, бой переместился дальше. Меня шатало, но тело снова наливалось силой, и скоро я уже бежал.

На улицах царил полнейший бардак. Огонь перекидывался с домов на пристройки, люди жались к заборам, не рискуя заниматься пожаром, мимо то и дело пробегали

разбойники, завязывались короткие но жаркие сражения. Я двигался от схватки к схватке, рубился, авскоре неожиданно оказался во главе отряда в десяток человек. Теперь разбойники пытались уйти с дороги, едва мы появлялись, многие волокли мешки с награбленным, а на одной из улиц настигли бородачей, ведущих на длинной веревке воющих девок и баб, этих рубили и топтали с утроенной злобой.

Наконец с облегчением обнаружилось, что биться не с кем. По улицам спешили деревенские, тащившие от колодцев ведра с водой, торопливо заливали еще не сгоревшее. Я с бойцами оказался за околицей, остановился, глядя вслед убегающим разбойникам. Не знаю, сколько их было в начале, но теперь через поле в сторону недалекого леса спешили человек пятнадцать, все в посеченной броне, многие безоружия.

За спиной зашумело, донесся топот, крики. Уцелевший пролет забора недалеко от нас дрогнул от мощного удара, рухнул, через него перекатился сильно потрепанный бородач с залитым кровью лицом и вразрубленном доспехе. Следом на улицу вывалились мужики с топорами и кольями, среди них как гора возвышался один из братьев-подмастерьев в изодранной рубахе и обломком меча в руке. Отбросив бесполезную теперь железку, он поднял разбойника и снова швырнул, тот закувыркался в пыли. Мужики надвинулись, грозно крикая, сомкнулись над врагом, колья и топоры размеренно поднимались и опускались. Подмастерье уже не смотрел на них. Подойдя, он оглядел меня, собравшийся под моей рукой отряд, одобрительно хмыкнул.

— Молодец. А чего за теми не погнались? — он указал вслед убегающим разбойникам. — Как раз на опушке бы настигли.

— И они бы нас там всех и положили, умник!

Он взглянул на меня с одобрением, ответил:

— А ты совсем не прост, Петр. Зови меня Айваном.

Он протянул руку, ладонь была широкой, но не намного шире моей. Он удивленно вздернул брови, когда я сказал:

— Не Петр, Петер. Это немного другое.

— А какая разница?

Действительно. Я отмахнулся, к нам как раз вышли еще люди, сильно потрепанные но радостно галдящие. Увидев, что драться больше не с кем, мужики разворачивались и торопились на помощь сражающимся с огнем. Пришедшие со мной о чем-то переговаривались, пихая друг друга локтями, наконец один, самый старший, вышел вперед и, переводя взгляд с меня на Айвана, сказал:

— Ну, раз здесь того, то мы тогда пойдем, надо остальным помочь.

Мы кивнули одновременно, и мой отряд, снова ставший деревенскими работягами, побежал к деревне. С другой стороны к нам спешили люди в кольчугах, с ног до головы залитые алым. Впереди шел Арата, по правую руку от него шагал кузнец и что-то объяснял, жарко жестикулируя. Поравнявшись с нами, они остановились, и воин сказал, обращаясь к Айвану:

— Гляжу, ты со своими тут неплохо поработал.

— Да, сумели отбиться, — Айван вытянулся, став на полголовы выше. — Илая только посекали сильно, мужики к Беате потащили, да еще ловцы вырваться успели, которые наших баб уводили, а так легко отделались.

Я обернулся на горящую деревню, передвнутренним взором встали картины лежащих тут и там мертвых мужиков, стариков, даже детей и женщин, убитых с какой-то запредельной

для меня жестокостью. Если для них это «легко отделались», то я даже не знаю, что и думать. Дикий мир.

— Мы с мужиками перехватили вавших ловцов, — я кивнул в сторону затянутых дымом улиц. — Все бабы целы, только перепугались. Но, думаю, это не страшно?

Арата встретился со мной взглядами, сказал равнодушно, обращаясь все так же к Айвану:

— Он говорит правду?

— Видел большую толпу баб, помогали друг другу выбраться из веревок. Значит, не брешет.

Он пожал плечами, Арата кивнул, сказал с холодом в голосе:

— Хорошо, можешь возвращаться на конюшни.

С этими словами он отошел и принялся отдавать приказы собравшимся вокруг воинам. На нас с подмастерьем внимания больше никто не обращал. Айван хлопнул меня ладонью по плечу, бросил одобрительно:

— А ты ничего так, оказывается, правильно у нас про тебя шепчутся! Ладно, пойдём к Беате. Гляну, как там Илай, а тебя перевязать нужно.

О чем там шепчутся на конюшне, я узнать не успел, он буквально потащил меня в сторону домишки Беаты, к которому уже со всех сторон тянулись покалеченные, обожженные, девки тащили ведра с водой, от которой валил пар, кто-то волок корзины с чистыми тряпками.

Ну, по крайней мере, взаимовыручка тут на высоком уровне. Жаль, что появилась она не от хорошей жизни.

Беата в деревне была единственной целительницей, но помощников во двор набилось столько, что дело пошло споро. Сперва закончили с самыми тяжелыми, таких оказалось немного. С глубокими проникающими ранами выжить на таком уровне цивилизации просто нереально. Их оставили в доме под присмотром баб. Отделавшиеся легкими травмами разошлись сами. Я сидел на лавке в углу двора, сжимая плечо. Болело ужасно, но кровь почти остановилась, рана схватилась тонкой коркой: даже неактивные, микробы хоть на что-то годились.

Двор был заполнен стонущими и мечущимися людьми. Между ними ходили молодые девки, носили воду, часто присаживались рядом, чтобы утереть пот. Когда суэта улеглась, я решил обратиться к себе. Подойдя к Беате сзади, негромко кашлянул, она быстро обернулась, брови ее удивленно взлетели, потом взгляд опустился к ране на плече.

— Господи! — она схватила меня за руку, усадила на лавку под окном. — Как же тебя так...

Пальцы ее профессионально пробежали по краю раны, ощупали кожу, она удивленно сказала:

— В первый раз вижу, чтобы рана так быстро закрылась! Чудной ты человек.

Она потянулась было к игле и суровым ниткам, стоящим на подоконнике, в сомнении переводила взгляд с них на мое плечо, потом решительно отмахнулась: не нужно. Помогла стащить через голову испорченную рубаху, стрельнув глазами по моей фигуре, промыла рану, приложила чистую тряпицу. Я следил за ее работой, откровенно любуясь четкими движениями. Из-под платка снова выбилась непослушная прядь, она дула на нее, отгоняя от глаз. Я протянул здоровую руку, осторожно убрал волосы обратно под платок, Беата не отстранилась, на щеках появился румянец, но она коротко мотнула головой, указала взглядом на переполненную ранеными комнату. Я кивнул, принимая молчаливый ответ, поднялся и вышел из дома.

После такой жизни деревенских мало что изменилось. Только злой Арата часто появлялся на конюшне, о чем-то долго разговаривал с конюхом и кузнецом, но меня не беспокоил. Я все больше отлеживался на сеновале, с удивлением наблюдая, с какой нечеловеческой скоростью заживает рана и начинает пропадать шрам, и прекрасно понимая, что если бы удар не прошел вскользь, и топор врубился мне в плечо, лежать мне теперь на местном погосте.

Уже через пару дней я вернулся к работе, заметив при этом, как изменилось отношение местных. У многих в бою poleg кто-то из родных, у жены конюха едва не увели племянницу с девками, что тащили на веревке разбойники, и теперь со всех сторон неслись приветственные возгласы, а на тарелке стали попадаться лишние куски. Масла в огонь подливал Айван, в красках расписывая, как мы едва не вдвоем погнали всю шайку. Спаси в нем и его брата, едва начавшем снова ходить, опираясь на палку, поубавилось, хоть они и продолжали поглядывать на меня свысока.

Мне уже почти начала нравиться тихая размеренная жизнь, когда на четвертый день после нападения разбойников прибежал посыльный. Я как раз заканчивал уборку, когда в ворота ворвался паренек из деревенских, прокричал:

— Петр, бросай все, там тебя у старосты дожидаются!

— Кто? — я оперся на грабли, уточнил: — И зачем?

— Ты дурной совсем? — закричал он еще пронзительнее, в нетерпении махнул рукой:

— Сказано тебе, бежим! Люди из города приехали, тебя видеть хотят! Давай скорее!

А вот это было интересно. Наверняка о моих подвигах стало известно кому-то повыше, кто может принимать решения. Отставив к стене грабли, я вытер руки о тряпку и последовал за парнем.

За воротами я не был посленападения, и пока мы шли к дому старосты, с интересом крутил головой. Люди торопливо отстраивались. Сгоревшие дома растаскивали по бревнам, почти не пострадавшие сверкали свежей соломой. Над улицей стоял густой аромат свежего дерева, со всех сторон раздавался стук топоров.

У ворот дома старосты я увидел странную неудобную повозку. На осях от обычной телеги был установлен короб с окнами и дверью, высокий и страшно неустойчивый, кажется, такоездесь называется каретой. На дверях ярко блестело золотое солнце на черном фоне, четверка коней, запряженных в карету, была украшена попонами с вышивкой золотыми нитями, а на козлах сидел кучер такой важный, будто это на встречу с ним меня вызвали. Парень указал на ворота и тут же с топотом сорвался с места. Я поглядел ему вслед и вошел. У дверей меня ждали двое, облаченные в латы и с длинными пиками в руках. Мыпрошли в дом, один из стражников двигалсявперед, указывая дорогу, второй шагал следом, едва не наступая на пятки. Миновали просторный первый этаж с широкими окнами, обставленный не новой, но добротной мебелью, поднялись по лестнице на второй, разделенный на комнаты, но такой же светлый. Повсюду на чисто выметенных досках пола лежали разноцветные половики, пахло хлебом.

Я услышал голоса еще из коридора. В дальней комнате дверь была открыта, оттуда било яркое солнце. Что-то негромко сказал староста, я не разобрал за топотом, с какимпередвигались мои провожатые. Ему вторил Арата, голос егобыл наполнен желчью, и я мог бы догадаться с одного раза, по какому поводу. Третий голос был не знаком. Высокий, но с нотками превосходства, при звуках которого даже бас Араты неожиданно просел, утратил внушительность.

Идущий впереди стражник вошел в комнату, сказал громко:

— Серв Петр доставлен, брат Илион.

Я вошел следом, шурясь от яркого света. За столом, уставленным тарелками, боком ко мне сидел толстый человек в черной рясе. На голове блестела тщательно выбритая макушка, на довольном раскрасневшемся лице виднелись капли пота. Он как раз заканчивал наполнять высокую кружку вином, поставил кувшин обратно на стол. Напротив него за столом сидели староста и Арата. Первыйвыглядел испуганным, на лице второгозастыла смесь из брезгливости и недовольства. Перед ними также стояли кружки, но было заметно, что к нимдаже не прикасались. Монах развернулся всем корпусом, не выпуская вина из рук. Несколько алых капель покатались по золотому солнцу на груди. Толстое лицо расплылось в улыбке, он мелко закивал, сказал высоким голосом:

— Ну что же вы так сразу? Может, и не серв, мало ли по дорогам ходит... этих... героев, ха-ха-ха! — он рассмеялся громко и заразительно, указал розовой ладонью на лавкувозле себя. — Тут староста и... ха-ха-ха!.. brave Арата рассказали, как ты помог отбиться от шайки разбойников. Если хоть часть из этого правда, то какой же ты серв, а?

Краем глаза я заметил, как Арата скривился, ухватил кружку, заливая вином готовые сорваться слова. Мне монах тоже сразу понравился. Весь какой-то слишком румяный,

слишком громкий, слишком довольный... Все слишком. А учитывая, как на его присутствие реагировали остальные...

— Никак не могу ответить, брат Илион, говорят, на меня в лесу медведь напал, и все, что случилось до того, как отрезало. — Я по-простому пожал плечами. — Может, и серв, ведь не зря меня господин староста на конюшню отправил, у него опыт, глаз наметан...

Я увидел, как побледнел староста, как заиграл желваками Арата, и поспешил заткнуться. Кто бы ни был этот Илион, но язык стоит держать за зубами, пока не ясна расстановка сил. Монах слушал меня, улыбаясь и размеренно кивая, но словно интересуясь не словами, а тоном, мимикой, движениями.

— С господином старостой мы уже поговорили, не беспокойся. Я вообще много чего знаю. Например, что недалеко отсюда как раз в тот день, как тебя нашли, банда напала на сборщика налогов. Охрана сумела отбиться, грабители полегли все, кроме одного, которому удалось скрыться в лесу, но досталось ему хорошо, еле ноги унес. Ничего не припоминаешь, Петр?

Голос его становился все тише, в нем нарастала угроза, а от веселости не осталось и следа, он весь подался вперед, лицо стало хищным, а пальцы на краю стола сжались и стали похожи на когти большой хищной птицы.

— Я Петер, брат Илион... — автоматически поправил я. Он поперхнулся, выпрямился, моргая быстро-быстро, потом рассмеялся, возвращаясь к роли румяного добряка.

— Петр, Петер, какая разница? Ладно, пока свободен. Только далеко не уходи, тебе приказано явиться к епископу в Увлард, завтра утром отправитесь. — Он отвернулся, показывая, что я могу идти. Стражник подтолкнул меня к двери, когда монах вдруг повернулся и сказал со смехом: — Интересно, кто же придумал про медведя? Ведь никакого медведя... ха-ха-ха!.. не было!

На меня словно вылили ведро ледяной воды. Я вышел, ничего не видя и не замечая. Медведь был, это подтвердят тащившие меня из леса мужики. Значит, брат Илион будет и дальше развивать историю с неудачливыми грабителями. Зачем? А черт его знает. И не уверен, что хорошо, что я заинтересовал кого-то из власть имущих. Прибьют, и не успеешь ничего объяснить, особенно людям от религии.

На негнущихся ногах спустился по лестнице, пересек двор. Вечер только начинался, идти на конюшню не хотелось совершенно. Я бесцельно бродил по улицам, изредка замечая плохо скрывающихся стражников, что встретили меня у дома старосты. Брат Илион дал мне времени до завтрашнего утра. Что-то пытается узнать из моих перемещений? Надеется, что в подтверждение его подозрений кинусь в бега? Некуда мне бежать. Завтра отправлюсь в большой город, а значит, получу новые возможности. Есть шанс сгинуть в местном аналоге службы безопасности, но альтернатива — провести тут всю жизнь.

Остановившись на перекрестке и стараясь не замечать звенящую металлослежку, я вдохнул свежий вечерний воздух и решительно направился к дому Беаты.

***

Утром за мной пришли все те же двое стражников. В дверь тяжело постучали, я удержал готовую вскочить Беату, выбрался из-под шкур сам, натянул штаны. Они ввалились в единственную комнату, осмотрелись подозрительно, тот, что выглядел старше, понимающе усмехнулся, сказал:

— Собирайся быстрее, пора выдвигаться. Мы за воротами подождем.

Он изучающее уставился на лежащую на кровати Беату, та подтянула шкуру под самый подбородок, снова усмехнулся в усы. Гремя железом, латники вышли. Я вернулся к кровати, уселся, натягивая сапоги, почесал отросшую за прошедшие недели бороду. Беата следила за мной блестящими глазами, спросила негромко:

— Ты ведь вернешься, Петр?

— Я не... — привычно начал я, но замолчал, вздохнул тяжело. — Я постараюсь, Беата. Ты же знаешь, мне очень хотелось бы тут остаться, у вас очень хорошо, особенно с тобой, но я не могу послушаться!

Врал я, видимо, достаточно складно. Или девушка очень хотела мне верить. Лицо ее вдруг осветилось надеждой, на щеках заалел румянец. Отпустив шкуру, она бросилась мне на шею, прижалась крупной горячей грудью, зашептала в ухо:

— Я тебя ждать буду, ты только возвращайся скорее, а я тебя буду ждать, никто мне не нужен, будем с тобой, ты только вернись быстрее!

Я осторожно выбрался из ее объятий, с тяжелым сердцем натянул рубаху. У самых дверей остановился, улыбнулся через силу и вышел.

Утро только началось, еще висела над горизонтом третья луна, авосток окрасился оранжевым. Птицы орали со всех сторон, в курятнике завозился петух, раздался отвратительный крик. Я умылся у бочки с водой, вышел в калитку. Латники ждали меня уже в седлах, третья лошадь стояла, безразлично глядя темным глазом. Я остановился, соображая, как забраться в седло. Нет, в теории это было не сложно, не раз при мне такое проделывали другие. Но вот самому... И ведь мог же догадаться, что такое непростое умение может пригодиться!

Я обошел лошадь, взялся за луку седла, постоял, собираясь с силами. Стражники следили за мной, уже откровенно смеясь. С тяжелым вздохом вставил ногу в стремя, полез наверх, проклиная планету и микроботов, сделавших тело пусть и замечательно прочным, но таким тяжелым. Оказавшись наверху, едва не свалился на другую сторону, кое-как выровнялся, вцепившись в луку, уселся. Воины уже рыдали от хохота, вытирали слезы, наконец, кое-как успокоились, старший сказал:

— Уселся, увалень? Поехали тогда, и без того уже время потеряли!

Кони двинулись по улице, стражники, ставшие теперь конвойными, держались в седлах уверенно, я же все время норовил соскользнуть, до боли сжимая лошадь коленями. Мы выехали за околицу, дорога бежала через поля прямо, скрываясь в лесу. Латники о чем-то негромко переговаривались, я вслушивался, стараясь узнать новое и важное для себя.

Увлард был небольшим городишкой, далеким от торговых путей и от того бедным. Но зато находился ближе всего. Мое появление не прошло незамеченным, но особого интереса не вызвало, епископ и барон потратили много дней, разбираясь, кому посылать людей для расследования и перекидывая эту обязанность на другого: мало, что ли, по дорогам ходит блаженных? Но потом случились разбойники, и слухи о моих подвигах добрались до верхов. Изучив вопрос внимательнее, высокие чины сложили два и два и решили, что я имею самое непосредственное отношение к нападению на сборщика налогов.

Отлично. Я мысленно похвалил их за проделанную работу. Учитывая общую дикость и то, что я успел понять о мире, простым разговором тут ограничиваться не принято. Вполне вероятно, будут не только бить. С другой стороны, везут меня не в кандалах, и присматривают не особо старательно, не исключено, что это простая формальность. По

крайней мере, очень хочется в это верить. Тогда после постараюсь закрепиться в городе, все лучше, чем на конюшне, и как бы даже следующий шаг.

Я не сразу заметил, что один из конвоиров обращается ко мне. Вскинув голову, я вопросительно кивнул, потом опомнился и спросил:

— Вы ко мне обращаетесь, сэр?

Грубая лесть, ему до сэра, как мне до «Байонета», но сработало, тот довольно оскалился, повторил:

— Говорю, если расскажешь, где твои прячут награбленное, так и быть, отпустим. Все полегли, тебе тоже дорога короткая, до виселицы, а нам, может, и пригодится еще. Так что давай, шкура все равно дороже стоит.

Я глядел в его хитрые глаза, рассмотрел в самой глубине холодные искорки. Провокация, да еще такая явная, рассчитанная на совсем уже простаков, но скорее всего действенная. От того и не заковали, и держались открыто, показывая, что все такие из себя простаки. Но простого в них не больше, чем во вчерашнем монахе. Может, я даже не особо ошибся, назвав старшего сэром.

— Какое награбленное? Я не понимаю, о чем вы, сэр воин. — Я постарался как можно натуральнее изобразить удивление. — Пусть меня и нашли в лесу, и память отшибло так, что вчерашний день уже с трудом помню, но поклясться могу, что никакой я не разбойник!

Второй, тот, что был помоложе, окинул скептическим взглядом мою фигуру, широкие плечи, сказал:

— Конечно, а такие мышцы от мамы достались!

Они засмеялись какой-то одним им понятной шутке. Я смотрел, глупо хлопая глазами, а сам мучительно перебирал варианты. Признаться не в чем, да и не вариант, конечно же никто не даст мне никуда уехать, да и не нужно это сейчас. Так что лучше всего продолжать строить простака.

— Может, и от мамы, благородные сэры, я же не помню ничего. — Я по-простому пожал плечами, на всякий случай мотнул головой. — Открываю глаза, вокруг темно, шерсть в рот лезет, и понимаю, что не моя это шерсть...

— Тихо! — скомандовал вдруг старший, и заржавший было его напарник моментально замолчал. Он замер, вслушиваясь, я последовал его примеру. И различил где-то далеко, на самой границе слышимости крики и звон оружия.

Глава 6

Впереди маячил лес, возле него, на самой опушке, посверкивали в свете поднимающегося солнца металлические искорки: там шло нешуточное сражение. Стражи бросили коней вперед, копыта загрохотали по утоптанной дороге. Я отстал, едва держась в седле, а сверху на голову сыпались поднятые лошадьми песок и пыль. Звуки становились громче, я хватался за лук, руки были заняты, но даже сумей я держаться без них, оружия у меня все равно не было.

Впереди показались закованные в железо фигуры, все смешалось, неопытным глазом различить, кто с кем ведет бой, не было единого шанса. В звоне и грохоте раздавались крики, лошадиное ржание. Запряженная в телегу кобыла в испуге бросилась через поле, посыпались мешки.

Я остановился, переводя дыхание и высматривая своих сопровождающих, нотех нигде не было видно. Вдруг прямо из схватки на меня выскочил воин на тяжелом рыжем коне, над головой блестела короткая сабля. От неожиданности я отшатнулся, едва не выпав из седла, полоска стали со свистом пронеслась мимо. Человек закричал в ярости, снова занес саблю, но я тоже не медлил. Ухватив его за руку, с силой выкрутил кисть, выдирая оружие. Кулак правой руки тяжело ударил того в лицо, шлем отлетел, зазвенел о камни. Я перехватил саблю, поспешно ударил рукоятью. Воин лапнул руками сломанный нос, повалился на землю, но мне уже было не до него.

Инстинкты требовали спуститься, внизу я буду чувствовать себя увереннее, устоял с трудом. Вокруг полно конных, защищаться от удара сверху тяжело, вдарят, а разбираться, на чьей ты стороне, будут потом. Я отмахнулся еще от двоих, на продолжении они не настаивали, переключившись на других, мне же оставалось бешено крутиться в седле. Наконец, удалось разглядеть впереди старшего, я направил лошадь к нему, но дорогу преградил воин. Я не сразу понял, что в нем не так, пока не увидел: легкий доспех сверкал, на нем не было ни единой царапины. Можно было подумать, что он только что присоединился к схватке, но сабля в отставленной в сторону руке была залита кровью, на ней виднелись свежие щербины.

Меня словно окатило ледяной водой: во всем сражении его вынесло именно на меня! Воин гикнул, подгоняя коня коленями. Я поднял саблю, отчетливо понимая, что не соперник закаленному в боях человеку. Мы поравнялись, и на меня обрушился град ударов. От звона закладывало уши, в первое мгновение тело пронзил ужас, потом что-то сдвинулось, я вдруг понял, что не только не уступаю в скорости, но еще и могу предвидеть, куда будет нацелен следующий удар.

Просчитать его оказалось очень легко. Воин делал ставку на скорость, и приемов у него оказалось всего три: сверху-справа, сверху-слева, горизонтальный удар справа вдоль живота. Он раз за разом повторял комбинацию, и, убедившись, что сюрпризы меня не ждут, я подловил момент, и когда его рука ушла в сторону, ткнул острием сабли в лицо. Сталь рассекла щеку до самого уха, воин вскрикнул, а в следующий момент тяжелый удар смял металлические лепестки поверх доспеха, пробил кожаную основу. Воин осел, как сугроб весной, начал сползать с коня.

Воодушевленный первой победой и открывшимися новыми способностями, я снова нашел своих и бросился на помощь. К тому времени они переместились далеко в сторону,

отчаянно рубились, встав в круг с тремя воинами в солидной тяжелой броне, залитой своей и чужой кровью и с молнией на раскуроченных щитах. Сражение вращалось вокруг них, я сразил троих в кожаном доспехе, спешащих к схватке, но с визгом бросившихся в мою сторону. Расправившись с последним, бросил лошадь вперед, врубился в спины, с ходу расправившись еще с двумя. Окруженные воины воспрянули духом, ударили с новой силой, прорывая кольцо. Мы встретились взглядами со старшим из конвойных, тот благодарно кивнул, крикнул:

— Значит, не помнишь ничего? Ну-ну! Небось, атаманом был, больно хорошо дерешься!

Вшестером врубились, я чувствовал странную силу, что подсказывала, куда бить, в какой момент уклониться, чтобы самому не попасть под удар. Механик с моей старой базы назвал бы такое «незадокументированные особенности». Меня все же достали несколько особо быстрых и неожиданных выпада, но вместе мы не только сумели отбиться, но и погнали врага. Ветер бил в лицо, я чувствовал, как наполняется воздухом грудь, как закипает кровь, подгоняемая древним охотничьим инстинктом.

Вперед вырвался воин на белом быстроногом коне. Он неся, подняв над головой меч, над дорогой разносился воинственный клич. Двое с гербамина отставали, мы со стражниками оказались в хвосте погони. Удирающие остатки отряда разбойников настегивали коней, им в скорости не уступал только тот, что был под седлом у переднего воина, и кавалькада все больше растягивалась.

Дорога круто поворачивала к лесу, скрываясь за высокими соснами, первые разбойники уже скрылись из виду. Я вспомнил, что ни деревенские, ни воины Араты не рискнули преследовать разбойников под прикрытием деревьев. Мои сопровождающие придержали коней, когда воин на полном скаку ворвался в лес. За ним с тяжелым топотом последовали всадники с молнией на щитах. Я пронесся мимо, криком подгоняя своих.

Догнал белого, вцепился в поводья, повис, рискуя упасть под копыта. Молодой воин раздраженно закричал, взмахнул мечом, но только зло дернул коня в сторону. Я не отпускал, пока с нами не поравнялись остальные, только тогда с облегчением отвел лошадь в сторону, чувствуя, как ослабли и трясутся ноги. Медленно, чтобы не упасть, сполз с седла.

Молодой воин ярился, его конь рвался бежать дальше, чувствуя настроение хозяина, но их окружили, в четыре руки отобрали меч, держали, давая остыть от горячки сражения, что-то втолковывали в полголоса. Я стоял на неверных ногах, чувствуя, как с каждой секундой слабею. Сзади раздались конские шаги, подъехали мои сопровождающие, старший сказал с уважением:

— Ты, оказывается, великий воин. Если бы не пришел на помощь, все бы тут остались.

— Ну, эти еще могут остаться, — заметил второй, мотнув головой в сторону спорящих. — Вон как молодой в бой рвется.

Они понимающе переглянулись. Я побрел к своей лошади, с трудом взобрался в седло, двинул в сторону латников. При моем приближении они замолчали. Молодой глядел исподлобья, кривился, но их с конем плотно зажали с обеих сторон, не отпускали.

— Все не было времени познакомиться. Петер. — Я слегка наклонил голову, охватил взглядом сразу всех. — Вам нельзя ехать дальше, там наверняка ждет засада.

— Плевать на засаду! Нужно догнать их! Гнар, Хома, отпустите, нам нужно ехать дальше!

Он сделал еще одну попытку вырваться, но названные Гнаром и Хомой держали крепко, один сказал рассудительно:

— Мы вернемся позже, сэръ Томас, с большим войском, и прочедем весь этот лес. А пока нужно добраться до города.

— Последней волей вашего дяди было, чтобы мы доставили вас в целости, но как выполнить, если мы все погибнем, а? — подхватил второй. Он осторожно, но настойчиво тянул коня Томаса за повод. Молодой воин наконец сдался, позволил вести его к опушке, сопровождающие его воины настороженно озирались, ожидая, что из чащи на них бросятся бородатые дикари в кожаных доспехах. Стражники пропустили меня вперед, замыкая кавалькаду.

К месту недавнего сражения уже слетались вороны, я рассмотрел выглядывающие из пшеницы серые морды, но, увидев вооруженных людей, волки отступили. Мы спешили, разбрелись в поисках уцелевших. Я переворачивал тела, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. В пылу сражения не до того, но вот теперь, когда видишь, что делает с телом острая сталь и чувствуешь тяжелый запах крови...

Потом долго ловили сбежавшую с телегой и чудом не наскочившую на волков лошадь, грузили рассыпавшиеся мешки, снятые с убитых доспехи и оружие. Мои сопровождающие помогали, все двигались равнодушно и как-то по-деловому. Я сослался на раны, уселся у вкопанного у дороги столба, кое-как опустившись на саднящий зад. Едва не уснул, когда передо мной со звоном упали доспехи. Старший из сопровождающих указал на них, сказал:

— Надевай. Или тебе привычнее кожаный?

Он смотрел вопросительно, я качнул головой:

— Не нужно, спасибо.

— Дело твое. — Он равнодушно пожал плечами, отошел. Остальные уже закончили с погрузкой, теперь сгоняли пойманных лошадей, чтобы забрать с собой. — Долго не рассиживайся, скоро тронемся. Нужно проводить его светлость со спутниками до города, тем более, нам по пути.

Я с сомнением посмотрел на мертвые тела, растащенные по обочинам. Еще одного нападения троице не выдержать, даи с нами шансов у них не намного больше. Но говорить ничего не стал, вместо этого поднялся, доковылял до телеги. В грудe сваленного в беспорядке оружия удалось найти саблю того стремительного крепыша, что так неудачно пользовался воинскими приемами. Неширокое, хищно загибающееся лезвие блестело синеватым, рукоять сама легла в руку. Вместе с ней шла перевязь в мелких бронзовых накладках, я обернул ее вокруг пояса, представляя, как выгляжу сейчас в подранной в сражении рубахеи с дорогим оружием. Но надевать доспех не хотелось категорически, воротило от одной мысли, что человека, который носил его до меня, убили, и совсем недавно.

Наконец, двинулись. Я опасался, что мы потащим за собой всех отловленных лошадей, но табун хорошо проредили, выбрав десяток самых здоровых и выносливых, остальных же оставили в поле. Хома и Гнар тянули соломинки, кому оставаться в телеге, Хома вытянул короткую, с несчастным видом полез на мешки, взялся за поводья. Я с удовольствием поменялся бы с ним местами, непривычные к конной езде мышцы молили об отдыхе, но сумел превозмочь, поехал рядом с Томасом. Тот долго молчал, уйдя в беспокойные мысли, рука то и дело дергалась к рукояти меча. Гнар о чем-то переговорил с моими провожатыми, нагнал, пустил коня стремя в стремя с моим.

— Те доблестные сэры говорят, что ты — разбойник, а? Едва не в одиночку расправившийся со всеми местными сборщиками податей! Действительно, в бою ты силен.

— Да какой из меня разбойник, — хмыкнул я. — По голове вдарили так, что все вышибли, не помню, с какой стороны за ложку браться.

— Ну, что с мечом и саблей можешь — мы все видели, а ложка, да кому она нужна? Мужчина ест с ножа! — Гнар довольно усмехнулся. Я чувствовал, что разговор не окончен, но молчал. Действительно, после короткой паузы он продолжил: — Нас выехало из Ярограда полных три десятка воинов, но если бы не подоспели вы, а?... Мы бились, как львы, но их было слишком много! За каждого нашего убитого мы брали по двое из шайки, но все равно едва не проиграли, а это было отборное войско барона Дарнарда Ромма!

— Знаю я, какие там отборные! — крикнул с телеги все еще дующийся Хома. — В казармах сидеть, да в тавернах надираться! Потому нас так легко и разбили!

— Ты говори, да не заговаривайся! — Гнар потемнел лицом. — Это были самые сильные люди, каких я знал!

Хома хотел ответить, но увидев выражение лица Гнара, промолчал. Томас с начала разговора косился в нашу сторону, теперь подал коня, сказал зло:

— Когда дядя разорился, только они остались с ним, верили, что он сумеет восстановить влияние. Не знаю о силе, но чести им было не занимать. Как и тебе, Гнар, или тебе, Хома! — он повысил голос, обращаясь к сидящему на телеге воину, повернулся ко мне. — А теперь мне придется начинать все заново на новом месте и почти без верных мне людей!

— Ну, хоть с деньгами проблем не будет! — заржал с телеги Хома, тыча большим пальцем себе за спину, на сваленные там трофеи. Томас нахмурился, прорычал:

— К черту! Верность бесценна, а ты предлагаешь купить ее?

Некоторое время ехали молча. Томас помрачнел, все время проверял, на месте ли сумка, которую едва не потерял в горячке боя и теперь не выпускал надолго из виду. Они с Гнаром обменивались взглядами, потом воин заговорил, обращаясь ко мне:

— Может, ты и не разбойник, но дерешься лихо. Их вожак был быстрым, как ветер, он один положил треть отряда! Но ты сумел справиться с ним даже без доспехов.

— Наверное, повезло, или он устал. — Я пожал плечами. Мне уже было понятно, куда поворачивает разговор, и меня это вполне устраивало. Оставалось решить вопрос с сопровождавшими меня воинами. — Ничего особого во мне нет, что бы ни говорили доблестные сэры... Кстати, где они?

Латники двигались позади, добровольно взяв на себя прикрытие и сопровождение небольшого табуна. Они не влезали в разговор, тихо обмениваясь между собой короткими репликами. Я с удивлением обнаружил, что до сих пор ни я, и никто из нашего небольшого отряда не знает их имен. Придержав лошадь, я дождался, пока они поравняются со мной и обратился к старшему:

— Там у сэра Томаса со спутниками возникла светлая мысль принять меня в свое маленькое войско, но есть небольшая проблема.

— Именно, — бросил старший. — У нас приказ доставить тебя... куда следует. Потом, если выпустят, можешь хоть к черту вербоваться, дело не наше, но пока — нет.

— Это я помню, меня волнует другое: каковы шансы, что сэр Томас дождетя? — я помолчал, пока они многозначительно переглядывались, продолжил: — Брат Илион никакой не брат, так и вы — не простые стражники, правда? Кто-то очень заинтересовался мной.

Последнее я не спросил, а констатировал. С самого начала было очевидно

несоответствие между саном Илиона, его транспортом и тем напряжением, что вызывало его присутствие в доме старосты. Стражники снова переглянулись, младший медленно потянул из ножен меч. Я успокаивающе вытянул руку, сказал:

— Не нужно, я не пытаюсь сбежать или что-то подобное. Мне нужно всего лишь узнать, что будет дальше. Как честному человеку, мне нечего бояться!

Младший задвинул меч обратно, старший усмехнулся в усы:

— Все мы по-своему честные.

Я поскакал вперед. Что эти двое не так просты, догадается даже дурак, иначе отправился бы я в цепях и под более суровой охраной. Или это на самом деле простая формальность? Вдруг остро захотелось сбежать, бросить лошадь к недалекому лесу — и пусть потом ищут, но я не питал иллюзий по поводу собственных навыков выживания. Да я даже не был уверен, что у провожатых не запрятан козырь в рукаве и что он не воткнется мне в спину при попытке сбежать! По той же причине мне очень не хотелось выяснять, сможет ли мое новое умение справиться с ними в честном бою. Поравнявшись с Томасом, я сообщил:

— Ваша светлость, по прибытии у меня будут дела, но если вы сможете принять меня позже, я буду благодарен от всей души.

Томас рассеянно кивнул, за него ответил Гнар:

— Конечно, какой вопрос! Молодой барон без своих людей все равно, что бродяга, а?

Я выдохнул, еще один пункт несуществующего плана по обустройству в этом мире был выполнен. Осталось только выбраться из застенков, в которые меня ведут.

За спиной раздался шум, лошадиный топот. С взволнованным криком нас догонял старший, он отчаянно жестикулировал, указывая на что-то на оставленной за спиной дороге. Узкая пыльная полоса все время держалась у леса, повторяя все его изгибы, и теперь из-под прикрытия густых ветвей один за другим выскакивали всадники в легкой броне, гиканьем подгоняя быстроногих коней.

— К бою! — воскликнул Гнар, выдергивая из ножен саблю и разворачивая коня. — Снова эти демоны!

Я тоже выхватил оружие, поглядывал на телегу, остро сожалея, что не стал надевать броню, рассчитывая спокойно добраться до города. Хома одним прыжком оказался в седле своей лошади, благоразумно привязанной к телеге, вдвоем с Гнаром они встали по обе стороны от Томаса. Подоспели стражники, мы встали в круг, готовясь отражать нападение. Я посмотрел вперед, туда, где в полуденном мареве скрывался далекий город, прикидывая пути отступления, но там тоже появились всадники, начали брать нас в кольцо.

Мне удалось насчитать по десятку разбойников с обеих сторон, не самое приятное соотношение. Подведя лошадь к телеге, я вытащил из горы металла щит, прикинул его вес на руке. Белая молния на голубом поле была основательно побита мечами и саблями, но с ним прибавилось уверенности.

Разбойники накатили, мы сшиблись в короткой злой схватке. Первых выбили из седел, на их месте тут же оказались новые, сверкала сталь, вокруг стоял страшный звон, крики. Я отбивался яростно, в груди разгоралось злое пламя, удары сыпались на щит с такой силой, что онемела рука. Чудесная сабля снесла уже двоих, когда упал дерущийся по правую руку от меня старший, из разрубленной выше кольчуги шеи била горячая кровь. Младший горестно вскрикнул, бросил коня вперед, вломился в разбойничьи ряды. На него со всех сторон посыпались удары, сбивая латные пластины, на миг появилось скрытое металлом солнце на

черном поле. Я поспешил на помощь, но было поздно, он рухнул под копыта, затрещали кости.

Длинным ударом удалось срубить еще одного, другому краем щита разбить лицо, когда зашедший сбоку обрушил меч мне на голову. Сталь с грохотом прокатилась по щиту, врубилась в лошадиную шею. Я оказался на земле, разбойник поднял коня, собираясь топтать меня копытами. Скинув изрубленный щит, я ухватил повод, потянул. Мы встретились взглядами, он дико заверещал, вскинув меч, а через секунду моя сабля снесла ему голову.

Взлетев в опустевшее седло, я огляделся, ища противника, но оказалось, что этот был последним, и на конетеперь остался я один. Оставшиеся безымянными воины храма лежали там, где их настигла смерть. Погибая, младший сумел стащить на дорогу и задавить голыми руками разбойника, так они и застыли, растоптанные и покрытые пылью. Хома лежал в окружении шестерых врагов. В руке у него была зажата обломанная по самую гарду сабля, от доспеха остались одни лохмотья, но на лице застыла радостная улыбка.

Гнар нашелся у телеги, тяжело привалившись к колесу, держа на коленях голову Томаса. Он тяжело, с хрипами дышал, на бледном лице выступили капли холодного пота. Одного взгляда на молодого барона хватило, чтобы понять, что тот давно и безнадежно мертв. Рубашка под доспехом пропитана кровью, полуоткрытые глаза невидяще уставились в пространство. Заметив меня, Гнар зашелся в кашле, выплюнул сгусток крови.

— Вот и все, а? Не думал, что все закончится так...

— Мне жаль. — Я опустил перед ним в пыль, коснулся плеча в погнутом доспехе. — Прости, что не сумел помочь.

— Ты сумел... — он снова закашлялся. — По крайней мере, мы выбили всю шайку, а?

— Да, я сумел, — ответил я сумрачно. Вколоченные академией умения и инстинкты снова вытащили меня там, где погибли опытные и закаленные воины. — Хочешь, чтобы я передал что-нибудь?

— Нет... Разве что это... — он вытащил из-под тела Томаса сумку, протянул мне. — Тут письмо от покойного барона Дарнарда, передай его... Пусть знают, что род прервался, пусть пришлют на его земли, пока не началась драка между соседями.

Я взял сумку, задержал руку на латной перчатке:

— Я мало знал тебя, Гнар, как и молодого барона, и Хому, но уверен, что мы стали бы добрыми товарищами.

Он уже не кашлял, просто тихо хрипел. Услышав мои слова, он усмехнулся, кивнул, соглашаясь. Последними его словами стало:

— Встретимся по ту сторону.

Спустя неделю на закате в небольшой торговый городок через центральные ворота въехал барон Томас Ромм собственной персоной. На крупном вороном коне, в легком доспехе такой тонкой работы, что уже стал украшением, а не защитой, он поглядывал по сторонам надменно и с плохо скрываемым любопытством. К седлу заводного коня были приторочены мешки с припасами и выщербленный щит с молнией на голубом фоне, одним видом показывающий, что его хозяин не увиливает от драки. Остановившись у постоялого двора, барон соскочил с коня, бросив повод подбежавшему мальчишке, распорядился:

— Коней накормить, мешки бросишь в комнату, понял?

Тот кивнул, торопливо унесся. Я поднялся на высокое крыльцо, дверь скрипнула петлями, выпуская густой запах жареного мяса и немытых тел. В этот час все столы были заняты. Кузнец с опаленной бородой, пестро одетые люди в углу, мужики, пришедшие поорать и подраться. Отдельно ото всех сидел крупный коренастый мужчина в добротной куртке, которая была ему явно мала. Растопырив локти, он обгрызал кабанью ногу, поглядывая по сторонам с недобрый весельем. Я протолкался к нему, уселся на лавку напротив, стальные наручи грохнули в столешницу. Мужчина поднял тяжелый взгляд из-под черных кустистых бровей, проревел:

— И какая это собака смеет тревожить благородного барона?!

— Насколько вижу, никаких собак тут нет, — ответил я миролюбиво. — Наверное, вам мерещится, слишком много выпили... что это, пиво?

— Пиво пусть пьют бродяги! Благородному барону не пристало лакать помои! Это вино!

— Уговорили, барон. — Я сделал знак пробегающему мимо половому. — Еще вина мне и моему другу. И вымой кружку!

Для убедительности я приподнял ножны, покачал, половой тут же исчез и почти тут же появился, неся поднос, на котором стояли два пузатых кувшина и кружка.

— Извольте отобедать?

Я с подозрением осматривал кружку — не просто ли он ее намочил? — отмахнулся:

— Тащи. А вы, барон... как вас там, уже закончили?

— Еще и не начинал! — барон швырнул кость за спину, довольно рыгнул: — Для всяких безродных бродяг мое имя Север Магатт, барон Семихолмский!

Ухватив кувшин за горло, он наклонил его над своей кружкой, полилось темное вино. Я наполнил свою, поднял:

— Благородного человека видно сразу! Меня зовут Томас Ромм, тоже в своем роде барон.

— Да? — он окинул цепким взглядом мои доспехи, крикнул, соглашаясь: — Ну, тогда за знакомство.

Мы сдвинули кружки, барон сразу припал к своей, по черной густой бороде полилось вино. Подоспел половой с подносом, на котором исходил паром поросенок, барон утерся рукавом, взялся за нож, примериваясь, откуда лучше начать.

— Приятно встретить благородного человека в такой дыре! — пробасил он, отхватив кусок и утаскивая к себе на тарелку. — Поверишь ли, торчу тут уже час, и даже поговорить не с кем! Не то, что... А ты здесь откуда?

Мне понравилось, как барон сразу и без расшаркиваний перешел на «ты». Я помолчал, расправляясь с поросенком со своей стороны стола, ответил:

— Ищу себя. Дядя помер, больше никого не осталось, так что мне светила долгая счастливая жизнь на своих землях, безвылазное счастье. Так что я бросил все на управляющего и решил посмотреть мир.

— Вот это дело! — проревел барон, соглашаясь. — Давай за это выпьем!

Мы снова сдвинули кружки. Вино было кислое и слишком разбавленное, барон явно набрался где-то еще.

— Послушай, вот ты тоже человек благородный... — он запнулся, посмотрел на меня с прищуром. — Да. Вот. Благородный, так ты мне скажи, с кем тут можно подраться? Одни... ик... рожи презренные! А я все жду, когда наконец... ик...

Он с силой постучал в грудь кулаком, прогоняя внезапную икоту, а я поспешил прервать, потому как ход его мыслей был ясен: барону хотелось подраться, но местные на провокации не поддавались. Не исключено, что его светлость шатался по тавернам не первый день, и его уже успели изучить.

— Но может тогда ходить куда-то еще? Где собираются достойные люди? Есть такие места?

— В этом вшивом городишке, где даже стража разбегается при виде благородного барона? В этой помойке? Конечно, есть. Только меня туда... — он запнулся снова, — я не хожу туда!

Все понятно, весельчаку барону не рады ни равные, ни простые и очень простые горожане. Заводить знакомство с таким было чревато для репутации в дальнейшем, но — какого черта? Север же тем временем догрыз очередную кость. Дверь открылась, в зал шагнул высокий мужчина в светлом плаще и шляпе с таким длинным пером, что птица, носившая его раньше, наверняка была размером с крупную собаку. За ним шагнули еще трое, одетые попроще, но так же ярко и со вкусом. Барон прищурился целясь, и ловко забросил кость переднему франту на шляпу. В помещении на долгое мгновение повисла тишина. Кто-то хохотнул, но его заткнули. Франт наливался дурной кровью, зашипел:

— Кто здесь оказался настолько туп, что посмел совершить такое?!

Он снял шляпу, стряхнул кость, от которой на светло-сером расплывалось отвратительное жирное пятно. Его спутники вышли вперед, высматривая негодяя. Долго искать не пришлось, его светлость поднялся на нетвердых ногах, грязно выругался, начал перелезать высокую лавку, с грохотом повалился под стол. Все четверо презрительно кривились, наблюдая, как тот барахтается, зацепившись сапогом.

— Какая мерзость, — проронил франт, его спутники весело загоготали, один, самый мелкий в кости, ткнул пальцем:

— Посмотрите, господа, что это там ползет? Скажи, как тебя зовут, жаба, чтобы мы знали, что писать на могильном камне. Если, конечно, тебя не закопают в яме для бродяг!

Барон поднялся, подошел почти в упор, ловя равновесие, запыхтел, страшно надувая ноздри. Я ожидал, что он широко размахнется, пошлет кулак по широкой дуге, но в пространстве между ним и компанией коротко мелькнуло, раздался звук, как будто молотом ударили в стену. Сыпавший оскорблениями дурак вздрогнул, завалился на спину. Хмеля в глазах барона как не бывало, он сказал зло и с расстановкой:

— Барон Север Магатт. Север — потому что холодный и бесстрастный, понял, жаба?

В следующее мгновение все сдвинулось. Спутники франта выхватили сабли, бросились,

умело не подставляясь под удары друг друга. Я не вмешивался, глядя, как холодный и бесстрастный Север отбивается сразу ото всех, размахивая лавкой и ревя, как медведь. Пару раз прилетело и зевакам, не успевшим убраться под защиту стен, их разметало, как соломенные чучела. Кто-то воскликнул: «наших бьют!», и в зале тут же началась общая свалка.

Я отошел в угол, время от времени отпинываясь от набегающих мужиков. Отсюда было прекрасно видно, как барона пытаются обойти то слева, то справа, но тот был начеку, а нападающим было не развернуться в окружающем бедламе. Зрелище было таким увлекательным, что я едва не упустил момент, когда начал действовать сам фронт. Только что он стоял чуть в стороне, словно готовясь нырнуть за дверь, а через секунду уже крадетя, по широкой дуге обходя Севера, и в руке его недобро блестит кинжал.

Я предупреждающе крикнул, привлекая внимание барона, но в наполняющем зал гвалте меня не было слышно. Тогда я бросился на помощь. Под ноги подвернулся обломок стула, сбоку выскочил оборванец с залитым кровью лицом и счастливой улыбкой, упал, сбитый с ног, что-то тяжелое ударило между лопаток. Я отбивался не глядя, стараясь не отводить глаз от задумавшего подлый удар фронта. Барон ревел так, что закладывало уши, лавка то и дело отбрасывала очередного неосторожного гуляку, но мужчины с оружием оставались целы. Они маячили перед бароном, делая выпады и отступая, отвлекали внимание, не давая заметить зашедшего сзади убийцу. Тот приблизился, присел, готовясь к решающему удару, я подоспел вовремя, хлопнул по плечу:

— Грязные приемы не для честных людей, правда?

Он развернулся, стремительный, как змея, кончик кинжала пронесся в считанных миллиметрах от горла. Я отшатнулся так резко, что заболела шея, ткнул кулаком, но попал в пустое пространство там, где мгновением раньше было лицо под испорченной шляпой. Фронт оказался сбоку, мне едва удалось подставить руку, клинок проскрежетал по пластине наручи. Кинжал мелькал с такой скоростью, что расплывался в серебристую ленту. Тело реагировало, как надо, время растянулось, прямо как в том бою с предводителем разбойников, но этот противник оказался опаснее, никак не получалось просчитать его движения и оставалось только отводить лезвие и уклоняться, когда оно проносилось слишком близко от лица.

Дверь в таверну с грохотом отворилась, впуская в помещение воинов в одинаковых черных плащах, заполнили зал, и везде, где оказывались, драка волшебным образом прекращалась. Они ловко орудовали копьями, тупыми концами разгоняя самых упорных. Наседавшие на барона и уже тяжело дышавшие бойцы отвлеклись, обернувшись на шум. Север воспользовался моментом и снес одного из них, тяжелая скамья раскололась, в руках барона остался жалкий обломок. Оставшийся на ногах ухватил товарища, потащил к лежащему у стены.

— Прекратить, именем Императора! — пронесся по залу зычный голос. — Любого, кто не остановится, поднимем на пики!

Высокий статный воин встал посреди зала, поворачиваясь и оглядывая тяжелым взглядом царящий вокруг хаос. Фронт быстро спрятал под плащ кинжал, боком двинулся к двери, успев прошептать:

— Мы еще не закончили, благородный барон, до встречи.

Он отступил к дверям, где его спутник уже кое-как привел в сознание остальных, вместе они подхватили едва держащихся на ногах мужчин под руки, вывели на улицу. Воин,

стоящий посреди зала, сделал вид, что не заметил их ухода. Зато это прекрасно заметил Север, и поспешил следом. Голос пророкотал снова:

— А ну, стоять! Кто это у нас? Неужели снова благородный барон Магатт?

Север замер, медленно обернулся. В голосе прозвучала издевка:

— А это сам Альберт-Длинный нос, которого я возил мордой по столу за то, что посмел помешать мне отдыхать? Хочешь еще? Но сперва я ощипаю этих цыплят, которым по недоразумению выдали оружие!

Названный Альбертом отчетливо скрипнул зубами, в рядах бойцов зашептались встревоженно. Воине шланапряженная внутренняя борьба, наконец, он махнул рукой в сторону выхода:

— Проваливайте, барон. Но запомните: это был последний раз, когда вы отделались так легко.

— Этот человек со мной, — Север хлопнул меня по плечу. Под пристальным взглядом воина мы дошли до дверей, вышли на улицу.

Уже наступила ночь, сегодня лун не было видно, и слабого света масляного фонаря едва хватало, чтобы осветить крыльцо. Я непроизвольно передернул плечами. Север заметил это, спросил:

— Благородный барон мерзнет? Хотя согласен, после горячки боя меня тоже часто холодит!

Он засмеялся громко и заразительно, толкнул меня локтем:

— А неплохо повеселились, а? Как раз то, чего не хватало для хорошего завершения дня! Теперь можно и домой возвращаться... если по пути не захочется еще веселья, ха-ха-ха! Только как я понимаю, вы рассчитывали ночевать в этой дыре?

— Да. Я только прибыл, не успел толком осмотреться. Но теперь, думаю, мне здесь будут не особо рады. — Я в сомнениях оглянулся на двери. — Так что поищу что-то получше.

— К черту поиски! Неужели один благородный барон не поможет другому? У меня большой дом, уж найду угол...ха-ха-ха! Пойдемте!

Он двигался расслабленно, но в глазах не осталось и намека на хмель. Мы спустились со ступеней, вдруг я с силой хлопнул себя по лбу: мешок! Мешок с вещами остался в комнате!

— Погодите, мне нужно забрать пожитки. Я быстро!

— Не нужно, завтра распоряжусь, чтобы принесли, а возвращаться в этот клоповник... Нет!

Север уже почти тащил меня к воротам, собираясь идти пешком, так что о коне я даже не заикался. На улице стояла тьма, кое-где прерываемая красноватым светом фонарей. Подошвы стучали по камням мостовой, из подворотен тянуло сыростью и мочой. Вдруг между лопаток засвербило, я снова дернул плечами. Мы двигались по темным улицам, зажатым между двухэтажными зданиями, даже сейчас отчетливо обшарпанными и потрепанными. Под ноги то и дело попадался мусор, подошвы скользили, и мне очень не хотелось знать, на чем. Почти с тепломвспомнилась конюшня.

— Благородный барон давно не был в городе? — спросил вдруг Север. Я внутренне вздрогнул, настолько это оказалось неожиданно, бросил:

— Откуда такое подозрение? Хотя, да, в имении дяди я не имел привычки выходить за порог ночью.

— Подозрение! — барон снова засмеялся, ему немедленно ответило эхо. — Вы идете,

как кот по лужам! Но вино помогает, еще как помогает! Как у нас говорят: больше вина — меньше ям... ха-ха-ха! И хорошо же жилось вам, раз не приходилось выходить. Приключения с доставкой, да? А мне вот приходится, приходится!

— И что же, всегда в одиночку? — я перепрыгнул особенно большую лужу, слабо блестящую в свете далекого фонаря. — Я понимаю, что в том гадюшнике не нашлось достойных противников, но не всегда же ищите там?

— Конечно нет! — барон едва не поперхнулся от возмущения. — У меня замечательные друзья! Бароны, не грязь! Ох, какого мы сними наводим шуму, когда выпиваем по бочонку!

— Но сегодня вы были один.

— Ну, раз на раз не приходится. — Он помолчал. — Иногда бывает, что в благородной забывчивости пропустишь день, в который договаривались ехать... эм... не важно. И остаешься, как дурак, дожидаться в одиночестве! Ничего, скоро вся благородная стая соберется снова, думаю, вам придется по душе!

Он с такой силой хлопнул меня по плечу, что едва не расплющил, стальные пластины доспеха протестующие заскрипели. От неожиданности я едва не упал: в плечо словно ударили молотом! Впереди показался отрезок улицы, освещенный так ярко, будто сюда сбежались фонари со всего города. У широких ворот, украшенных затейливым кованым узором, зевали стражи. Увидев нас, моментально подобрались, смотрели недоверчиво и с угрозой. Мы прошли мимо, и только когда снова скрылись в темноте, барон сказал неожиданно тихим голосом:

— Благородный барон, видели эти ворота? Упаси вас Солнце когда-нибудь познакомиться с человеком, живущим по ту сторону!

Что такое знакомство мне пока не по рангу, я уже догадался, но спросил так же тихо:

— А что не так? Здесь живет судья? Или кто-то из духовенства?

Вопрос был совершенно не праздный, к кому-то подобному меня должны были доставить храмовники, и попасть к нему теперь, когда они погибли, хотелось меньше всего. Но Север ответил почти шепотом:

— Если бы! С ними всегда можно договориться! Этот человек — сущее зло во плоти! Я недавно проиграл ему деревню и лучший меч! Хорошо, что есть другой, доставшийся от отца, его как раз сейчас везут из имения!

Я непонимающе хлопал глазами, пока до меня не дошел смысл его слов. С плеч словно свалилась гора такая тяжелая, что мешала дышать.

— Благородный барон умеет напугать! — я хохотнул, сказал, понизив голос: — Я уж было подумал, что этот дом принадлежит материкакой-то приятной особы...

Север заржал так, что зазвенели стекла в окнах по обе стороны улицы, где-то сверху заскрежетало, упал и тут же скрылся в темноте кот. Смахивая слезу, он выдохнул со всхлипываниями:

— Да, такая тут тоже есть, живет по ту сторону. Дочь у нее... э... хороша, я вам даже немного завидую, что не знакомы. Нужно будет при первой возможности представить!

Я хотел был ответить, что пока не горю желанием, но барон остановился у ничем особо не примечательных ворот, громко постучал:

— Эй, там! Спите, пока хозяин тратит здоровье?! — По ту сторону ворот забегали, раздался скрип вынимаемого из пазов засова. Север приглашающее повел рукой: — Прошу, благородный барон!

В доме барона мне отвели комнату на втором этаже. Широкая кровать под балдахином не шла ни в какое сравнение с сеновалом, и уж тем более славками дешевых постоялых дворов. Для мешков, доставленных утром, нашлись сундуки, а центр комнаты занимал стол с подсвечником такого размера, что им можно было убить. Правда, не обошлось и без минусов: окна выходили на двор, посреди которого в луже сутра и до заката валялась огромная свинья.

Неожиданно у барона обнаружилась довольно приличная библиотека. Под нее было отведено отдельное помещение, не самое просторное, но уютное, стеллажи занимали все четыре стены, оставляя местотолько для окна и дверей. В центрерасположился стол с бумагой и чернильницей, к нему жалось старое кресло. Правда, все было покрыто слоем пыли в палец, в воздухе чувствовался отчетливый запах тлена, а чернила высохли. Когда обратился к Северу с просьбой пользоваться книгами, он ответил с нескрываемым удивлением:

— Не думал, что благородному барону пристало возиться с буквами!

— Что поделать, все идет из детства. Я часто болел и проводил много времени в библиотеке дяди. До сих пор люблю, знаешьли, полистать что-нибудь перед сном...

Я неопределенно покрутил пальцем в воздухе. Барон неожиданно рассмеялся, сказал понимающе:

— Да, чудесное босоногое детство! Помню, сам любил разглядывать старые рисунки, есть в них что-то эдакое... — он покрутил пальцами. — Дом достался мне уже с книгами. Все собирался спалить в камине, но руки не дошли. Пользуйся, мой друг, пользуйся!

И я воспользовался. Было непросто разобраться в рукописном тексте, но и печатный оказался не намного лучше, буквы всеобщего были частично искажены, за долгие годы появилось несколько новых знаков, и пришлось потратить полный день, чтобы разобраться. Так же вольно поступили с правилами. Приходилось все время напоминать себе, что язык — вещь живая и склонная к изменениям. Голова раскалывалась от стараний видеть в этом наборе знаков осмысленный текст, но я справился и на третий день уже читал довольно бегло.

И вот здесь меня ждало первое разочарование: предыдущий владелец оказался любителем приключенческих романов. Полки были заставлены толстенными фолиантами о доблестных рыцарях, которые только и делали, что спасали и повергали. Я уже почти опустил руки, когда добрался до полок, идущих под самым потолком, и вот там наконецобнаружилось хоть что-то ценное.

Первым оказался атлас мира. Богато украшенный, в переплете из дереваи кожи, но при всем этом довольно приблизительный: береговая линия слишком сглажена, а высоты обозначались только контурами горных хребтов, но все же это была без сомнения прикладная книга. Из него удалось узнать, что на семи материках планеты расположились пятнадцать крупных государств и несколько десятков мелких, в основном подчиненных большим соседям. Я постарался вспомнить очертания берегов и хоть примерно восстановить в голове ландшафт тех мест, над которыми потерпел крушение. Расспрашивать о таком в пути — привлекать лишнее внимание, зато теперь я с уверенностью мог сказать, что барон Томас Ромм был подданным империи Браворот, расположенной в северном полушарии. Мне

очень повезло, что челнок рухнул, когда в здешних широтах был разгар лета.

Еще две книги позволили немного разобраться в истории и политике мира, но именно что немного. Авторы первой то и дело скатывались в мифологию и пространные рассуждения о роли императора и верховных иерархов в целостности мироустройства, писавшие вторую же упирали на то, что только близость к холодным широтам явилась причиной расцвета первых империй. Из полезного удалось почерпнуть примерное время, когда на планете началась новая история: пять сотен лет, плюс-минус век. Упоминалось о войнах каких-то мифических героев, Великой Тьме, нашествии ужасных тварей.

Апокалипсис в этих книгах вызвало непомерное тщеславие людей, решивших добраться до верховного бога — Солнца, и тем самым подписавших себе приговор. Интересно, что упоминались и лунные станции, в книгах они назывались Божьими домами, и что древние люди посещали их, пока не были изгнаны с небес. А следом за этим весь мир покатился прямо в темные века. С массовыми убийствами, эпидемиями, войнами всех против всех и тотальным вымиранием, когда на семи континентах почти закончились люди. Прошло несколько сотен лет, прежде чем все начало восстанавливаться и появились первые записи.

Я перечитывал раз за разом все три тома, обложившись бумагой, делая пометки и чертя диаграммы. Прерывался только на обед, спускаясь в столовую и разгружая голову в разговорах с Севером, а потом снова возвращался в библиотеку. От кофе уже болел желудок, кофеин лез из ушей, но кроме общей канвы ничего прояснить не удавалось. Нужны были новые книги, но как я успел выяснить, исторические хроники были собраны в крупных церковных библиотеках. А мне, по понятным причинам, не очень хотелось показываться в таких местах.

В один из дней, когда я сидел, уперев подбородок в ладони и пытался выдавить еще хоть каплю информации из выжатых досуха книг, дверь в библиотеку распахнулась и на пороге появился Север. Подойдя к столу, он со слабым любопытством мазнул взглядом по диаграммам.

— Рисуешь? Я вот тоже в детстве любил... когда книга попадалась скучная, ха-ха-ха! Так! — он уже привычно хлопнул меня по плечу широченной ладонью. — Поднимайся! Я знаю лучший способ побороть хандру и скуку!

— Опять потащишь на постоянный двор? или по кабакам? — усмехнулся я. — Я удивляюсь, как тебя еще пускают! Наверняка дерут три цены, иначе не вижу причин.

— Ладно, не самый лучший, — он отмахнулся, — но как минимум второй по самости! Как насчет прокатиться на охоту?

Вот это было по-настоящему неожиданно. Нет, я конечно в курсе, что животное перед приготовлением обычно убивают, но самому участвовать как-то не приходилось, о чем я немедленно сообщил барону. В ответ он удивленно вскинул брови:

— Что, так прямо и ни разу? Не поверю никогда!

— Да, вот такая мировая несправедливость: сколько помню, дядя все время был в разъездах, а мне, как единственному наследнику, не позволял и шагу без него сделать за границы владений. А если вспомнить, что я постоянно болел и все время проводил с книгами... Даже лук в руках не держал ни разу.

Я добавил в голос сожаления. Мне почти не приходилось врать, я на самом деле за свою жизнь не убил ни одного животного, а из лука прострелил бы разве что собственную ногу. Север немедленно оживился, закричал:

— Ну, это ни в какие ворота, мой друг! Немедленно выезжаем!

Он выбежал в коридор, и в доме все завертелось, прислуга носилась с этажа на этаж, хлопали двери, ото всюду доносились голоса. Выйдя из библиотеки, я ощутил себя в середине безумного водоворота. А вернувшись в комнату, отведенную мне бароном, начал собираться. В мешках нашлись прочные кожаные штаны, куртка, на которую превосходно сел запасной доспех, не такой вычурный, как тот, в котором я прибыл в город, но прочный и практичный. Из оружия решил взять с собой легкую саблю и кинжал. Натянув высокие сапоги, я спустился и вышел во двор, где уже седлали коней.

Трое дюжих парней в крашенных коричневым и болотно-зеленым костюмах таскали ловчие сети, крепили к седлам копыя и луки. Псарь, заросший дикой бородой и сам похожий на своих подопечных, тащил на длинных ремнях стаю в полдюжины псов. Те злобно хрипели и роняли с клыков слюну. Наконец, мы все поднялись в седла и выдвинулись.

По улицам пронеслись, как ветер. Люди шарахались в стороны, даже конные спешили уйти с дороги, и вскоре кавалькада выметнулась за пределы городской стены и понеслась в сторону далекого леса. На опушке мы с бароном отстали, пропуская загонщиков вперед. Ставшие в лесу собранными и молчаливыми, парни и псарь растворились в подлеске, оставив нас одних. Север двинул коня по дороге. Солнечные лучи пробивались сквозь неплотно смыкающиеся над головой ветви, но впереди лес становился гуще и темнее. Я нагнал, поехал стремя в стремя.

— Мне всегда казалось, что на охоту выезжают большими компаниями, где чем больше участников, тем веселее.

— Так и есть, и скоро мы именно так и повеселимся! Можешь считать это репетицией. Вон те проходимцы сейчас найдут оленя и погонят в нашу сторону. А может, и двух! — Он пожал плечами. — Давай, тебе понравится!

Я все ждал, когда впереди раздастся треск сучьев и топот, но охота затягивалась. Мы ехали лесной дорогой не меньше часа, изредка перебрасываясь малозначительными фразами. Север весь обратился во внимание, следя за малейшим движением в ветвях и траве, мне же все это быстро надоело. Загонщики наверняка забрались подальше и теперь бессовестно дрыхнут!

Откуда-то из глубины леса донесся птичий крик, ему вторил такой же с другой стороны. Я не обратил на них внимания, но Север удовлетворенно кивнул, пришпорил коня, пуская его вскачь. Я догнал, и барон объяснил:

— Нашли. Этот вот, — он указал в сторону, откуда крик пришел раньше, — встретил оленей, а другой ответил, что идет навстречу, теперь им нужно отбить от стада пару самых сильных и повернуть к нам, так что готовься проявить удаль, благородный барон!

Он радостно рассмеялся. Мне не было и близко так весело, но я все же поддержал барона, бодро вскричав:

— Да! Не посрамим честь и все такое.

Он уже не слышал меня, весь подавшись в седле и пристально всматриваясь в густое зеленое марево между деревьев. Мы уже давно свернули с дороги, и теперь без помощи я бы вряд ли смог ее найти. Вокруг тянулись к слабому свету над головой огромные ели, конские копыта пружинили на толстом ковре прошлогодней хвои, заглушая шаги. Где-то вдалеке раздались звук рожка, яростный собачий лай. Север подал коня в сторону, пустил между деревьев, саблей расчищая обзор, я последовал за ним. Глаза барона хищно блеснули, он то и дело втягивал носом воздух.

— Слышишь? Приближаются, будь наготове!

Только теперь я различил треск и гулкий топот. Судя по звукам, сюдаломилось целое стадо. За ним с рычанием и лаем неслась свора. Я поглядел в ту сторону, куда указывал барон и сперва не увидел ничего. Вдруг ветви словно разметало взрывом, и на относительно чистое пространство перед нами выскочил олень такой огромный, что меня взяла оторопь. Низко пригнув голову, он понесся в нашу сторону, за ним из кустов выметнулись трое оленей поменьше. Оленихи, поправил я себя, у этих животных не было рогов.

Олень уже сократил расстояние между нами вдвое, когда заметил засаду, но вместо того, чтобы свернуть, помчался в нашу сторону, выставив острые рога. Север поднял копы, хищно оскалился, в последний миг с руганью подал коня в сторону, уводя от удара. Олень пронесся между нами, едва не выдернув меня из седла. Мимо пронеслись две стремительные тени, с глухим топотом начали удаляться, грозя скрыться за деревьями. Я все еще глядел им вслед, когда услышал раздраженный вой Севера:

— Ну что же ты! Давай! Лови! Догоняй!

Я обернулся, барон уже оказался на земле, с ножом склоняясь над лежащей у его ног оленихи. Копье просадило ее почти насквозь, такой чудовищной силы был удар. Север вскинул руку, махал ей, крича:

— Давай, не стой столбом! Эх...

Он дернулся было к коню, раздраженно уставился на меня. Я повернул коня, бросил его следом за удаляющимся стадом. Навстречу неслись ветви, хлестали по лицу, так что пришлось уткнуться лицом в конскую гриву. Наверное, мне повезло: почувствовав, что опасность миновала, животные остановились на крошечной поляне, и я нагнал их довольно быстро. В тот момент, когда конь выбежал на открытое пространство, они бросились дальше. Из-за спины до донесся гулкий топот. Обернувшись и рискуя быть выброшенным из седла, я увидел в просветах между мелькающими ветвями догоняющего нас Севера.

Мы медленно, но уверенно настигали. Разогнаться здесь не было никакой возможности, да и олень был больше приспособлен к жизни в лесу, но то и дело цеплялся рогами, у него не получалось увеличить разрыв. Молодые самки же пугливо жалась ближе к нему. Конь подной разогрелся, тяжело дышал, я порывался остановить скачку, дать животному отдых, но каждый раз оказывалось, что осталось совсем немного, буквально пара минут, и бег продолжался. Более того, я ощутил, как разогреваюсь сам, как меня начинает увлекать безумная гонка.

Внезапно я заметил, что освещение вокруг неуловимо изменилось. К бурому и болотному добавились изумрудные нотки, сзади что-то предостерегающе прокричал Север, но олени — вот они, до них осталось совсем ничего! Я прищпорил хрипящего коня, высвободил из седельных петель копы: один точный удар, и все закончится!

Картинка по сторонам поля зрения расплылась, потемнела, теперь я четко видел только находящееся впереди, но посчитал, что так даже удобнее. В беге оленей стало меньше суетливости, он словно плыли через изумрудное сияние, ставшее вдруг осязаемо-плотным. На короткий миг в голове мелькнула короткая мысль: что происходит? Все вокруг странно замедлилось, я попробовал шевельнуться, и тело отозвалось с задержкой, словно оказалось в комке плотной сырой глины.

Впереди, насколько можно было охватить продолжающим сокращаться полем зрения, разгоралось яркое зеленое пламя. Олени неслись прямо на него, миг — и все трое исчезли в короткой вспышке. Погибли? Но я сумел рассмотреть движение по ту сторону завесы. Меня влекло следом. Глаз уже различал медленные волны, прокатывающиеся по ее поверхности...

Меня что-то выдернуло из седла, с силой ударило о землю. Я растерянно моргал, увидев, как исчез в пламени конь, за ним последовал откуда-то взявшийся второй, пополз вслед за ними. Над головой что-то страшно заревело, меня ухватили за воротник, поволокли, я отбивался, как мог: там, по ту сторону зеленого пламени, меня ждали! Меня звали, обещаю... обещаю...

Я рванулся снова, но получил чувствительный удар по голове. В ушах зазвенело, морок вдруг начал отступать, черное ничто истаивало, возвращая обычный обзор. Изумрудное марево вспыхнуло с утроенной силой, но вновь раздался странно знакомый рев, и меня рванули, едва не оторвав воротник.

Наконец, я сумел оторвать взгляд от теряющей яркость и блеск завесы, повернул голову и не удивился, обнаружив за спиной Севера. Лицо благородного барона налилось кровью и блестело от пота, глаза широко распахнуты, но от чего-то создавалось впечатление, что он не видит ничего. Из оскаленного рта с хрипами вырывались ругательства, он всхлипывал, сипел перехваченным горлом. Я хотел помочь, начал отталкиваться ногами, но каблуки только сгребали хвойный наст. Наконец, последние слабые отблески света исчезли, в воздухе мерцали слабые зеленые искры, но и они быстро слабели и гасли. Движение прекратилось, и я упал на спину, чувствуя слабость во всем теле. Позади заворочался Север, он шумно дышал, шевелил губами, но я не сразу смог разобрать:

— Выбрались... Великое Солнце, выбрались...

Барон ослаб настолько, что теперь уже мне пришлось тащить его. Ухватившись друг за друга и раскачиваясь, словно шли не по лесу, а возвращались из кабака, мы едва плелись, когда впереди за деревьями появились загонщики. Они что-то кричали издалека, а приблизившись повывлетали из седел, наперегонки бросившись к нам. Последнее, что запомнилось ясно: нас затаскивают на коней, дальше — только тьма.

Очнулся уже в городе, в доме барона. За окном светало, а значит, проспал я долго. Поднялся с постели, натянул разложенную на стуле одежду и пошел вниз, на звуки громкого голоса. В столовой за столом уже сидел Север и в красках расписывал сидящему напротив мужчине с длинным скучным лицом о случившемся в лесу. Перед ними стояли большие тарелки с парующим мясом, нетронутая чаша с овощами. Барон часто и много жестикулировал, похохатывал, не забывая закидывать в рот куски. Его собеседник отвечал односложно, вяло ковыряясь в своей тарелке и всем видом показывал, что не верит ни единому слову.

— О! уже проснулся, друг мой! — Север приветливо отсалютовал мне вилкой. — Вот это ты силен спать! А еще тяжел, как черт! — он переключился обратно на тощего мужчину напротив. — Мои парни его втроем еле дотащили до комнаты!

Скучнолицый слабо кивнул, цепко всмотрелся в лицо, словно запоминал в подробностях. Север вскинулся, хлопнул себя по лбу:

— Ах, да! Томас, знакомься, это сэръ Залтан Камиль, барон Алеварский, мой добрый друг, один из тех, чьего приезда я всегда жду с нетерпением! Благородный барон Томас Ромм Яроградский, это с ним мы не далее, как вчера выбирались из владений ведьмы!

Скучнолицый вяло покивал, а я уселся за стол и махнул кухарке, высунувшейся из-за дверей. Уши мои при упоминании ведьмы вытянулись, но я решил до поры не показывать интереса. Вокруг суетилась пара служанок, расставляя передо мной тарелки с завтраком, а Север продолжал:

— Так что, друг мой, можешь мне поверить: если бы не досадная неудача, мы бы перебили все стадо! Какая нелегкая понесла оленей к логову ведьмы?!

— На твоём месте я бы лучше задумался, откуда ведьма взялась почти у стен города. — Залтан отложил вилку, потер крупный пористый нос. Взгляд темных глаз блуждал по столешнице. — И не только на твоём. Давно такого не было. По крайней мере, на моей памяти ни одна не решалась подобраться так близко.

— Как подобралась, так и уберется, — уверенно бросил Север. — Ещё пара таких случаев, и её вышвырнут отсюда! Надо же — двух лучших коней потерял!

— А мог потерять голову. А вы куда смотрели, барон? — Залтан повернулся ко мне. — Сунулись ей в пасть! Я понимаю: благородная охота, погоня, пожар в крови, но нужно и голову иметь на плечах!

Север помрачнел, механически тыкал вилкой в почти опустевшую тарелку. Я ответил Залтану, пожав плечами:

— Вчера я был на охоте впервые, такое случается.

— Такого не может быть. — Барон откинулся на спинку стула, мотнул головой. Север ответил с тяжелым смешком:

— Я так же сказал сначала. Но видел бы ты, как он вертел головой, вместо того, чтобы

бить оленя...

— Да, но все равно, лезть к ведьме... гм...

Залтан посмотрел на меня с легким любопытством. Север сказал, указав на меня вилкой:

— Сейчас он еще скажет, что ничего не знал о ведьмах!

— Скажу, — кивнул я, и они уставились на меня удивленно и с недоверием, так что пришлось объяснить: — Болезни, бароны, болезни. Север не рассказал вам обо мне?

— Нет, — Залтан помотал головой. — Не люблю сплетен. Но поверю на слово, хоть и не представляю себе, как можно ни разу...

— Ну, что-то из книг почерпнуть удалось, про шляпы, превращения в жаб. Дядя был не любитель всего этого, считал, что в человеке главное — благородство и сила.

— Все правильно, — согласился Залтан. — Но все же ему следовало заняться вашим образованием чуть шире.

— Благородному барону не пристало обсуждать чужих мертвых родственников! — влез в разговор Север, после обратился ко мне: — Не обращай внимания, Залтан у нас ретроград, считает, что благородства без образования не бывает. Наверное, я ему не пример!

— Вы скорее правило, чем исключение, к сожалению, — отмахнулся тот, спросил у меня: — Но мы ведь сейчас не об этом? Что вам известно о ведьмах, барон?

— Скорее скажу, что мне о них неизвестно, если судить по тому, с чем столкнулся. Вы не хуже меня знаете содержание детских сказок, так что должны иметь представление.

— Хорошо. Придется заняться просвещением мне, раз ваш дядя пытался вырастить цветок в горшке вместо достойного человека.

Я сделал вид, что не услышал последних слов. Вокруг суетились слуги, убирая со стола, Север с трудом отвоевал блюдо с остатками мяса, распорядился насчет кофе, а Залтан начал рассказ.

Ведьмы появились еще до Падения и последовавших за ним катастроф. Существа это были совершенно отвратительные, способные одним видом вызвать у человека приступ паники, но тогда люди жили в мире, и могли себе позволить быть добрыми ко всем. Доходило до того, что в некоторых местах ведьмы селились рядом с людьми и даже сожительствовали с не слишком привередливыми.

— Дикое время, дикие повадки, — сплюнул Север. Залтан согласился, добавил с отвращением:

— Не удивлюсь, если это и стало последней каплей, после чего старое человечество и было сметено с лица мира!

Получив возможность жить рядом с людьми, ведьмы очень скоро освоились и начали распространять свои черные дела и мысли. То тут, то там можно было наблюдать, как молодая девка или женщина из благородных надевали черное, начинали исчезать по ночам, возвращаясь на рассвете вымотанными до предела и не способными на обычные человеческие дела. У многих после находили пропитанные засохшей кровью бинты и свежие шрамы, которые к полудню исчезали без следа. Ходили и упорные слухи о ведьмаках, но мужчины или лучше прятались, или были более благоразумными, чтобы не поддаваться влиянию темных сил.

И тогда Солнце, не способное больше терпеть человеческую грязь, обрушило на мир Великую Тьму. Мировой пожар усилили землетрясения, ураганы, потоп, выбрались из подземного мира ужасные твари. В конце всего в мире оставалось не больше сотни тысяч

человек, которых терзали голод, не прекращающиеся эпидемии и междоусобные войны.

— Самое страшное, — закончил Залтан, зло сплевывая, — что ведьмы не сгнули, они уцелели, спрятавшись в руинах Старых городов!

Старые города — звякнуло в копилке новых знаний. Ведьмы и старые города, шрамы, исчезающие к полудню... Следовало все это прояснить, но зайти я решил издалека.

— Да-да, я все... или почти все это знаю. Правда, никогда не смотрел на ситуацию с такой точки зрения. Залтан, а чем конкретно занимались ведьмы, что стали последней каплей? Кроме обращения благородных дам, конечно, этого им прощать нельзя!

Залтан сверкнул на меня глазами, недовольно запыхтел. Он, как и все фанатики, не утруждал себя объяснениями. «Так заведено» было излюбленной мантрой и во флоте Альянса, явление это оказалось вневременным.

— Да не пыхти, снова кровь носом пойдет! — сказал Север. Залтан покосился на него, поджав губы.

— Много всего. От одного перечисления у благородного человека стынет в жилах кровь, а простолюдина оно повергает в непереносимый ужас! — он начал загибать пальцы: — Превращение неживого в живое, заклинание растений и животных, полеты, похищение мертвых тел, врачевание...

— А последнее-то чем не угодило? — оборвал его я. — Когда меня подрал... когда в детстве очередной приступ приковывал меня к постели, справиться с болезнью помогали именно лекари, да и вам, благородные бароны, наверняка не раз приходилось обращаться за помощью, нет?

На этот раз они оба уставились на меня круглыми глазами. Залтан бросил с угрозой:

— Мне кажется, вы путаете благородное врачевание с грязной магией!

Я выдержал его взгляд, сказал твердо:

— Тогда вам лучше объяснить, потому что я не знаю разницы и могу случайно перепутать.

Фанатик. Передо мной точно фанатик, из тех, что начинают жечь людей на площадях, как только чувствуют, что им за это ничего не будет. Опасный человек, с которым игра в «болел, не знаю» очень скоро может выйти из-под контроля. Нужно быдать слабину, показать, что принимаю его убеждения. Залтан откинулся на спинку стула, объяснил:

— Когда ранами или болезнями занимается лекарь, многое зависит от его таланта, но также и от воли Солнца и лекарств. Все уже есть в травах и земле, достаточно смешать в нужных пропорциях, такое лечение долгое, но обосновано природой вещей! Ведьмы же призывают темные силы, те самые, что привели к гибели старьмир. Они смешивают не вещество, а суть этих вещей, создавая что-то новое, а это отвратительно и неестественно!

Я хотел было возразить, что их солнце, которому они здесь поклоняются, на протяжении всего существования как раз таки и занимается синтезом нового, как и растения под его светом, но вовремя ухватил себя за язык. Я ничего не знаю об уровне науки в мире, так что возможно, человеку моего сословия вовсе нельзя знать таких вещей. Вместо этого я покивал, соглашаясь:

— Как это верно! Простите мою бестактность, просто только вы сумели объяснить это так... просто. — Залтан посмотрел недоверчиво, но все же мне показалось, что он расслабился, жесткие складки по сторонам рта слегка разгладились. Я подождал немного, добавил: — Но если они остались в Старых городах, то что тогда эта делает так близко от людей? Как мне известно, еще недавно здесь о ней даже не слышали.

— Да, причем уверен, что вызастали ее, когда она только прибыла, иначе вам просто не удалось подобраться так близко. — Залтан крутил в руках салфетку, при этих словах отбросил, сказал с неудовольствием: — Обычно они предпочитают маскироваться и отпугивать случайно вышедших к их логову людей. Север только с моих слов знает, каково оно, попасть под влияние ведьмы, но понял все правильно и сумел спасти обоих. Возможно, она хотела как можно дольше сохранять присутствие в тайне, и решила вас убить.

По спине прокатилась огромная льдина. Я вспомнил, как радостно мчался на смерть, без сомнений и раздумий. И наверняка погиб бы безпомощи Севера. Но все же по описанию ведьмы очень уж напоминали... Да, с этим вопросом нужно разобраться в первую очередь.

Я заскрипел зубами, запыхтел, нагоняя дурной крови в лицо.

— Никому... — проговорил я с угрозой, сжимая кулаки, — никому не позволено вот так, не в честном сражении, а подло заманив, как волка в ловчую яму! Вам уже приходилось встречаться с этими... существами? Если мы отправимся сейчас, сможем добраться до нее?

— Вот это разговор! — крикнул довольно Север. Залтан помолчал, рассматривал нас, словно что-то прикидывая, наконец, ответил:

— Она здесь не дольше трех дней. Если поедем все, возьмем с собой еще человек пять для поддержки, то выйдем ее из леса без особых усилий.

— Отлично! Нужно разделаться с ней, пока не успела натворить мерзостей! — я хлопнул по столу, припечатывая: — Нам очень повезло, благородный Залтан, что вы появились здесь так вовремя! Шляпы и жабы! Зло нужно корчевать, пока оно не пустило корни!

Я следил, чтобы Залтан увидел ровно то, что должен: человек отчаянно боится неизвестного, стыдится этого и что об этом догадываются, и потому злятся на себя и источник страха. Обезьянья реакция: боится чужого, ненавидит чужого, пытается убить чужого. Он смотрел на меня со смесью презрения и интереса, наконец, словно что-то для себя решив, кивнул:

Да, именно так и сделаем. Если конечно Север распорядится.

Мы повернулись к хозяину дома, тот сказал с расстановкой, поглаживая бороду:

— Конечно, немедленно начнем сборы. Уверен, мои ребята после вчерашнего рвутся в бой!

Мы поднялись, вышли из столовой. Барон с гостем немедленно отправились на двор, а я поднялся к себе. На дверце шкафа висел вычищенный и залатанный охотничий костюм, высокие сапоги. Доспех обнаружился на столе, явно принесенный сюда в мое отсутствие.

Во дворе поймал жесткое дежавю, очень уж все напоминало происходившее вчера, за исключением Залтана, взявшего на себя роль распорядителя. Громким голосом он раздавал указания. Люди тащили копыя и сети, вязали к заводным коням, я увидел, как загонщики тащат связанные между собой тяжелые арбалеты, вещь достаточно редкую, чтобы не попадаться мне на глаза прежде.

Как ни старался Залтан подгонять и без того сбивающуюся с ног дворню, сборы затянулись почти до полудня. Наскоро перекусив, мы наконец забрались в седла и выехали за ворота, но отправились не коротким путем, которым накануне вывел из города наш отряд Север. На этот раз кавалькада потянулась в сторону главных городских ворот. По дороге к нам присоединялись новые всадники, и за стеной команда насчитывала уже пятнадцать человек. У каждого на лице читалась предельная сосредоточенность, они не смотрели по сторонам, только изредка негромко переговариваясь между собой. Я оставил позади Севера,

сыпавшего шуточками и угрозами попеременно, поравнялся с Залтаном.

— В том, что мы покинули город не самым удобным маршрутом, наверняка есть смысл. Вы опасаетесь преследования? Слежки?

— Чужих носов не в своем деле, — обрубил он, потом смягчился, объяснил: — Слухи и в настоящих городах распространяются со скоростью ветра, а уж в такой дыре... Будет лучше, если наш выезд воспримут, как развлечение.

— Не думаю, что у ведьмы здесь есть свои люди, — хохотнул я, и вдруг почувствовал холод между лопаток. — Или вы считаете, что уже есть?

— Вряд ли так быстро. — Он пожал плечами почти по-человечески. — Она только прибыла, еще не успела закрепиться. В этом наша сила, попробуем выбить ее, потому что еще через несколько дней сделать это будет намного сложнее.

Я вспомнил странную силу, влекущую прямо на стену изумрудного пламени, исчезающих в огне оленей и лошадей, зябко передернул плечами. Если такое — всего лишь слабая временная защита, то мне бы не хотелось встречаться с настоящей. Но и оставить все, как есть, я не видел никакой возможности. Нужно встретиться с ведьмой во что бы то ни стало, она — ключ к произошедшему на планете и к моему будущему здесь.

Залтан понял мое молчание по-своему, объяснил:

— Ведьма, когда она находится в своем месте силы, практически неуязвима. Кроме того, что пробиться к ней очень тяжело, приходится постоянно отбиваться от защитников, часть из которых — духи, существа вовсе бесплотные, ужасные монстры наваливаются со всех сторон, а в голове звучит голос, обещающий райские кущи любому, кто сдастся и повернет оружие против своих!

Он замолчал, я видел, как играют желваки на его лице, ставшем вдруг еще более жестким. Глаза его смотрели в пустоту поверх конской головы, когда он продолжил так тихо, что мне едва удалось разобрать слова:

— То, с чем вам пришлось столкнуться, только слабая тень настоящей ведьмовской мощи, но и она страшна. Именно поэтому с нами отправились мои люди, с которыми мы прошли... через многое. Часть из них не знакома даже Северу, но люди надежные. Вместе мы возьмем укрепления и постараемся по возможности ведьму убить. Если получится. Твоей же задачей будет следить за Севером.

Я кивал, но на последних словах остановился, переспросил:

— Следить? Если ему грозит опасность...

— Опасность? — Залтан сухо рассмеялся, словно закашлялся. — Опасность грозит каждому из нас. Но Север — он человек вспыльчивый и быстрый на расправу. Просто следи, чтобы не вырвался вперед, когда мы снимем защиту.

За разговором я не заметил, как поля сменились лесом, и по сторонам дороги встали плотные ряды елей. Осмотреться меня заставил крик:

— Уже близко, сударь! Пора спешиваться!

— Наконец-то! — Север похлопал по рукояти легкой сабли на поясе. — Повеселимся, а, благородные бароны?

Залтан не ответил, первым оказавшись на земле. Он двигался, как большой хищный зверь, беззвучноскользил по хвойному насту. За ним следовали его люди и загонщики Севера. Мы с бароном спешили последними, я с неудовольствием услышал, как под моими подошвами трещат мелкие сучки. Даже Север, что тяжелее меня раза в полтора, издавал меньше шума!

Двинулись следом за остальными. Идти пришлось долго, я успел взмокнуть, от напряжения загудели колени, на голову и за шиворот сыпалась прошлогодняя хвоя. Ели росли так часто и настолько густо, что видно было на десяток метров, но охотники ориентировались здесь без особого труда. Яжепотерял направление уже через пятнадцать минут.

К тому времени, как я окончательно выбился из сил, впереди раздался знакомый птичий крик. Ему вторили несколько с разных сторон, шедший впереди Залтан остановился, вертя головой, двинулся снова, теперь уверенно забирая вправо. Идущие рядом с ним шагу, скрываясь за елями. Залтан остановился, ноздри его хищно раздувались, ловя неощутимые для меня запахи.

— Почти на месте. Слушайте, что делаем дальше. Ты, — он указал на Севера, — идешь влево, там встретишь своих, будете ждать сигнала. Вы, барон, — на этот раз его взгляд обратился ко мне, — останетесь со мной. Я координирую, ваша задача — сидеть тихо и не мешать. Это ваша первая охота на ведьму, и будет не очень хорошо, если она станет последней. Вам все понятно?

Я кивнул, и мы двинулись, не говоря больше ни слова. Север исчез за темно-зеленым пологом, вскоре оттуда разнеслась птичья трель. Мы же с Залтаном попетляли среди елей, выходя на одному ему видимые позиции. Здесь, в неприметной низинке, залегли его люди. Они не теряли времени даром, один воротом натягивал тетиву на арбалетах, остальные разворачивали сеть, в которой я с удивлением рассмотрел поблескивание металлических нитей. Суть этих приготовлений оставалась неясна: вокруг, насколько хватало глаз, стояли темные стволы, ветви опускались почти до самой земли. Ни единого светлого пятнышка, даже над головой небо затянули низкие тучи.

Словно предвосхищая мой вопрос, Залтан приподнялся над краем низины, приложил руки ко рту. Меж стволов заметался птичий крик, и в тот же момент откуда-то из темноты с громким шелестом вылетел камень, понесся по дуге, сшибая ветки... Ослепительно полыхнуло, оставляя на сетчатке темное пятно. Камень от контакта с завесой раскалился так, что по ту сторону упал оранжевым комом, хвоя под ним немедленно задымилась.

Люди Залтана вскочили на ноги, одним скоординированным движением выпуская в сторону изумрудного полотна стрелы. Арбалеты звонко тренькнули тетивой, болты тянули за собой на тонких тросах сеть, та развернулась в полете, я ожидал, что она сторит, но вдруг оглушительно хлопнуло, и в завесе образовалась прореха метров десяти шириной. Залтан вскочил, распрямляясь во весь рост, за ним следом поднимались его люди, бросались в освобожденное пространство. Я тоже понесся к темному, краем глаза видя приближающихся откуда-то сбоку Севера с загонщиками.

Мы ворвались внутрь периметра, и тут же рассыпались, уходя от возможного удара. Я обернулся и увидел, как прямо на глазах завеса стягивается, подобно мембране, отсекая нас от мира.

— Не стоять! Двигаемся, двигаемся! — заревел Залтан, вскидывая над головой саблю с кривым лезвием. Он страшно скалился, глаза горели недобрым огнем.

Мы бросились вперед. Я несясь, как слепой олень, задевая деревья, проваливаясь в ямы, на полном ходу уворачиваясь от нацелившихся в лицо сучьев. По правую руку размеренно пыхтел Север, непривычно сосредоточенный, по левую — орал Залтан, от хладнокровия которого не осталось и следа.

Огонь обрушился сверху, странно тяжелый и тягучий, сбил с ног, я не сразу сообразил, что это было не пламя, а разогретый воздух, которому не хватило самой малости, чтобы оставить ожоги. Сзади кто-то страшно закричал, но времени останавливаться и разбираться не было: Залтан продолжал рваться вперед. Я почувствовал, как стягивается кожа на лице, в горле стало сухо, но в следующий момент мы вышли из-под удара. В легкие, раздираемые долгим бегом, хлынул влажный прохладный воздух, вытягивая из одежды и доспехов жар.

— Рассыпаться! — снова раздался голос Залтана, что как конь ломился вперед, оставив нас позади, но резко остановился, нырнул в сторону, уходя от удара. Я не раздумывая последовал его примеру, прокатившись по земле, вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы заметить подстерегающую опасность. В том месте, где еще пару мгновений назад было мое тело, из наста торчали белые и блестящие, как отполированные кости, колья. О том, что это могли оказаться именно кости, не хотелось думать, как и о том, чьими они оказались бы в этом случае.

И снова раздался вскрик, на этот раз я успел зацепить взглядом тех, кто оказался недостаточно расторопным. Таких было трое, и теперь они падали, сраженные ударами ведьминой защиты. Тонкие белые копыя с легкостью вспарывали доспех, и через отверстие на обратных концах билась кровь. Словно зачарованный, я смотрел на все это, пока не налетел вслепую на что-то преградившее мне путь. Препятствием оказался Север, его огромные руки вцепились в края моей кирасы, он с силой встряхнул, сказал зло:

— Под ноги смотри, не зевай!

Он показал на то место, куда я едва не выскочил секундой раньше. Там, все еще хищно подрагивая, словно он был живым, торчал костяной кол. Я благодарно кивнул, и мы поспешили дальше.

Залтан все еще был впереди, но теперь двигался медленнее. Атаки прекратились, и надо признаться, это было слишком неожиданно. Мы шли, ощетинившись копыями. Я крутил головой, высматривая любое подозрительное шевеление в подлеске и даже сверху. Отряд потерял уже четверых, еще двое были ранены достаточно легко, чтобы продолжить путь, но ведьма все не появлялась.

— Всем лежать и не двигаться! — вскрикнул Залтан и первым рухнул на землю.

В животе появилось неприятное тянущее чувство, начала подступать паника. Через мгновение я понял причину: над землей разносился низкий, едва различимый ухом гул. Он нарастал, вместе с ним усиливался страх, в нем удалось распознать инфразвук, похожим образом на учения мыразгоняли гражданских бунтовщиков. Знание помогло справиться с эффектом. Преодолевая дрожь в коленях и непереносимое желание бежать как можно дальше, я заставил себя оставаться на месте и огляделся. Охотники лежали, подчиняясь последнему приказу предводителя, все, кроме троих, что не выдержали и бросились прочь. Я

глядел им вслед и удивлялся сверхъестественному чутью этого человека. Но зачем же ложиться?

Ответ на этот вопрос пришел так быстро, что я едва успел упасть на спину. Над землей, в метре от поверхности, пронеслась серебристая дымка. Прозрачное сияние не причиняло вреда деревьям, свободно проходя сквозь стволы, но на моих глазах воткнутое в наст копьё было рассечено пополам, и верхняя его часть растворилась в мареве. Трое охотников удирали со всех ног, но энергетический серп настиг, развалил так стремительно, что те даже не успели закричать. Я с ужасом смотрел вслед уходящей волне. Инфразвуковой натиск ослаб, скорее всего, это был побочный эффект от подготовки атаки.

Первым снова зашевелился Залтан. Он вскочил, пинками поднимая слишком медлительных, орал, брызгая слюной, в глазах его горело безумие. Люди поднимались и немедля бросались дальше. Я прекрасно понимал его: стоит только повернуть назад или залечь, и всему отряду придет конец. Пока еще ведьма не пристрелялась, но стоит остановиться, и гибель станет делом времени.

Вокруг сгушалась тьма. Поле зрения знакомо сузилось, но теперь вместо всепоглощающей радости навалилась страшная усталость, она придавливала к земле, не давала двигаться. Я едва переставлял ноги, шатался, едва не падая и опираясь на копьё. Справа и слева стонали, хрипели и страшно ругались невидимые мне теперь люди, но упорно шли. Неожиданно вынырнувший в зону видимости Север тащил, подставив плечо, одного из охотников. У обоих были мертвенно серые лица, или может, мне это казалось. Появился тонкий писк в ушах, он то отступал, то нарастал волнами, заглушая окружающие звуки и оставляя только ток крови в венах и грохот сердца. Очень хотелось остановиться, опуститься на прошлогоднюю хвою, просто лежать и никуда не идти. Я видел, как впереди, совсем недалеко, похожий на щепку человек с горящими от ярости глазами вздергивает на ноги и заставляет двигаться тех, кто уже успел лечь. Это не для меня. Мне нельзя. Двигаться. Только вперед.

Какое-то смутно знакомое ощущение появилось, или, может было уже давно, но только теперь прорвалось сквозь заслон. Я почувствовал, как...

Что-то коснулось сознания, как будто влажная холодная тряпица на горящий в лихорадке лоб. Такое легкое сначала, оно сжалось стальным капканом. Сознание сдвинулось, потянулось навстречу, в глазах стремительно темнело. По сторонам падали люди: тела их были похожи на кукол, которым обрезали нити. Я еще держался иначал осознавать, что ощутил перед тем, как ведьма нанесла удар.

На обычное зрение, уже почти ничем не способное помочь, как-то легко и буднично легло новое. Я читал силовые линии, пронизывающие пространство между мной и сгустком энергии впереди, недалеко, и расстояние сокращалось. Ведьма двигалась к нам, окруженная сферой электрического поля. Его я и почувствовал, привычное в прошлой жизни, но теперь забытое. И слишком слабое, чтобы разбудить все системы.

Я пустил все силы на то, чтобы продолжать движение, запнувшись, едва не упал. Опустил взгляд, но сумел распознать только контуры тела. Давление нарастало, пытаюсь смять, бросить на землю.

— Остановись, не нужно, — подумал я, повторил, воспользовавшись внутренним передатчиком: — Если ты меня слышишь и понимаешь, остановись. Я не враг. Нужно поговорить. Нужно поговорить...

Мозг едва не закипал, накатило и отхлынул жар. Во рту появился привкус крови, я

сплюнул. Едва понимая, где нахожусь, продолжал звать, уговаривать, пока не почувствовал, как слабо, едва-едва, начинает проходить оцепенение. Голос прогремел под сводами черепа:

— Встань и иди со мной.

Я слабо удивился, обнаружив себя на земле, зрение медленно, нехотя возвращалось. Пальцы судорожно хватались за хвою, меня качало, едва не опрокидывая. Вокруг замерли тела, очень хотелось надеяться, что эти люди еще живы. Поднялся, сделал шаг, другой, пошел увереннее. В голове прозвучало:

— Не волнуйся об остальных. Мертвы только двое, у них оказались слабые сердца. Иди за мной.

Мы вышли на поляну, со всех сторон окруженную густыми зелеными кустами. Над нами светило синим небо, еще более яркое на контрасте с болотной зеленью леса. Я ожидал увидеть... не знаю, что-то эдакое. Но поляна оказалась пуста. Взгляд скользнул по ведьме. Высокая, фигура скрыта плащом, она переступалатак легко, словно вовсе не касалась земли. Мы прошли по нетронутой высокой траве, остановились в середине поляны. Ведьма плавно опустилась, подогнув длинные ноги, указала мне на место рядом с ней. Я опустил тяжело, почти рухнул в траву под ее насмешливым взглядом.

— Ты хотел говорить, так давай начнем. Или лучше так?

Она перешла на всеобщий, улыбнулась вопросительно. Я помолчал, изучая ее лицо. Светлые волосы скрыты капюшоном почти полностью, видны только несколько выбившихся прядей. Огромные голубые глаза смотрят жестко, на тонких губах застыла недобрая улыбка. Тонкокостная, она не вызвала бы никаких опасений, встретиться мы при иных обстоятельствах, теперь же мне было более чем понятно, что одних физических сил тут недостаточно.

Микроботы в крови оживали, хоть и двигались в таком слабом поле, как черепахи, спешно латали тело, в голове прояснялось, позволяя мыслям течь с привычной скоростью.

— Можно и так, хоть ваш язык мне тоже нравится.

— Он такой же мой, как и твой, — ведьма нетерпеливо отмахнулась. Говорила она с легким акцентом. — Если хочешь, чтобы хоть кто-то из них уцелел, рассказывай.

— О чем? Мне кажется, ты знаешь больше, чем я. Но я могу отвечать на вопросы.

Откуда-то вдруг взялась уверенность, что теперь убивать меня никто не собирается. Она недовольно дернула уголок рта. Я отметил краем сознания, что ей это совершенно не идет.

— Хорошо. Как давно ты прилетел? Война еще идет? Кто побеждает? Ты прибыл официально, или... — затараторила она. Я протестующее выставил перед собой руки:

— Тише, тише! Я все расскажу!

Я рассказал все, начиная от бегства с орбиты Флоры и до момента, когда оказался в городе и завел знакомство с бароном Магаттом. На моменте с охотой ведьма, все это время молчавшая, мотнула головой:

— Значит, помощи ждать неоткуда.

Глаза ее, сиявшие, когда я начал свою историю, потемнели. Я поспешил ответить:

— Этого я не говорил. Мой полет занял десять веков, за такое время может измениться все. Мы могли выбить разрушителей из наших систем...

— Мы бы уже знали об этом, — она покачала головой. — Эфир сканируется, но во всех направлениях тишина.

Я почувствовал, как холодеют пальцы и силой потер лицо. Весь человеческий космос молчит. А это может значить только одно.

— Как мне попасть к командованию?

— Командованию? — удивленно переспросила она, затем поняла, ответила: — А, ты о флоте. Ничего нет. Обернись: похоже это все на мир с высокими технологиями?

— Но ты же... — начал я, но она прервала:

— Пользуемся остатками былой роскоши. С тех пор, как рухнула цивилизация, мы становимся только слабее. — В ее голосе прозвучала горечь. Ведьма вздохнула, продолжила: — Мы надеялись, что люди справятся с врагом, и к нам снова прилетят. Таких, как мы с тобой, мало, и остается все меньше. Виноваты времятакие вот охотники, как твои друзья.

— Не сказал бы, что они достигли особого успеха.

— Вы почти дошли. — Она передернула плечами. — Конечно, у меня не было уверенности, кто из них ты, и приходилось сдерживаться, но все же.

Перед глазами пронеслись картины, одна другой страшней. Колья, рассекающая живую плоть воздушная полоса, жесткие пальцы, сжимающие мозг.

— Поверю на слово. Но давай договоримся хоть до чего-то. Вот я прилетел, но благую весть не принес, так? И что же делать теперь?

— Не знаю... Не знаем. Придется подождать окончательного решения, а значит, тебе нужно возвращаться к тем людям. Они уже приходятв себя. — Она поднялась одним грациозным движением. — Мы встретимся снова, Петер, а до тех пор постарайся не привлекать к себе лишнего внимания, особенно служителей Солнца. Будь, как эти... благородные.

Ведьма пошла к краю поляны. Плащ ее переливался зеленым, с каждым шагом она словно растворялась в воздухе. Последнее, что я услышал перед тем, как она исчезла, было:

— И будь осторожен с фанатиком, он очень опасен.

Обратно ехали в тяжелом молчании. Разгром был полнейшим. Я чувствовал больше общего с ведьмой, осколком старого мира, каким был и сам, но и то, что в итоге выбраться из леса сумели шестеро, при том, что сперва нас было пятнадцать, удручало. Мы старались не смотреть на все, что осталось от охотников. Север, грязный и исцарапанный, был темнее тучи, в бороде застрял лесной мусор, под глазами залегли темные круги. Рядом едва переставлял ноги Залтан. Ярость ушла из него, оставив пустую оболочку, привидением бредущую теперь через лес.

Из сопровождения уцелели трое: один из людей Севера и пара приехавших с Залтаном. Когда мы вышли к лошадям, они помогли баронам забраться в седла, сами остались разбираться с оставшимися вещами погибших. Я видел, как они пугливо оборачиваются в сторону чащи.

Возвращение было далеко не триумфальным. Я отметил про себя прозорливость Залтана, что не дал Северу растрепать, что мы собираемся охотиться на ведьму. За воротами дома нас уже поджидала дворня. Радостные крики вмиг стихли, стоило остаткам охотничьей команды въехать во двор. Где-то за спинами растерянно хлопающих глазами слуг раздался горестный возглас. Нас спускали из седел, несли в дом, я позволил стащить с себя доспех, в руке тут же оказался стакан с вином. В камине пылало жаркое пламя, но оно не успокаивало, а наоборот, будило воспоминания о нашем провале.

Я услышал недовольный рев, обернулся. Север разгонял слуг, пытавшихся снять с него броню, одного, самого ретивого, вышвырнул пинком, присосался к горлышку кувшина с вином. Красная жидкость полилась по бороде на грудь, я передернул плечами, очень уж она была похожа на кровь. Пустой кувшин улетел в стену, барон схватил со стола второй, уселся на расстеленные на полу шкуры рядом с лежащим там же Залтаном, пихнул того в бок и, не дождавись ответа, фальшиво затянул походную песню. Чувствуя неладное, я подошел к Залтану и заглянул тому в лицо. Тот крепко спал.

Я не спал половину ночи, стараясь как можно подробнее продумать тактику дальнейшего поведения: что стоит рассказать, какую линию вести и прочие важные мелочи, но так и не пришел к чему-то, что устроило бы полностью. Выйдя к завтраку, я обнаружил за столом только Севера, тот хмуро обедал с кости жареное мясо. Я уселся напротив, ожидая, пока подадут и мне, спросил:

— А где же Залтан? Я надеюсь, с ним все в порядке?

— Не беспокойтесь, барон, еще двигаюсь, — раздался из-за спины хриплый голос. Залтан вошел стремительный, еще больше иссохший за ночь. Тонкие губы искривила презрительная усмешка, но в глазах светилась плохо скрываемая растерянность. Он придвинул стул, опустил локти на стол, сцепив перед собой пальцы. — Хотя, нужно признать, чувствовал бы себя лучше, получишь все вчера, как задумывалось.

Он мотнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Некоторое время над столом висела тишина, прерываемая только сосредоточенным треском: аппетит этим утром не пропал только у Севера. Залтан протянул руку к кувшину, налил себе вина. Откинувшись на спинку стула, он сделал глоток и обратился к нам:

— Думаю, нужно обсудить случившееся вчера.

Север тяжело вздохнул, вытер бороду. Голос его прозвучал глухо, когда он сказал:

— У нас и раньше не всегда случались победы.

— Ты прав, — Залтан слегка наклонил голову. — И на этот раз вина целиком и полностью на мне. Я переоценил наши силы и бросил на ведьму недостаточно людей. И должен принести извинения. В первую очередь вам, барон.

Он повернулся в мою сторону. Я примирительно развел руками:

— В жизни случается... разное. Если вам так будет спокойнее, то я совершенно не в претензии. Можно погибнуть сотней разных способов, и этот не самый худший.

Он кивнул, и в его взгляде мне на миг почудился намек на благодарность. Тут снова подал голос Север:

— Мы должны были выбить эту тварь из нашего леса. Точка. Я положил там своих лучших людей, и хочу знать, что все было не зря!

— Я оставил кое-кого присматривать, думаю, к полудню мы получим ответ на твой вопрос. Теперь же нужно разобраться, почему ведьма отступила. Ведь ей оставалось совсем немного! — Залтан прикрыл глаза, тяжело выдохнул. — Сэр Томас, расскажите нам последнее, что вы помните.

Я изобразил задумчивость. Все это я не раз отрепетировал, лежа в постели. Затягивая время, плеснул себе вина, рука дрожала ровно так, как должна.

— Под конец я ослеп, так что могу рассказать не так много. Из меня словно выдирали душу, а голову сжимали в тисках. Но помнил, что нужно двигаться вперед, что впереди враг...

Я поперхнулся, замолчал. Север уткнулся в тарелку, шумно дышал. Залтан слушал, невидяще смотря в пространство, неосознанно кивая в такт. На последних словах он замер, расширенные зрачки уставились на меня в упор.

— У вас хватило сил двигаться, барон?

— Скорее, ползти, — подтвердил я. — В ушах у меня гремела кровь, но в какой-то момент в глазах стало проясняться. Я даже сумел подняться...

Мне не приходилось рассчитывать, что ведьма позаботится о том, чтобы скрыть следы нашей встречи на поляне. У самого меня не возникло даже мысли что-то сделать с ними, скорее бы выбраться! Так что теперь я заранее устраивал объяснение обнаруженному людьми Залтана. Тот подался вперед, сложив руки на столешнице, каркнул:

— Дальше! Что было дальше?

Под испытующими взглядами баронов я замедленно мотнул головой.

— Дошел до какой-то поляны, все было как во сне. Там, в центре, стояла ужасная тварь, — я скривился от отвращения. — Я швырнул в нее копьё. Или мне только показалось, что швырнул, но что-то сверкнуло так ярко, что едва не ослеп снова, а когда смог видеть, никого уже не было. Дальше — как в тумане.

Я порывисто выдохнул, припал к стакану, шумно глотая вино. Залтан не сводил с меня глаз, Север смотрел с одобрением, он, казалось, сразу поверил в мои слова. Когда стакан коснулся стола, он поднял кувшин, плеснул снова.

— Такое тяжело вспоминать без глотка доброго вина. Да и то... Я сейчас пошлю за новыми кувшинами!

Он крикнул, в зал тут же вбежала, шлепая босыми пятками, девка, тут же скрылась, получив указания. Появились слуги, Север грубо ревел, подгоняя и без того расторопную дворню, на столе начали появляться нарезки, соленья, но по лицу барона читались растерянность и стыд.

Залтан с неудовольствием следил за мельтешащими слугами, ему не нравилось намечавшееся, но он смолчал. Когда нас вновь оставили втроем, он повернулся ко мне и сказал:

— Не в первый раз мне приходится устраивать панихиду. За годы службы в армии императора и теперь, когда взвалил на себя тяжкое бремя уничтожения нечисти, я схоронил немало хороших людей. Я хочу, сэр Томас, чтобы вы поняли, если уж вам не довелось сделать этого раньше, что нет на свете существ страшнее, чем ведьмы, и нет дела благороднее, чем охота за ними!

Он схватил стакан и одним махом влил в себя его содержимое. Мы с Севером с небольшим опозданием последовали его примеру. Странно, но хорошее вино горчило.

Мы просидели за столом долго. Север вспоминал старые времена, орал песни, героические и похабные в попережку, расталкивая нас с Залтаном, теребя старого друга, не давая погружаться в тяжелые мысли. Иногда Залтан вдруг словно просыпался, раздражался длинной историей, смеялся странным, похожим на карканье голосом, не всегда доводя историю до конца. Сперва я еще пытался следить за временем, выходя на двор, но когда в очередной раз едва разобрался, в каком направлении идти, понял, что страшно набрался. Закончив дела, вернулся в дом и постарался пробраться к себе, но не попал в дверной проем, с грохотом обрушившись на пол. Из обеденного зала раздалась громкие голоса, на пороге появился Север, за ним, пронзительно смеясь, показался Залтан. Вдвоем кое-как подняли, потащили за собой, я снова оказался за столом.

Плохо помню, как оказались в харчевне. Просто в какой-то момент сменились декорации, вокруг стало больше людей и меньше воздуха. В окружающем шуме невозможно было вычленить отдельных звуков, и приходилось орать, чтобы быть услышанным. Я пытался объяснить, что мне вот прямо сейчас нужно домой, или к императору, или ведьме, где она, подайте ее сюда. Каждый раз на этих словах пугался, что наговорил лишнего и спешно посылал микроботам сигнал очистить кровь от лишнего алкоголя, но те от чего-то не спешили выполнять свою работу, и разговор выходил на новый виток.

А потом я нашел себя сидящим за столом и разговаривающим сам с собой. Поднял голову, но не обнаружил перед собой ни одного из баронов. Пошатываясь, встал из-за стола и в тот же миг оказался в самом центре драки: размахивал лавкой и орал заросший черной бородой до самых глаз крепыш, сзади его прикрывал сухой, как щепка, черноглазый мужчина, в руках которого блеснул погнутый поднос. Я хотел было обратить внимание благородных баронов на удивительное сходство дерущихся и сидящих за столом, но едва повернулся, как о спину ударился, с треском разлетевшись на куски, полный кувшин.

В голове что-то щелкнуло. Я почувствовал, как ускоряется ток крови в венах, а тело уже начало действовать без вмешательства сознания. Схватив со стола кувшин, с размаху вlepил его в лицо пробегающего мимо мужика. Тот упал, как подкошенный, я просто перешагнул через него. Глаза искали в толпе посмеявшегося напасть на благородного барона Томаса Ромма Яроградского. Руки перехватывали, отбрасывали, от мощного пинка одного из оказавшихся рядом унесло, по пути он снес еще нескольких. Из-за тесноты было не развернуться, но я шел, как косарь по полю. А потом на меня словно обрушился потолок. Я оказался на полу, липком от пролитого вина и крови, постарался встать, но сверху снова ударило, и я уже не мог встать, только успел прикрыть голову руками.

А еще через короткую черную склейку я обнаружил себя идущим по улице. Вокруг было так темно, словно на голову надели мешок, огни в окнах раскачивались, а по сторонам от

меня кто-то орал. Оказалось, что это Север и Залтан, и что эти благородные люди тащат меня под руки. Улица сотрясалась от боевого марша. Я попробовал подпевать, и не сразу сообразил, что не знаю слов.

Утром пришла мучительная смерть. Так плохо не было, даже когда «Байонет» вывел меня из тысячелетнего сна. Тело болело, словно мной накануне стреляли из рельсовой пушки, но хуже всего было голове. В глаза хлынул свет, вызвав приступ непереносимой боли. Я застонал, и в тот же миг дверь в мою комнату отворилась и на пороге возникла девка с тазом в одной руке и с кувшином, из которого поднимался пар, в другой. Она слабо улыбалась, пряча глаза, и в пронзаемом болью мозгукалейдоскопом пронеслись воспоминания: мягкое и податливое под руками, волосы по широкой подушке, но думать было слишком неприятно.

Пока она возилась с водой и тряпками, обмывала тело, я снова ненадолго забылся, и проснулся, когда за ней закрылась дверь. Нужно вставать. Мне еще в юности перестали нравиться веселые приключения, пусть последствия купировались микроботами и фармакологией. Здесь не было ни того, ни другого, так что следовало побереечь организм. В голове промелькнула мысль, что я запросто могу оказаться старейшим из живущих. Я хохотнул, но смех перешел в стон.

Тело отчаянно сопротивлялось, с огромным трудом удалось взгромоздить себя на ноги и подвести к зеркалу. Оттуда на меня посмотрел хмурый человек с двухдневной щетиной, ведь вчера перед завтраком я не брился, и теперь выглядел... Плохо выглядел. На половину лица расплывался кровоподтек, нос распух. На ребрах не было живого места, костяшки на кулаках сбиты, на животе и плечах багровые полосы. Я рассматривал себя с отвращением. Очень хотелось свалить все на рефлекс, что именно они виноваты, что это они управляли телом, пока мозг ушел в перезагрузку, но нет. Короткими вспышками возвращалось случившееся вчера. От стыда и злости захотелось выть. Это я вчера расшвыривал людей, как кукол, а потом, когда потерял контроль, был бит недовольной толпой. И всегда буду я, пока всажен в это тело.

Кое-как побрился, морщась от боли и вспыхивающих воспоминаний, привел себя в подобие порядка и вышел из комнаты. Мелькнувшую на миг трусливую мыслишку отставить у себя и попросить завтрак подать наверх отменил: нужно расплачиваться за свои поступки. Не обнаружив в столовой ни одного из баронов, удивился, но услышал громкие голоса со стороны кухни двинулся туда и не ошибся: оба нашлись там. Север сидел стуле, приложив к голове кувшин. Залтан расположился напротив, в руках у него оказался большой кусок яблочного пирога, уже наполовину съеденный. Он что-то увлеченно рассказывал, Север морщился от громких звуков. При моем появлении оба повернулись, оживляясь еще больше. Залтан отсалютовал мне пирогом, сказал громко:

— А вот и наш новообращенный охотник на ведьм! Проходите, сэра Томас, присаживайтесь. Вина?

К горлу подкатило с такой силой, что я едва сдержался. Стараясь не подавать виду, мотнул головой. Залтан понял мое состояние, указал на длинный стол под окном:

— Вон там найдете холодный компот, если еще остался. Хорошо, что спустились, вот благородный барон Север от чего-то сомневался, что вы вообще сегодня встанете!

— Да вот ничего подобного! — подал голос Север, поморщился снова. — Хотя, после того, как по ребрам хорошенько пройдет десяток злых мужиков, я бы точно не поднялся так скоро.

Они продолжили оживленно обсуждать события прошедшего вечера, я же, прихватив кувшин, еще наполовину заполненный действительно холодным компотом, ретировался в библиотеку. В ней можно было хоть на мгновение почувствовать себя... не знаю, интеллигентным? Я отбросил сравнение, новое измученный мозг подыскивать отказался.

Открыв окно, постоял, втягивая утренний воздух. Вчера я неоправданно рисковал. Мог погибнуть как в драке, так и, что намного хуже, от последствий необдуманных слов. Сколько лишнего я наговорил? И сколько из всего этого запомнил Залтан?

«Будь осторожен с фанатиком».

Остатков благоразумия хватило, чтобы вчера не начать признаваться во всем прямо здесь, сидя в столовой и ощущая, как гнетет необходимость прятаться под чужой личиной. И без этого положение мое довольно шаткое. Но вот эти разговоры о ведьме, о встрече с императором...

Компот успел закончиться, когда с улицы донесся топот множества копыт. В груди шевельнулось недоброе предчувствие, когда он затих где-то совсем рядом с домом. Хлопнула входная дверь внизу, раздались шаги, голоса. Не менее пяти человек, подумалось с беспокойством. По мою душу? Если Залтан послал за подмогой, то вполне может быть. Что ж, нужно расплачиваться за поступки.

Внизу приветливо взревел Север, донесся чуть более сдержанный голос Залтана. Из прервал громкий хохот, незнакомые голоса. Никто не торопился хватать меня, и узел в груди немного ослаб. По лестнице, ведущей наверх, прогрехотали шаги, в библиотеку ворвался бородатый вихрь.

— Сэр Томас, бросай рисовать! Радость! Большая радость!

В просторной комнате с камином собралась большая компания. Потрескивали дрова, я сидел, вытянув к пламени ладони. Мышцы ныли, рукой, в которой приходилось держать щит, едва получалось двигать, запястье на правой раздулось вдвое. Сзади шумели, обсуждая ратные подвиги, пятеро благородных баронов во главе с Севером. Залтан тоже был с ними.

С их прибытия миновало уже почти три недели. Пятеро возвращались из долгой поездки, и их прибытие означало перемены в жизни барона Магатта, на что он не раз намекал в разговорах. Но пока они только хвалились вспоминали былое.

Мне застолья наскучили уже на третий день. Чтобы не ссориться с гостями, я проводил с ними пару часов, а потом тащил Севера на двор, где тот учил меня бою на мечех и саблях, прекрасно понимая, что до того выкручивался только за счет силы и реакции. Попадись мне противник по-настоящему умелый, и на этом мое существование закончится. Север по началу бурчал, что благородному барону не пристало отвлекаться от дружеской беседы, но учить взялся. И учил на совесть: пару раз меня спасало только то, что меч и сабля были не наточены.

Еще через день к нам присоединились остальные. Залтан вышел посмотреть, куда мы снова пропали и остался, вызвавшись поучаствовать. Следом подтянулись остальные. Они сосмеялись приняв мои оправдания о болезненном детстве и отсутствии тренировок. Достаточно было посмотреть на ширину плеч и вспомнить рассказы Залтана и Севера о моих подвигах в трактире. Но свои услуги предложили, что пришлось кстати, так как каждый обладал уникальным стилем боя.

Фарук Камал, барон Фалесский, например, из-за своего невысокого роста любил атаковать колени, а когда соперник отскакивал, невольно подставляясь, бил краем щита снизу. Когда он впервые так меня подловил, я едва не лишился зубов. В последний момент барон остановился, опустив саблю, и предложил закончить, но я настоял на продолжении. В итоге мы рубились, пока я не научился отражать две его атаки из трех. Фарук удовлетворенно усмехнулся в рыжую клочковатую бороду, мы раскланялись, довольные друг другом.

Кристофер Эрнилл из Фаолинга, блондин с белым, как молоко лицом, почти равный мне по росту и телосложению, орудовал тяжелым двуручником, как хворостиной. После пары неудачных попыток отразить удар щитом, я едва не лишился руки и вынужден был изобретать тактику боя с нуля, хоть барон и подсказал мне кое-что полезное. В итоге мне удалось изучить азы владения двуручным оружием. После этих тренировок я отлеживался сутки.

Эббет Морино, чьи владения лежали на далеком юге в городе Приэтт, предпочитал сражаться длинным мечом без лезвия, называемым тут боршверт. Все его атаки так или иначе были построены на попытке проткнуть противника, найдя уязвимые места. В сочетании с длинными руками он был опасен даже в тренировочном бою. А учитывая, что в сражении барон начинал горячиться, я непрерывно рисковалоказаться на вертеле. Объясняя мне мои ошибки, он впадал в ярость, бурно жестикулировал, а его черные глаза готовы были выскочить из глазниц.

Айван Петро сражался длинным прямым палахом. На первый взгляд казалось, что он атаковал бессистемно. Да и на второй тоже, как ни пытался я просчитать, с какой стороны будет направлен следующий удар. Он на ходу менял направление, полоска стали со свистом

резалавоздух, едва не рассекая кожаный доспех. Жилистые сухие руки с легкостью справлялись с такими маневрами. Каждый раз, отступая после удачной атаки, он довольно щурился, приглаживал топорщащиеся во все стороны темные волосы. Лишь когда я окончательно озверел и просто закрылся сплошной стальной завесой, Айван довольно крикнул и начал объяснять, как лучше атаковать под прикрытием такой завесы.

Меньше всего проблем доставил Озомат Горгорат. Барон Хеймский, высокий, сутулый, с невыразительным вытянутым лицом, просто объяснял, что собирается делать и повторял до тех пор, пока у меня не начинало получаться. В конце он даже оказался вполне мной доволен, по крайней мере, я решил, что его робкая полуулыбка значит именно это.

Север и Залтан присутствовали, но не вмешивались. Первый азартно комментировал происходящее, орал после каждого особо впечатляющего выпада, дергался, на рефлексах повторяя увиденное. Второй следил с ленивым интересом, но я чувствовал, что он запоминает каждое мое движение.

Обычно тренировка занимала паручасов. Мне бы хотелось и дольше, но всеупиралось в мои физические пределы. Когда меч или сабля начинали выпадать из разбитых пальцев, а уставший мозг переставал реагировать с нужной скоростью, мы откладывали оружие и шли обедать. Благо, я не ошибся в прошлый раз, предположив, что микроботы сохраняют минимальную, едва заметную активность. За ночь они успевали подлатать разбитое и изношенное, прописать в нервной системе нужные связи, и потому учился я быстро.

В камине трещали дрова, взлетали яркие искры, скрываясь в трубе. Я грел у огня разбитые руки, слушая вполуха разговор за спиной, погруженный в собственные мысли. Жить у Севера на правах гостя можно было и дальше, но... Это начинало угнетать. В этом мире гостеприимность была в ходу, но с каждым днем я все больше ощущал, что становлюсь слишком назойливым гостем. Нужно отправляться в свободное плаванье, но денег в мешках погибшего Томаса Роммаоказалось не так много. Вероятно, он должен был остаться под покровительством кого-то из друзей дяди, но для меня это было рискованно. А если просто проживать имеющееся, новый Томас разорится за полгода. Решение зрело не первый день. Нужно переходить на самообеспечение, и я выбрал самый приемлемый сейчас вариант.

Дождавшись вечера, я выловил Севера в коридоре, спросил:

— Не имеется ли у благородного баронаимения на продажу?

— У благородного барона всегда найдется, что продать! — ответил тот, лицо его на миг потемнело, но продолжил онтак же жизнерадостно: — Хоть два! Себе? Тогда вообще подарю!

Он обнял меня за плечи, поволок обратно в каминный зал, где продолжали шуметь остальные:

— Есть у меня кое-что специально для тебя, дружище! Завтра же и осмотрим!

Север шумно протопал обратно в каминный зал, упална стул, вскинувкулак:

— Господа! А помните, как мы ворвались в ту крепость, как там ее...

Я с тяжелым сердцем наблюдал, как слуги, уставшие и посеревшие, приносят все новые кувшины. Барон на утро едва сможет шевелиться! Но, вопреки ожиданиям, едва в окна вползли первые робкие лучи, он поднялся и крикнул, перебивая нестройный хор галдящих за столом баронов:

— Господа! Мы с Томасом отъедем, а вы продолжайте без нас. Если выпьете все вино... что ж поделать, прихватчу на обратном пути еще бочонок!

Сопровождаемые несущимся в спины гомоном, мы вышли на двор и вскоре уже выехали

за городскую стену. Север покачивался в седле, но прохладный утренний воздух выветривал хмель, и вскоре ничего не указывало, что позади у барона была очередная загульная ночь. Вместе с тем улучшалось и его настроение. Кони несли споро, довольные собой и окружающей свежестью, солнце светило мягко, но с обещанием жаркого дня.

По обеим сторонам дороги потянулись поля, дорога тянулась до самого горизонта прямая, как стрела. Север скрашивал дорогу веселыми байками, которых у него даже после приезда друзей оставался еще целый воз, я же слушал краем уха, кивал в нужных местах, смеялся, погруженный в свои мысли.

Денег на покупку земель должно хватить, так что я стану уже не бродячим бароном. Появится свой угол — можно будет думать дальше. Поднять производство, какие-то улучшения... Простейших знаний в химии и физике должно хватить. Нужно стать полезным, для того, чтобы подняться выше: истина настолько потрепанная, что страшно пользоваться.

По ночам, когда продумывал, как поступлю, получив собственное имение, роилось в голове разное. Вот я даю всем сервам личную свободу, наделы, а они в благодарность... Или максимально упрощаю производство, смастерив паровые машины, до которых, судя по всему, тут еще заново не дошли. Можно создать на основе ветряных или водяных мельниц генераторы постоянного тока. Можно сделать многое! Но если смотреть на все трезво, то получается не совсем радужно. Что паровая машина — жесткий анахронизм, докторо просто не мог бы додуматься простой барон в заднице мира. Что личная свобода сервов выгодна в долгой перспективе, снижает затраты на их содержание и увеличивает производительность, но идет против общественного строя и не может начаться с низов. А генераторы, хоть и отличная вещь, но по уровню неуместности еще выше, чем паровой двигатель. Так можно и в руки инквизиции угодить. Конечно, если она здесь уже есть.

Так получается, что нужно просто сидеть и ничего не делать? Такой вариант я решил отбросить сразу. Даже знай я точно, что по моим следам не идет флот Разрушителей, удовлетворяться той жизнью, что мне сейчас доступна... брр! Я передернул плечами. Север, рассказывающий что-то, по его мнению, запредельно жуткое, благодарно кивнул, мысль же потекла дальше. Получается, что подъем не просто нужен, а жизненно необходим. А еще — контакт с ведьмами. Осколки прежнего мира сумеют рассказать, что же тут случилось. Может быть, даже получится с ними вместе как-то изменить сложившееся положение дел.

Село Северное, как без лишней фантазии назвал его Север, появлялось из-за горизонта. Показалось сперва высокое каменное здание в два этажа, крытое черепицей. Рядом прижималась к стене деревянным боком конюшня. Идущая вокруг стена из дикого камня поднималась на высоту этажа и вширину как раз, чтобы разместить на ней воинов. На противоположной стороне села высилась деревянная церквушка с позеленевшим от времени медным Солнцем на шпиле.

Дома теснились между каменной стеной и оградой кладбища. Соломенные крыши, яркие под полуденным солнцем, из труб над некоторыми поднимаются дымки, опоясавший деревню частокол. Домов двадцать, все ухоженные, тут и там тянутся к солнцу яблони, высокие груши. За околицей на лугу большое стадо овец, грязно-белые облака стерегут скучающие мальчишки с длинными палками. За домами земля плавно понижается, уходит к реке, там видны цветные пятна коровьего стада. Вокруг, насколько хватает глаз, тянутся поля с рожью, тяжелые колосья клонятся к земле. Я откровенно засмотрелся на эту идиллическую картину, внутри шевельнулось что-то, доставшееся от предков, засевшее глубоко в душе. Север заметил мою реакцию, сказал весело:

— Проняло? Вот-вот! Веришь, нет — бывает, приеду на недельку, так потом в городе жить не могу! Все не то, и воздух, и рожи недовольные, темно, сыро... Тьфу!

— Неужели? — я повернулся к нему, посмотрел недоверчиво: — Так чего же не переберешься совсем, раз тут так хорошо?

— Да упаси Солнце! — Север отшатнулся так резко, что конь под ним пошел боком. — В последний раз, как сюда приезжал, обнаружил, что начал пить молоко! Молоко, сэр Томас! Воду, бывало, пил, в дальних походах чего только ни приходилось, но это пошло для сосунков?! Бежал, в чем был! Вскочил в седло и пришпорил коня так, что летел, как ветер!

Он довольно рассмеялся, я подхватил, история на самом деле вышла замечательная. Он еще расписывал в подробностях, как и где потом приходил в себя после отдыха в имении, когда мы въехали в ворота. В этот час народу на улице почти не было, все были при деле. От кузницы неслись грохот молота, ругань, пахло перегретым железом. Откуда-то донесся хлебный дух, такой мощный, что я сразу вспомнил, что со вчерашнего дня толком не ел. Где-то ниже, ближе к реке, незаметные из села, пели бабы, занятые какими-то своими важными делами.

Широкая центральная улица заканчивалась крошечной площадью, на которой разгуливали куры. Там же, почти у самой церкви, стоял дом старосты. Не такой богатый, как в деревне, куда меня занесло после неудачного приземления, но добротный, за забором виднелся сад, раздавались крики малышни. Север спешился, постучал носком сапога в запертые ворота. Пару секунд ничего не происходило, потом раздался шорох, в щели между досок мелькнул любопытный глаз. Раздался топот босых пяток, когда невидимка бросился к дому, крича высоким детским голосом:

— Тятя! Тятя! Там к тебе эти... Благородные!

Скрипнула, открываясь, дверь в дом. Я тоже выбрался из седла, встал рядом с Севером. Не прошло и минуты, как загрохотали шаги, скрипнул засов, и ворота открылись, впуская нас. Я пробежался взглядом по широкому двору, ухватив и широкий стол с лавками под двускатным навесом, и собственный колодец, и стоящие поодаль в тени яблонь ульи. Мужик, что сейчас держался за воротину, был не намного старше меня, скорее, ровесник Северу. Аккуратная стриженная борода, усы, в уголках светлых глаз залегли ранние морщины, какие бывают, если много работать на солнце. Фигурой он больше походил на медведя, просторная рубаха не скрывала толстых рук и грудью объемом с пивную бочку. Староста посмотрел на нас сверху, чуть задержал на мне изучающий взгляд.

— Господин барон! Уж кого не ожидал увидеть! — голос его тоже был медвежий, низкий. Говорил он серьезно, но в глазах мелькнули веселые искорки. — Или уже заскучали? Так я велю собирать на стол?

— Нет-нет, тут дело другое. Знакомьтесь, вот это барон Томас Ромм, этот благородный человек теперь будет здесь всем владеть. Покажешь ему все! — Север повернулся ко мне, указывая на старосту: — Это Игнат, староста. Если какие вопросы, а они обязательно будут, вот прямо к нему.

Игнат низко наклонил голову, я ответил легким кивком. Смотрел он на меня теперь внимательнее, сказал твердо, без заискивания:

— Что ж, теперь мне у вас спросить нужно: на стол собирать?

— Позже. Давай сначала все осмотрим, — ответил я, переходя к роли хозяина. — Пробежимся по верхам. А всякие бумаги изучать, принимать хозяйство будем потом.

Он поклонился снова, крикнул, на зов прибежал мальчонка лет шести, глянул хитрым

глазом. Игнат велел ему принять коней, а сам вышел за ворота, жестом и поклоном приглашая нас следовать за собой.

Мы обошли деревню под его рассказ об ожидаемом урожае, работе мастерских, что притерлись к самому частоколу. Кожевенная и гончарная, совсем крошечные, способные обеспечивать только само село, оставляя на продажу самую малость. Заглянули в кузницу, с околицы поглядели на поля, реку и дальний лес под степенный рассказ Игната о ведущихся и предстоящих работах. А вот в церковь попасть не смогли: дверь перечеркивала широкая железная полоса с тяжелым замком, уже слегка подржавевшим.

— Опять? — спросил Север. Они понимающе переглянулись со старостой, тот ответил с тяжелым вздохом:

— Опять...

Я хотел было спросить, что же это значит, но Север уже пошагал к ближайшему к церкви дому, по-хозяйски распахнул незапертую калитку во двор. За внешне неплохим забором виднелась неровная крыша, теперь стало видно и дом, серый, кое-где затянутый мхом. За давно не мытыми окнами было темно.

Севервзлетелна крыльцо, мы с Игнатом вошли следом. В комнате было неприбрано, в воздухе чувствовался тяжелый винный перегар. Давно не топленная почерневшая печь, стол, заставленный кувшинами, на кровати у стены спал, не сняв сапогов, худой человек. Острый нос был отчетливого сизого оттенка, в редкой бороденке застряли хлебные крошки и мусор. Барон, громко топая, подошел, с размаху пнул кровать. Человек всхрапнул, но после второго удара вскочил, глядя на нас дикими глазами:

— А? Что?

— Опять набрался, пес? — зло прорычал Север. — А церковь запертая стоит! Напомни-ка, за каким чертом я тебя тут держу?

— Патриарх направил... — запищал было человек, переводя красные глаза со старосты на Севера и меня. Увидев, что барон поднимает руку, заорал в полный голос: — Не имеете права!

— Да чтоб тебя волки сожрали! — проревел Север, залепив тому затрещину и зашиворот таща к выходу: — За работу, пока я тебе ноги не выдрал!

С улицы раздался грохот, крики, скоро вернулся Север, сказал устало:

— Святой отец Евхаристий, чтоб его... Поставлен при церкви, но все больше пьет, а там алтарь уже грязью зарос. А ты куда смотришь?

Последние слова он обратил к Игнату. Тот замаялся, развел ручищами:

— У меня над ним власти нет, господин! А за вино он платит, так что тут к нему претензий нет!

Север хотел сказать еще что-то, но только отмахнулся. Расшвыривая сапогами грязь по углам хаты, он пошел к выходу, бубня себе под нос:

— У меня тоже! Но, к счастью, теперь это не мои проблемы.

Наконец, выдвинулись к центральной усадьбе. Когда проезжали мимо церквушки, замка на двери уже не было, а внутри священник отчаянно махал метлой, поднимая тучи пыли. Север проревел что-то неразборчивое, строго посмотрел на Игната. Тот в ответ пожал плечами.

Двор вокруг дома был выложен булыжником, присыпан свежей соломой. Было заметно, что пока староста водил нас по деревне, тут успели навести порядок. Мальчишка принял у нас коней, увел в конюшню, куданавернякауже натаскали овса, свежей воды.

Я прошелся, осматриваясь. Изнутри двор казался меньше из-за того, что толстые стены скрадывали часть пространства. Под самой стеной тянулись к свету молодые вишни. Колодец посреди двора, каменный, с деревянной крышей и веревкой на ворота такой длины, что воду поднимают с большой глубины, где нет грязи.

Крыльца не было, к двери вели три высокие ступени. Дверь тяжелая, дубовая, в ладонь толщиной, такую не сразу и выбьешь, пока сверху на головы штурмующим будут сыпаться камни и стрелы. По краям от двери — узкие, не протиснуться, окошки, забранные решеткой с прутьями в палец, такая же на всех окнах и первого, и второго этажей.

— Настоящая крепость, — похвалил я, осматриваясь.

Север гордо кивнул, поднялся по ступеням. Хотел зайти, но в последний момент замер, сурово спросил у Игната:

— Там прибрано, или как в прошлый раз?

— Что вы, господин! — староста уронил взгляд, объяснил поспешно: — Едва вы изволили прибыть, как сюда побежали готовить! Все в полном порядке, господин!

— Смотри, если опозоришь перед твоим новым хозяином!

С этими словами он ухватился за толстое медное кольцо, потянул, открывая дверь. Навстречу мощно пахнуло свежим хлебом, зажаренным мясом и пылью. Мы вошли, сразу оказавшись в просторном холле. Стены тут были увешаны старинными портретами, сапоги звякали подковами по хорошо подогнанному полированному камню. Влево через широкую арку открывался просторный зал с камином, длинным столом, по стенам там были развешаны шкуры и головы животных, оружие, щиты. По правую руку в стене находилась пара дверей. Одна должна была вести на кухню, вторая — в людскую. Оттуда выскочила, хохоча, молодая румяная служанка, увидев нас, вскрикнула и тут же скрылась. За дверью загалдели, створка вновь приоткрылась, мелькнули несколько пар любопытных глаз, снова скрылись.

Север словно не замечал происходящего. Жестом пригласив меня следовать за ним, он пошагал по широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Здесь располагались жилые комнаты. Заглянули в хозяйскую спальню, где в самом центре стояла накрытая балдахинном кровать совершенно чудовищных размеров. На другом конце коридора оказались сразу три помещения поскромнее, здесь полагалось быть спальням наследников, и похожая на гроб ниша. Как пояснил Север, в нее следует селить приставленную к детям няньку.

Мы ходили по дому, а я уже строил в голове планы реконструкции. Завести новую кровать вместо этого монстра, наверняка набитого клопами, отвести одну из комнат под библиотеку, еще в одной у меня будет лаборатория... Планов громадье, главное, чтобы после покупки имения у меня осталось хоть что-то в кошельке, слишком уж оно хорошее, а значит,

дешевым быть просто не может!

Сопровождаемые молчаливым Игнатом, мы спустились в каминный зал. Пол здесь был устлан коврами, уже основательно вытертыми, но только что выметенными и протертыми мокрыми тряпками, от чего стали выглядеть только хуже. Я сделал мысленную зарубку распорядиться насчет новых. У камина, в котором еще только начинали разгораться поленья, полукругом расположились три кресла с высокими спинками. Север опустил в одно из них, вытянув ноги к огню, и я заметил, что сел он не в то, что стояло посередине, самое высокое и украшенное искусной резьбой. Формальная передача владений произошла. Я занял место в центральном кресле, мы посидели молча. Игнат, переминавшийся с ноги на ногу за нашими спинами, кашлянул, привлекая внимание:

— Ну я пойду тогда, господин?

Север промолчал, и тогда ответил я:

— Да, можешь возвращаться к... что ты там до этого делал.

Староста неслышно вышел, из холла раздались шипящие угрозы и ругательства, многоголосый девичий смех, стук множества ног. Север тяжело вздохнул:

— Бардак развели! Надо появляться чаще, а то без хозяина и конь одичает, не то что эти!

— Постараюсь быть с ними строже, — сказал я и услышал где-то почти на самой грани слышимости веселый смешок.

— Да уж постарайся, — хохотнул Север, сменил тему: — Ну, и как тебе тут?

— Отлично. Земли много, люди работающие, дом — вообще чудо! Как раз то, чего не хватает бродячему барону.

— Тогда вступай во владение! Мы не все посмотрели, твои еще три деревни вокруг, это село центральное, но там сам разберешься. — Он поднялся, хлопнул меня по плечу. — По деньгам сочтемся, как обживешься, посчитаешь все. Лишнего не возьму, ха-ха-ха!

Он стремительным шагом направился к выходу. Я пошел следом, нужно проводить благородного барона, в холле застал молодых служанок, они порскнули к дверям в людскую, одна словно случайно промедлила, стрельнула большими голубыми глазами, зарделась, но ее тут же втащили в закрывающиеся двери, по ту сторону раскатился звонкий девичий смех.

— Да, на самом деле полнейший бардак... — я помотал головой и двинулся дальше.

На дворе Северу уже вывели коня. Барон увидел меня, подошел, мощно хлопнул по плечу:

— Счастливо оставаться, сэр Томас!

— Оставайся и ты до утра, — ответил я, — все равно засветло не успеешь в город.

Тот отмахнулся, вскочил в седло.

— С радостью, но господа благородные бароны разнесут мой дом по камню! Тогда придется собираться тут, а ты не большой любитель этого дела, ха-ха-ха! Удачи!

С этими словами он ударил коня каблуками, тот порысил через ворота, бросился в галоп, распугивая гуляющих по улице кур. Я смотрел ему в след. Что ж, первый пункт плана выполнен, и даже пока без особых затрат. Правда, немного настораживала легкость, и даже некоторая торопливость, с которой Север продал имение.

Причины обнаружились едва ли не сразу. Я велел собрать на стол, а сам пошел вытряхнуть пыль. Переодеться пока было не во что, Север обещал прислать мои вещи на следующий день, но я тщательно умылся в тазу, ощущая изучающий взгляд служанки, что стояла рядом с кувшином воды.

Кажется, прислуживать мне за обедом вышли вообще все служанки. Причем, все они были как на подбор молодые, в самом расцвете сил, симпатичные, с косами толщиной в руку. Улыбались приветливо и обещающе, стараясь задержаться возле меня подольше. Меня бросило в жар, кусок не лез в горло, в черепе гулко стучало.

Колоссальным усилием воли я разогнал всех, выдохнул, потер лицо. Встал, скрипнув по полу ножками стула, ноги сами понесли на двор, за ворота. Вечер еще только начинался, свет приобрел слегка красноватый оттенок. Или это у меня до сих пор перед глазами красная пелена? Я зло выругался, твердым шагом отправился к церкви.

Двери были распахнуты настежь. Внутри, за тонкой занавесью из пыли, что-то бубнил себе под нос, взясь у алтаря, отец Евхаристий. В слабом свете из забравшихся высоко под своды окон лысая макушка святого отца блестела, как отполированная. Обернувшись на мои шаги, он бросил тряпку, которой смахивал пыль, сказал недовольно:

— И стоило обижать человека? Все в порядке у нас, службы идут... по праздникам... чего еще надо?

Я пожал плечами, продолжая осматривать помещение. Высокие бревенчатые стены, вдоль них — полукруглые светильники, изображающие не то восходящее, не то закатное солнце. Свечи в каждом оплыли, почти выгорели. Никаких икон, росписи, только большое, во всю стену, Солнце, для медного слишком яркое. Золото?

— Я тут человек новый, так что в ваши с прежним хозяином дела лезть не буду, — сказал я, продолжил, заметив, как засверкали глаза священника: — Так что делайте все то же, что обычно делали. Думаю, это будет не трудно. Мне еще предстоит изучить записи, домовые книги, разобраться в местном управлении, а потом мы с вами решим, как поступить дальше.

— Благодарю покорно. — Евхаристий кивнул с плохо скрываемым недовольством. — Приглашаю вас на утреннюю службу, барон.

— Обязательно. А что, много народу приходит?

— На моих службах... обычно бывают все. Или почти все. Из соседних деревень приезжают!

— Что ж, готовьте все, как следует!

Мы обменялись поклонами. Я направился к выходу с легким чувством, что сделал что-то не так. Попробовал определить, что же именно, но причина ускользала, тогда просто отмахнулся: вернусь к этому позже. Солнце клонилось к закату, я прищурился, ощущая его мягкое тепло на лице. Где-то за околицей ревели коровы, пастухи гнали их обратно в деревню. Пели, возвращаясь из полей, бабы. На дороге со стороны леса темнели телеги, нагруженные дровами. Я смотрел на все это, как на хорошо отлаженный механизм, способный работать и без постоянного присмотра хозяина. Игнат, кажется, управленец хороший, все довольны, кругом чисто. Недовольные жизнью люди петть не станут. И все же, немного не вписывался в общую картину отец Евхаристий. Церковь в ранних обществах играет едва ли не главную роль. Здесь же она бездействует, буквально спит, и ничего не разладилось, все идет своим чередом. Нужно обсудить этот вопрос со старостой.

В доме старосты горел яркий свет, масла тут не жалели. Я поднялся на крыльцо, пару раз грохнул кулаком в дверь. Отворили почти сразу, знакомый уже мальчишка глянул исподлобья, тут же бросился звать отца. Игнат появился, вытирая огромные руки о полотенце, на лице и в бороде блестели капли воды.

— Господину что-то нужно?

— Да, хотел кое-что обсудить, но вижу, не вовремя.

— Ничего-ничего! — пробасил староста суетливо. — Мы ужинать собирались, так что прошу к нам!

Я взвесил все «за» и «против». Есть еще не хотелось, но раз уж решил познакомиться с бытом своих людей, то зачем отказываться?

Мы прошли в просторную светелку, в которой накрывали в теплое время года. В высокие окна проникали закатные лучи, но на стенах и столе горели светильники. Их запах смешивался с ароматом супа и каши, которые притащила на длинном ухвате жена Игната. Женщина была под стать старосте, высокая, с крепкой фигурой. Волосы убраны под простой платок, на лице ранние морщины, но все еще красива, как красивы бывают зрелые женщины. Ей помогали старшие дети, девочка лет пятнадцати и парень немногим младше. Хитроглазый мальчонка усаживал на высокий стул совсем маленького братца, которому было не больше года. Я повертел головой, ожидая увидеть остальных: здесь в семьях редко бывало меньше десятка детей. С языка рвался вопрос, но я вовремя заткнул себя. Смертность тоже была запредельной, так что многим оставалось только радоваться, что хоть кто-то уцелел.

Мне притащили лучший стул, сами расселись по лавкам. Глава семейства склонил голову, его примеру последовали остальные, включая меня. Густым голосом Игнат прочел молитву, потом поднялся и принялся наполнять каждому его тарелку, действуя по старшинству. Конечно же, мне первому, вылавливая лучшие куски. Вздохнув, я взял ложку.

За ужином обсуждали виды на урожай, пополнение стада, расширение посевов. Говорил в основном Игнат, мне, как человеку новому не только в селе, но и вообще в сельском хозяйстве, оставалось только кивать с умным видом и радоваться, что Север поставил старостой правильного человека. Дети и жена его сидели тихие, как мыши, закончили с едой очень быстро и неслышно ушли из-за стола. Когда мы остались вдвоем, я наконец спросил:

— Послушай, Игнат, а что с церковью? Почему такой разлад? Я перекинулся парой слов с отцом Евхаристием, он говорит, что народ тут верующий, так почему позволяете ему держать церковь запертой?

Староста крутил в руках ложку, не поднимая взгляда. Когда молчание уж слишком затянулось, он со вздохом сказал:

— А чего плохого, если мы тут и без него справляемся? Народ доволен, а что для этого приходится делать, не так важно.

— Объяснись, — потребовал я. Игнат посмотрел мне прямо в глаза.

— Очень уж святой отец не любит работать. А другого нам не шлют, хоть его светлость в каждый приезд посылает с прощениями! Двери в церкви всегда заперты. А когда открываются... Ползающий в алтаре человек — зрелище то еще. Отец Евхаристий лучше будет по домам шататься, вымогая кушшин крепкого. И подают: святой человек! У него-то, сами видели, дома последняя мышь повесилась. И деньгами дают, так-то их в церковь несли, а тут просто в руки суют, больно жалостливые.

Вот оно что. Если приход не приносит деньги, а это наверняка одна из главных его целей после укрепления власти и моральной поддержки, то нужно что-то делать со священником. Тут же Евхаристий изловчился и деньги приносить, и не работать!

— А почему не меняют, если на него столько жалоб? У него какие-то связи в духовенстве?

— Не могу знать, господин. — Игнат медленно повел головой из стороны в сторону. — Слухи ходят, что сослали его с глаз долой. Люди у нас добрые, то волка раненого из леса

притащат и лечат, то ленивому священнику нальют и монетку в руку сунут...

Он замолчал, отвернувшись. Я сделал знак продолжать, и передо мной начала разворачиваться интересная картина. Справлялись тут и без указки вполне хорошо. Люди работают в полную силу, с рассвета и до заката, как и везде, но хватает и праздников. Игнат, видя, что церковь молчит, заменил ее, в воскресный день проводя гуляния и ярмарки. Немного подросло производство, подстраиваясь под начавший повышаться спрос, увеличилось общее благосостояние. На первый взгляд, все стало только лучше. И если раньше сельчане еще приходили к порогу церкви, то теперь поток иссяк практически полностью.

Но я не мог назвать Севера таким уж набожным человеком, а он на самом деле разозлился, снова застав святого отца в непотребном состоянии. Об этом я тоже спросил у Игната. Тот снова тяжело вздохнул.

— Под центральной усадьбой еще три деревни. Маленькие совсем, но там тоже люди хорошие... в основном. Есть там такой Алан, было дело, едва не стал старостой, но его светлость выбрал меня. С тех пор не уймется иподстрекает народ в деревнях, чтобы налогов не платить вовсе, а на собранное выкупить земли.

— И как он себе это представляет? — спросил я. — Очень глупая мысль: выкупить что-то у человека, заплатив его же деньгами, но может, за этим что-то есть еще?

— Не могу знать. Но прежний барон к нему ездил часто, и ничем это не закончилось.

Север не смог решить вопрос? А вот это уже интересно. Зная моего вспыльчивого друга, тот просто разрубил бы дурака, на этом все восстание и заглохло бы. Тут действительно есть что-то еще.

— И при чем здесь Евхаристий?

— Говорят, он часто наезжаетк Алану, после с пьяных глаз начинает учить людей, что смутьянправ, что только так и правильно и по воле Солнца. Ересь полная, но находятся и такие, что слушают.

Пьяный служитель культа, за выпивку агитирующий бунтовать. Отлично, как раз то, что нужно в самом начале, да. И связан с человеком, с которым не может сладить мой вспыльчивый друг. Очень интересно.

— Нужно съездить, посмотреть, что еще за Алан на моей земле. У барона Магатта не вышло, но, может, я справлюсь?

— На все воля Солнца. — Игнат пожал плечами. — Если старый барон не смог...

— То был старый барон. Теперь здесь моиземли! — сказал я, для весомости припечатав ладонью столешницу. — Завтра с утра соберешь пару крепких ребят...

Я не успел договорить, когда в дверь забарабанили с такой силой, что залязгал засов. Мы с Игнатом насторожились, мимо пробежал испуганный мальчишка, но староста остановил сына, пошел открывать сам. Я двинулся следом. Едва открыласьдверь, как внутрь ввалился мужчина с рассеченным лицом. Он буквально упал на руки Игнату, прохрипел:

— Беда! Беда... Алан... Поднял бунтв Выселках, а Болотная и Сосновка поддержали!

Мы с Игнатом переглянулись. Началось. Север, как же не вовремя ты продал мне эти земли!

Кони вынесли нас из села в подступающую ночь. Впереди, показывая дорогу, ехал предупредивший нас мужик. Пока я спешно возвращался в новый дом, чтобы надеть броню, ему перевязали рану чистой тряпкой, на которой тут же выступили алые пятна. Теперь он раскачивался в седле, сдержась с трудом, но упорно скакал впереди.

Мы неслись следом. Даже конь у старосты был под стать хозяину: с широкой грудью, мощными ногами. Седло для гиганта наверняка пришлось делать специальное, такое на обычном животном смотрелось бы, как панцирь на черепахе.

Нас быстро нагнал трое парней в легких кольчугах, у каждого пояс оттягивали ножны с длинными мечами, а на спине были закреплены простые деревянные щиты. Это все, кого староста сумел поднять сразу, остальные должны были добраться с небольшим опозданием. Игнат вообще советовал подождать утра, но чутье говорило, что нужно выдвигаться именно сейчас. К утру в Выселках нас будут ждать укрепления, туда стянутся сообщники Алана, и тогда достать изменника получится только после долгой осады и ценой многих жертв.

По сторонам дороги поднялся густой еловый лес. Здесь пришлось ехать медленно, чтобы кони не переломали ноги. Наконец, провожатый остановил коня, мы тут же последовали его примеру. Мужик указал куда-то в сторону от дороги, сказал так тихо, что едва удалось расслышать:

— До деревни еще километр, но лучше обойти через лес, на дороге посты.

— Точно, — Игнат кивнул. — Я эти места знаю, так что и в темноте доведу.

Отправив раненого обратно в село, мы спешили и спрятали коней за деревьями. Надев шлемы, вошли в лес. Игнат выбрал направление, махнул нам, и отряд двинулся. Парни шли совершенно беззвучно, только медвежистый староста изредка задевал низкие ветки, под его ногами шуршала земля, и я понял с легким стыдом, что если бы не это, то я давно бы сбился с пути.

Что-то вдруг неуловимо изменилось, внизу, под деревьями, стало немного светлее. Игнат с ругательствами пошел быстрее: впереди, в недалекой уже деревне, загорелся дом. Пламя становилось все ярче, оно уже мешало ориентироваться, приходилось низко пригибаться. Впереди трещало горящее дерево, раздавались крики, злой смех, грубые голоса выкрикивали приказы.

Наконец, выбрались на околицу. Деревня была довольно большая, в десяток домов, и один из них, стоящий почти в самом центре, сейчас горел. Вокруг суетились люди, тащили ведра, но люди с оружием не пускали к огню, позволяя заливать забор и теснящиеся вокруг сараи, чтобы не загорелись тоже. Игнат прижался спиной к бревенчатой стене, осторожно выглянул. Парни вытащили мечи, прикрылись щитами. Я держал меч, чувствуя, как сердце начинает разгонять кровь по телу. Мышцы надулись в предвкушении сражения. Староста наконец повернулся к нам, прорычал:

— Опоздали! Это дом деревенского головы, я часто у него бывал.

Прогоревшая крыша провалилась, из дыр на месте окон вылетало пламя, сыпало искрами. Все, кто оставался внутри, гарантированно мертвы. Я указал на горстку людей, стоящих на коленях и с рыданиями жмущихся друг к другу:

— А это его родные?

— Да, — Игнат кивнул. — Жена и дети. Но не все... Не вижу старшего. Его тоже...

Я сжал челюсти так, что скрипнули зубы. Теперь это мои люди, моя ответственность.

— Как думаешь, сейчас тут собрались все бунтовщики?

— Кроме тех, кто сидит на дороге.

Человек пятнадцать, все взрослые мужики из Выселок. Но, скорее всего, есть и припшые, из тех же Болотной и Сосновки. Можно дождаться подкрепления, тогда бой завяжется серьезный, я потеряю еще больше людей. Но если постараться обезглавить восстание...

Дом догорал. Несколько бунтовщиков потащили куда-то в темноту женщин, судя по возрасту, жену убитого головы, и двух старших дочерей. К ним присоединились еще несколько, один с хохотом тащил визжащую и упирающуюся девочку лет семи. Из моего горла вырвался непроизвольный рык. Махнув рукой в сторону удаляющихся мужиков, я выскочил из укрытия и побежал, низко пригибаясь. За спиной раздался дружный топот.

Пленниц уже растянули на земле. В темноте странно белели обнаженные тела, вокруг них в свете утихающего пожара двигались тени, похохатывали, деловито раздавали советы. Первому я снес голову. Та глухо ударилась об утоптанную землю, поскакала в темноту. Тело еще стояло на коленях, решая, в какую сторону упасть, когда началась бойня. Не готовые к нападению животные ескакивали и тут же падали под ноги остальным. Я зарубил еще двоих, Игнат с парнями смяли остальных, долго и зло рубили.

Наконец, остановились, оцетинившись мечами на случай, если на звуки боя поспешат остальные. Залитые чужой кровью, женщины сгребли остатки рваной одежды, торопливо отползали в сторону, там начали одеваться. Я громким шепотом обратился к той, которую определил, как жену головы:

— Все в порядке? Дальше сами справитесь?

Та кивнула с серьезным лицом, подтянула к себе плачущую девочку. Я пересчитал тела: шестеро. Неплохо.

— Тогда спрячьтесь, а лучше пробирайтесь к лесу. А мы пока разберемся с остальными.

Стараясь держаться в тени, мы двигались по деревне. Судя по тому, как несло вином от убитых, бунтовщики добрались до погребов. Будь Алан из военных, товывставил бы караул, запретив части своих людей пить. Сейчас же со всех сторон неслась пьяная ругань, трещали выбиваемые двери, кого-то тащили на улицу, где били под смех и причитания. Это было хорошо: после такого даже те, кто был на стороне бунтовщиков, от них отвернутся, каждому дорога его шкура.

Глаза привыкли к темноте, маленький отряд незамеченным перебежал от дома к дому. Можно было уже сейчас расправиться с бунтовщиками, но сперва следовало найти Алана, чтобы тот не сумел скрыться. Убивать его я строго запретил, у меня на него были другие планы.

Выглянув из-за очередной хаты, Игнат резко подался назад.

— Вот он, в шапке! Стоит со своими у ворот!

Осторожно заглянув за угол, я рассмотрел стоящих в кругу света от факелов мужчин. Один, низкорослый широкоплечий мужик в красной, распахнутой на груди рубашке, что-то рассказывал остальным, часто прерываясь на грубый смех. Стоящие с ним довольно ухмылялись, оглядываясь через плечо на темные дома, глаза у всех возбужденно горели. Я уже собирался дать сигнал к бою, когда со стороны дороги раздалось свиное уханье. Бунтовщики замолчали, уставившись в темноту. Алан зло выругался, хриплым голосом отдал приказ. Его товарищи, еще пару секунд назад беззаботно смеявшиеся, теперь смотрели почти

трезво. Кивнув, они выбежали из освещенного круга. Игнат с парнями, подчиняясь моему жесту, тоже растворились во мраке.

Когда Алан остался один, веселье в его глазах сменилось озабоченностью. Он вытащил из держателя факел, бросил на землю и принялся затаптывать. Я дождался, когда он протянет руку за вторым, выбежал из укрытия, стараясь ступать тихо. Неумение ходить беззвучно подвело и на этот раз: подошва сапога шаркнула по утопанной земле. Алан отскочил в сторону, выставив перед собой меч.

Мы замерли друг перед другом, освещаемые багровым пламенем. Он смотрел на меня исподлобья, низко наклонив голову, на лице белел хищный оскал.

— Ты кто такой будешь? — спросил он хрипло.

— Сэр Томас Ромм, хозяин этих земель, — ответил я. — Взвешивая доброй воли даю шанс умереть не сейчас, а чуть позже, в петле.

— Пожалуй, откажусь я, хозяин. — Алан покачал мечом, примериваясь. — Но за доброту твою отплачу: можешь бежать к своим, они как раз подъезжают, скажешь, чтобы сюда не лезли, мое тут все теперь.

Он без предупреждения бросился ко мне, заноса меч. Тот обрушился с чудовищной силой, я едва сумел парировать, подставив щит, отскочил в сторону, ударил сам. Алан отмахнулся по-деревенски широко, лезвие обошло защиту, кончиком чиркнув по кирасе, тут же снова нанес удар сверху. Мне пришлось сдвинуться в сторону, пропуская металлическую полосу, но противник обращался с тяжелым мечом, как с хворостиной, дернул в сторону с такой легкостью, что не пригнись я, лишился бы головы.

— Чего не бежишь? Прежние баре еще могли против меня устоять, но у тебя не выйдет!

Он развел руками, открываясь. Один короткий прыжок вперед, и все будет кончено! Но что-то мне не нравилось. Очень уж показным казалась его неуклюжая техника. Аланнебыл таким увальнем. Заметив, что его хитрость раскрыта, онсам пошел в атаку, замелькала сталь, на щит обрушился град ударов. Мечнаверняказатупится, но при такой силе удара достаточно попасть даже плашмя.

Но, каким бы опытным бойцом не оказался Алан, и в его тактике отыскались слабые места. Я отсчитывал замахи, шаги, отступления, пока мой щит с молнией на голубом фоне превращался в кусок бесполезного металла и дерева. От лязга и грохота ныли зубы. Наконец, углядевбрешь, шагнул вперед, махнув перед собой мечом на уровне коленей. Противник непроизвольно отпрыгнул, вытянув голову вперед и подставляя шею. Иззубренный край щита немедленно пошел вверх, с треском ударив вожака в подбородок. Оглушенный, Алан откинул голову, и я, сделав шаг назад, махнул мечом. Выбитое из ослабевших пальцев оружие звякнуло о мелкие камешки. Завершая бой, я ударил щитом ему в лицо, сбивая с ног. Все было кончено.

Дыхание вырывалось из груди с хрипами. Я взмок, словно только выбрался из воды, но руки и ноги не дрожали, — хвала тренировкам! За шумом крови в ушах не сразу услышал грохот копыт, из темноты за воротами вырывались всадники, в руках сверкали мечи и сабли.

— Все в порядке тут? — крикнул один из них, осаживая коня возле поверженного. Я кивнул, указал в сторону домов, откуда тянуло остывающим дымом:

— Помогите остальным, они пошли в ту сторону.

Остаток ночи провели, собирая трофеи и считая погибших. Из моего маленького отряда только один напоролся в темноте на нож, зато мятежникиполегли все, кромеАлана и мальчишки лет тринадцати, сидевшего в дозоре. Заметив всадников на дороге, он

просигналил, как было велено, но зачем-то побежал к деревне. Его поймали, и теперь тот распаханутыми в ужасе глазами смотрел на трупы товарищей, которые крестьяне сваливали в кучу за околицей. Светало, и теперь была видна почти черная кровь, залившая изуродованные тела. Из деревенских погибли двое. Голове подсекли сухожилия и оставили в подоженной хате, и еще одного мужика зарубили за то, что полез защищать дочерей. Дружина, десяток мужиков из моего села, деловито обшаривала мертвецов, вытаскивая мелкие монеты из карманов в поясах и снимая сапоги. Я промолчал: погибшим оно все равно уже не нужно.

Алана привязали к толстому столбу, вывернув руки так, что трещали связки. Он храбрился, поглядывал с усмешкой, как деревенские мужики торопливо копали яму, шкурили длинное бревно. Вскоре за воротами уже стояла новая, пахнущая свежим деревом виселица. Другие грузили на телеги мертвые тела, теперь обобранные до нитки, вывозили куда-то в лес, где не то закапывали, не то просто бросали. Даже по тем, для кого эта деревня была родной, никто не плакал, и уверен, что вполне заслужено.

— Пока еще есть время, давай поговорим, — сказал я Алану. — Облегчи душу.

— Облегчаются в другом месте! — прорычал он, презрительно сплюнул. — Я не жалею ни о чем, так и запомни!

— Даже о том, что погибли люди? Твои же соседи? Друзья?

— Лес рубят — щепки летят! Нельзя ничего изменить, если боишься замарать руки!

Он гордо выпрямился, насколько позволяли стянутые за спиной руки. Я кивнул. В этом он прав.

— Хорошо. Тогда расскажи, почему решил начать бунт... именно теперь?

— А ты не понимаешь? Тогда вот тебе мое последнее слово!

Он плюнул снова, на этот раз в меня, не попал и отвернулся. Я сделал знак своим, подскочили сразу несколько человек, отвязали, повели к виселице. Следом тащили дозорного, мальчишку не держали ноги, он побледнел, губы тряслись.

— Этого ко мне, — приказал я, и когда полумертвого от страха парня поставили рядом, спросил: — Ты пошел с заговорщиками, неужели не знал, что придется убивать?

Мальчишку трясло так, что он едва не падал, по лицу бежали капли холодного пота, рубаха и портки намокли. Он замотал головой, пробормотал дрожащими губами:

— Н-нет, ваша светлость... Я вообще не отсюда, меня батька привел...

— Зачем?

— Сказал — весело будет...

— Зачем? — повторил я тверже. Мальчишка взглянул мне в глаза, торопливо уронил взгляд:

— Говорил, пощекочем барьев, заберем наше...

— Интересно. И что же тут ваше? — спросил я, обводя широким жестом деревню. — Земля? Люди? Может, деньги?

Мальчишка не ответил, только смотрел затравленно. От околицы окликнули, и я, схватив его под руку, поволок к виселице. Алан уже заволоклина шаткий чурбак, места на котором едва хватало, чтобы поместить одну ступню. Игнат стоял неподалеку, глядя, как бунтовщику затягивают на шею петлю. Увидев дозорного, староста кивнул в его сторону:

— Этого тоже вздернем?

Я подошел к Алану, тот старательно скалился, показывая, что не страшится смерти.

— Перед тем, как отправиться к праотцам, хочу услышать ответ. Вот этот парень, — я

указал на едва живого от ужаса дозорного, — сказал, что вы собираетесь отобрать свое. Но что именно, он так и не объяснил. Может, ты сумеешь?

— Это наши земли! Отцы, деды тут жили, а потом пришли такие вот, как ты и сказали: это теперь наше, охотиться в лесах барона нельзя, рубить дерево — тоже, а можно только платить налоги и молчать! А я так считаю, что и без вас управимся!

В его глазах светилась фанатичная уверенность в собственной правоте. Но это — правда ребенка, которому запрещают есть снег, совать руки в огонь, заставляют убирать игрушки. Барон на охоте убьет одного, режет двух оленей в месяц, деревенские же, дай волю, выкосят их всех. То же и с деревьями. А что на налоги содержат дружину, пускают деньги на другие, не менее важные дела — кто видит? Вот потому и возникают эти «отнять и поделить». Сперва отнять у баронов, торговцев, просто богатых, и поделить. А когда одни пропьют, пустят по ветру доставшееся даром, то обратятся к тем, кто не тратил бездумно, а вкладывал и приумножал, и тогда цикл повторится снова. И снова. У таких делильщиков редко есть план, как действовать, получив власть.

— И? Если бы удалось подмять под себя эти деревни, что бы ты делал дальше?

— Уж известно, что! Дал бы вольностей людям! Никаких обязанностей перед бароном, только работа на себя!

— Понятно, — я кивнул. — А потом?

— Что — потом?

— Потом, когда все стали свободными. Что бы вы делали дальше?

Алан замолчал. Судя по лицу, он так далеко не заглядывал. А ведь в этом «потом» не обойтись без торговли, производства, армии, новой власти. Анархия хороша на коротких дистанциях. Вокруг собирались крестьяне. Многие из них этой ночью пострадали от действий бунтовщиков, этих было заметно сразу, но в глазах некоторых я увидел сочувствие и досаду, что бунт не удался. Ярость ударила в голову, я схватил под руку едва живого мальчишку, сказал хмуро:

— Ты ведь не отсюда?

— Н-нет, — он быстро-быстро замотал головой. — И... из Сосновки мы с батькой при... при...

— Тогда смотри и передай своим, как все было.

Я с силой ударил ногой по чурбаку.

Из Выселок направились в Сосновку. Нужно выжечь недовольство в корне, и поэтому Алан еще качался в петле, когда мы вскочили на коней. Дорога петляла через лес, оставляя только светлую полосу над головами, потом выскочила на простор, но, словно испугавшись, повернула, прижалась к опушке. Лучи утреннего солнца опустились на плечи, ласково нагревали, словно пытались остановить, успокоить. Я в раздражении дернул плечом, стряхивая навязчивое тепло. Расслабляться некогда! Пока Север пьянствовал в городе, в его землях вызрел заговор, и мне теперь нужно с этим разбираться!

Я скакал во главе отряда, за мной несся на своем гигантском коне Игнат. Дорога держалась у самих деревьев, затем осмелела, повернула в поля. И почти сразу из-за леса показалось облако густого черного дыма. Я прищорил коня, в ушах засвистел ветер, топот множества копыт за спиной стал чаще. Полоса леса уходила все дальше, открывая дома. Дым поднимался над несколькими, там уже суетились крошечные фигурки людей, волокли ведра с водой, баграми растаскивали горящие бревна.

Мой конь повернул в сторону деревни, но тут за спиной раздался вскрик. Один из скачущих в арьергарде привстал в стременах, вытянув руку куда-то в сторону от дороги. Там, под прикрытием зрелых колосьев, угадывалось движение. Десяток всадников, низко пригнувшись к лошадиным шеям, уходили через едва заметный, но глубокий овраг. От ярости потемнело в глазах. Я ткнул пальцем в троих, скачущих прямо за мной, отправляя их на помощь деревенским, а с остальными бросился в погоню.

Поняв, что скрыться не удалось, мятежники выпрямились в седлах, с гиканьем подгоняли коней. Я нахлестывал своего, злясь, что расстояние сокращается слишком медленно. Из-за спины несколько раз вырывались стрелы, но уходили мимо. Громко ругался Игнат, он скакал по правую руку от меня, лицо его блестело от пота, но глазами он цепко держал убегающих.

— Не успеваем! — прорычал он зло.

— В каком смысле? — спросил я. — Объясни!

Игнат махнул рукой, указывая на тонкую полосу деревьев впереди:

— Там земли барона Тошильдера, а у него с прежним хозяином вышла ссора. Нам туда никак нельзя, а вот он смутьянов примет, да еще как примет! Как героев!

Я скрипнул зубами в бессильной ярости. Расстояние между моим отрядом и поджигателями сокращалось слишком медленно! Они вот-вот пересекут границу, и тогда достать их будет очень тяжело. А если не получится найти общий язык, и вражда передастся мне по наследству, то и вовсе невозможно!

Решение пришло само собой. Нужно давить бунт в зародыше, а если каждая тварь будет знать, что не сможет скрыться у соседей, то лишний раз подумает, прежде чем поднимать восстание. Бунтовщики уже пересекли границу, останавливали коней, разворачиваясь в нашу сторону. Даже с такого расстояния были видны их смеющиеся и довольные лица. Мои люди тоже начали придерживать коней, но я заорал, едва не срыва голос:

— Вперед! Вперед! Не дайте им уйти!

И сам понесся впереди, подавая пример. Расстояние сокращалось, но мятежники все еще не верили, что я осмелюсь нарушить границу. Они смеялись, указывали на нас пальцами, и когда отряд ворвался в узкую полосу леса, не успели даже схватиться за оружие. Кони

вынесли нас на земли Тошильдера, я дико закричал, врываясь в самый центр отряда бунтовщиков. Клич подхватили остальные, мы рубились яростно, смяли, погнали ошалевшего врага.

Троим удалось вырваться из боя, нахлестывая коней, они понеслись прочь. Я бросил коня следом, за мной скакали остальные.

— Брать живыми! — прохрипел я. Игнат повторил мой приказ громче, и отряд начал расходиться в стороны, чтобы взять убегающих в клещи. Бешеная скачка продолжалась, я пришпоривал взмыленного коня, тот уже хрипел, роняя изо рта клочья пены. Каким-то чудом нескольким моим бойцам, скачущим справа, удалось вырваться вперед, и теперь они отжимали бунтовщиков, заставляя поворачивать, остальные бросились наперерез.

Впереди, в полях, повилось облачко пыли, когда отряд почти загнал бунтовщиков. Когда их настигли и сбили с коней, вдали показался большой отряд. Воины Тошильдера, как взволнованно сообщил мне Игнат. Они двигались, невидя нас, но это было лишь делом времени. Я крикнул своим воинам, те быстро закинули коней связанных мятежников, и мы направили качающихся от усталости животных обратно. Уверен, такое не останется незамеченным, и мне еще придется решать вопросы с соседом, но сейчас для этого не оставалось никаких сил, и отряд спешно отступал.

До Сосновки добрались без приключений. Навстречу выбежали деревенские, перепачканные сажей и кровью. Я спешил, и тут же был окружен гомонящей толпой, люди говорили все одновременно, мне едва удалось призвать их к порядку. Подоспевший Игнат указал на деревенского голову, и дальше разговор мы вели с ним.

Выяснилось, что в деревне собрался отряд заговорщиков, в котором местные не знали почти никого. Ожидая возвращения Алана из Выселок, они развлекались, как могли: вламывались в дома, избивали любого, попавшегося на пути, грабили, перебили половину скота. А когда вместо отряда Алана из леса появился одинокий мальчишка и испуганно рассказал о случившемся, принялись крушить деревню.

Сжечь успели три из двенадцати домов, еще два лишились крыш. Погибло пятеро мужиков, из тех, что пробовали сопротивляться. Когда в деревню втянулся хвост кавалькады с привязанными к коням последними из мятежников, тех едва не разорвали на месте. Здесь же на землю бросили мешки, притороченные к коням убитых мерзавцев, и деревенские ненадолго отвлеклись, разбирая свое добро. Игнат с головой отправились осматривать разрушения и прикидывать ущерб. Воины же под моим присмотром подняли виселицу с длинной перекладиной, на которой быстро, под смех и улюлюканье развесили привезенных бунтовщиков.

Затем, не задерживаясь, пересели на свежих коней и отправились в Болотную, самую удаленную деревню на моих землях. Название она получила от огромного топкого болота, начинавшегося под холмом, на котором расположилась деревня и уходящего, насколько хватало глаз. С другого края домики упирались в лесное озеро, так что подобраться к ней можно было только по узкой дороге, с обеих сторон зажатой густым лесом. С учетом расположения, жители деревни занимались в основном охотой и собирательством.

Я всерьез начал опасаться засады: что может быть легче, чем истыкать врага стрелами из укрытия? Но все обошлось, и вскоре отряд уже въезжал в деревню по дороге, переходящей в главную улицу.

Нам навстречу вышли мужики в добротных кожаных доспехах. Каждый держал в руках простой лук или острогу, но желания напасть они не проявляли. Вперед выдвинулся

огромный мужик, ростом и шириной плеч способный поспорить с Игнатом. Густая борода до самых глаз делала его похожим на медведя, крошечные глаза из-под кустистых бровей смотрели с подозрением. Когда он заговорил, голос его оказался низким и тягучим, как смола:

— Кто такие и зачем к нам пожаловали?

— Новый хозяин земель, Колода, — Игнат двинул коня, выезжая вперед. — Ну, а меня ты знаешь.

— Знаю, знаю... Игнат-шило в зад...

Названный Колодой засмеялся, довольный шуткой. Загоготали и остальные охотники, и, к моему огромному удивлению, бойцы из моего отряда. Захохотал даже сам Игнат. Староста вытер слезящиеся от смеха глаза, объяснил, указывая на бородача:

— Это голова Болотной, Колода, мой брат.

— Отлично. — Я кивнул. Теперь стало заметно сходство между гигантами. — Мы приехали, потому что нам сообщили о мятеже. Но, как я вижу, здесь все в порядке.

Я демонстративно осмотрелся, повернулся к Колоде. Тот подтвердил:

— Да, было дело, появились тут одни... Я с сыновьями на охоте был, а как вернулся, так сразу порядок навел. — Он махнул кому-то далеко за спинами воинов. — Главного у них живым взяли, вот.

Охотники расступились, пропуская двоих, что тащили под руки оборванца с разбитым в кровь лицом. Человека толкнули в пыль перед копытами моего коня. Я спросил:

— И сколько же их было сначала? Много деревенских к нему присоединились?

— Сколько было — того не скажу, не ругайся, ваша светлость. Мы тут сами разобрались, кто и что хотел. Тебе, наверное, хватит, если скажу, что Болотная с тобой, а?

Я не торопился с ответом. Крепкие охотники, уверенные в себе сильные люди, таким можно дать немного больше свободы. Но правильно ли я поступлю, согласившись? Все приходится узнавать на ходу, всему учиться, шагая по граблям!

— Вижу, здесь мне рады, пусть я пока и чужой человек. Будем считать, что я приехал, чтобы познакомиться со своими новыми людьми.

Охотники доброжелательно загудели и начали расходиться. Воины из моего отряда с облегчением выбирались из седел. Я спешил, чувствуя на себе одобрительный взгляд Игната. Подошел к Колоде, тот поклонился, но глаза хитро блестели.

— Прошу, ваша светлость. — Он сделал приглашающий жест рукой. — Или сперва захотите отобедать?

Только теперь, когда это было произнесено вслух, я ощутил, насколько голоден. Бесконечная скачка, сражения — все это вымотало меня до предела. Я согласился, и Колода повел меня к себе.

Дом его оказался на дальнем конце, так что удалось по дороге кое-что осмотреть. Дворы вытянулись вдоль дороги, с обеих сторон по шесть домов на высоком фундаменте. Привычная уже домашняя птица, козы обдирают кусты у чьей-то калитки. Из-за заборов выглядывают любопытные дети, когда мы прошли мимо, вслед полетели камни и комья грязи. Колода обернулся и рывкнул так, что заложило уши, с той стороны раздался счастливый смех и удаляющийся топот.

— Дети, — развел руками, словно оправдываясь, деревенский голова. — Стараемся держать в строгости, но поди удержи!

Я кивнул. Если дети заняты не только работой, то и жизнь в такой деревне не самая

тяжелая. А довольные бунтовать не станут. Дом Колоды на самом верху холма. Отсюда видно снующие по озеру рыбацкие лодки, идущие болота женщин в красных платках и с полными корзинами ягод. Остановился на крыльце, втянул полной грудью прохладный, несмотря на жаркое солнце, воздух. Во дворе прямо под яблонями поставили столы, бабы спешно таскают на него подносы с мясом, хлебом, видно желтые круги сыра.

— Проходи в дом, ваша светлость, — Колода открыл дверь, приглашающе повел рукой. — Тут посадим твоих людей, а нам внутри собирают.

Пригнув голову, чтобы не удариться о низкую для него притолоку, он вошел в дом. Я двинулся следом, за мной шагал Игнат. Миновали сени, заставленные корзинами, с развешанными по стенам сетями, от которых несло тиной, дальше шла просторная центральная комната с печью у дальней стены. Середину занимал стол, на котором уже было тесно от блюд, но нашлось место и для пары кувшинов. Колода подождал, пока я усядусь, затем они с Игнатом тоже заняли места на лавках, заняв почти все пространство. Деревенский голова взял кувшин, наполнил кружки. По комнате пополз сладкий запах медовухи.

— Ну что, за знакомство, ваша светлость? Жаль, что при таких обстоятельствах!

Мы сдвинули кружки, отпили, принялись за еду.

— Так много ваших присоединились к бунтарям? — спросил я, разрезая кусок исходящего паром мяса. Колода ответил довольно:

— Чужие были, да. Мужики их до моего возвращения придержали, только перестарались чуть, задавили. Только зачинщик уцелел. А из наших если и был кто, сказано: не о том речь, с ними я сам поговорю, ваша светлость, не изволь беспокоиться.

— Уверен? Люди должны знать, что ни один проступок не останется безнаказанным. Я здесь человек новый, но это не значит, что мне можно усесться на шею.

— Да о каком проступке речь? Ничего такого не было. Пришли какие-то, требовали странного, ну и получили. Вон он, главный их, в веревках сидит, а мои всегда только за правду!

Я посмотрел Колоде в глаза, тот ответил прямым взглядом. Спокойный, уверенный в себе. Человек на своем месте. Что ж, пожалуй, на него можно положиться. Все равно сейчас выбора у меня нет. Игнат оторвался от тарелки, сказал, подтверждая мои мысли:

— Колода человек надежный. Если мне доверяешь, то и ему можешь, а то и вдвойне.

— Хорошо. Тогда о другом: я уже сутки скачу, гашу пожары. Но пока не знаю причин. Кроме очевидной: кто-то вдруг решил, что смена хозяина отличное время для смены власти вообще. Я прав?

Братья переглянулись, затем Игнат ответил:

— Может, и так. При прежнем бароне никому и в голову бы не пришло такое. Пусть он и редко у нас бывал, но не мешал, поборами не душил.

— А про тебя, уж извини, ваша светлость, пока не известно ничего, — подхватил Колода. — Вот и решили некоторые...

Я сосчитал до десяти, медленно выдохнул.

— Зря решили.

— Мы тоже так подумали, — согласился деревенский голова. — Смерти, пожары... Нет. Так что в Болотной все с тобой, ваша светлость.

Дальше разговор свернул на другие вопросы, а когда опустели блюда и кувшины, я решил проветриться и вышел на крыльцо. На просторном дворе Колоды пир шел полным

ходом. За столами народу стало заметно больше, подтянулись деревенские. Появились компании, кто-то уже пел, рядом воин из моего отряда рассказывал, бурно жестикулируя, о том, как мы гнались за мятежниками по землям Тошильдера, едва не напоровшись на воинов барона. Отдельно уже вперемежку слушали рассказ старика о старых временах. Ему поднесли медовухи, мягкие груши, и теперь почтительно внимали. Я прислушался: речь шла о мифических героях, что с огненным мечом и незримым щитом побивали, попирали и насаждали.

— Они последние, кто еще противился разрушению, — звучал удивительно сильный для такого немогущего тела голос. — Последние, кто нес свет Солнца, и перед ними рушились в грязь армии врагов! А луки неведомой мощи пробивали стены городов, как гнилую доску!

Интересно. А учитывая, что из себя представлял этот мир еще тысячу лет назад, то интересно вдвойне. Очень похоже, что герои пилотировали шагающие танки. Нужно будет поискать книги по мифологии, уверен, что узнаю почти все из описываемых там чудес. И нужно поговорить с ведьмой... За спиной кто-то прокашлялся, затем раздался голос старосты:

— Ваша светлость, не пора нам обратно?

— Да, как раз об этом думал. Пока доберемся... Еще не известно, что ждет дома. Собирай людей.

Игнат сбежал с крыльца, заревел зычно, поднимая размякших от еды и медовухи бойцов. На крыльцо вышел Колода, толстые доски затрещали под ногами. Встав рядом, он сказал негромко:

— Ты, ваша светлость, человек сильный и храбрый, но здесь новый. Так что тебя будут еще щупать, будут... Но не беспокойся, пока мы с братом в силе, можешь на нас рассчитывать, гнили не допустим.

Я встретился с его прямым взглядом, кивнул:

— Я рад, что вы на моей стороне. И надеюсь, быстро отучу желающих совать нос не в свое дело, а то постоянно носиться и гасить пожары... то еще развлечение.

Обратно выехали еще засветло. Кавалькада сильно вытянулась по лесной дороге, бойцы нестройно затянули песню, но в седлах держались твердо. Я сам ощущал в голове приятную легкость от медовухи и от того, что этот бешеный день наконец заканчивается. Игнат ехал рядом, расслабленно прикрыв глаза. Когда вдали показались светящиеся окошки домов, на западе уже догорал закат. Воины притихли, по дороге, ведущей среди домов, их становилось все меньше: разъезжались по домам. У дома старосты я попрощался с Игнатом и направил коня к своим воротам.

Все, на сегодня хватит. Спать!

Утром первым делом отправил с письмом к Северу, в котором коротко рассказал о случившемся. Не то, чтобы жаловался, следовало прояснить по поводу ситуации вокруг имени. Потом перекусил наскоро и отправился к Игнату.

Тот был уже по уши в делах, и поймать его получилось только в третьем месте из тех, где старосту видели. День обещал быть жарким, и я успел пожалеть, что не взял коня, когда Игнат сам вышел навстречу с околицы, что-то втолковывая окружившим его мужикам. Увидев меня, они остановились, склонились в поклоне. Потом староста отправил мужиков дальше, а сам остался передо мной.

— Доброго утра, господин!

— Если бы... Все в порядке?

После всех приключений тело еще не могло свыкнуться, что не нужно никуда скакать, размахивать заточенной сталью. В груди поселилось и не уходило нехорошее предчувствие.

— Ну в общем да, — начал Игнат, замялся, но вздохнул тяжело и закончил: — Сбежал Евхаристий. Мне сообщили вчера, как вернулся. Я приказал не беспокоить, решил, что сам сообщу, как встанете.

Просто замечательно. Или не очень? Ленивый служитель культа покинул пост, теперь на его место пришлют толкового, все в плюсе. Но что-то мне не понравилось. То ли своевременность исчезновения, то ли выражение лица Игната, когда он сообщал мне эту новость. Слишком уж мрачным тот выглядел.

— Баба с возу... Но можно подумать, тебя его исчезновение гнетет, — спросил я.

— Не особо, — признался староста. — Давно пора было его поменять, но никто не торопился, так что, наконец, пришлют нормального. Но не нравится мне, господин, что исчез он очень вовремя!

Так, что это там внутри шевельнулось? Нехорошее предчувствие завозилось внутри, приподняло голову.

— Давай не тяни, рассказывай, что думаешь, — приказал я. Игнат осмотрелся, но вокруг никого не было: начинался день, все разошлись по работе.

— Я, господин, уверен, что Евхаристий связан с бунтарями.

— Ну, как раз этот вопрос мы прояснили уже. За выпивку он бы и не такое сказал. Или у тебя что-то еще?

Я вопросительно посмотрел на старосту. Тот кивнул:

— Видели, как он бежал отсюда сразу, как выехала подмога. Скакал налегке, без мешка или сумки.

— Это серьезно. Наверняка посчитал, что как бы ни сложилось, о его участии станет известно. Ну почему никто ничего не предпринял раньше!

— Ну а кто на попа подумает? — помотал головой Игнат. — Святой отец вел себя, как скот, как его сюда прислали. Старый-то был — ого-го! С бородой, с голосом! Его очень уважали все, даже когда помер, всем селом вышли сжигать, и из деревень многие были. А потом Евхаристий приехал, и сразу его здесь невзлюбили.

Я вспомнил рассказ о том, что святого отца в поселке поддерживали, несмотря на скотское поведение и полное запустение церкви, уточнил:

— Но деньги давали?

— А как иначе? — удивился Игнат. — Солнцетепломделится и нам велело!

Я понимал. Тяжело вздохнув, спросил:

— Куда он мог податься, не знаешь?

— Нет, — Игнат виновато развел руками. — Я послал к Колоде, охотники ищут его. Но у соседей без приказа не смогу. Да и то, к Тошильдеру слать — время тратить, он беглеца не выдаст.

Ну, о последнем я уже подозревал. Даже если наша вчерашняя эскапада осталась незамеченной, проблемы с соседом все равно будут.

— Хорошо, продолжай, — я жестом показал, что староста свободен, но в памяти всплыл еще один вопрос. — Подожди, те бойцы, что вчера с нами были, они здесь чем обычно занимаются?

Шагнувший было в сторону Игнат остановился, развел руками:

— Кто чем. Пашут, лес рубят, в кузнице, все как у всех.

— Сообщи, что теперь они в ополчении. Только с оружием и броней у них плоховато, так что выясни по этому поводу и сообщи.

Игнат поклонился, и мы двинулись в противоположные стороны. Ополчение. Сама идея не нова, да и показали себя бойцы с лучшей стороны. Опять же, обойдутся на первых порах дешевле наемников. Но у Тошильдера обученные, хорошо вооруженные воины, и у других соседей наверняка тоже. А вдруг решат пощупать нового хозяина земель? Нет, нужно серьезно поговорить с Севером на предмет отсутствия здесь профессиональных военных.

Вернулся в дом, поднялся к себе. Голова разогрелась от толкающихся в черепе мыслей. Нужно решать вопрос с церковью. Послать в столицу письмо с запросом, объяснив ситуацию, и сделать это как можно быстрее. Выяснить у них же, как поступить с Евхаристием, если его все-таки поймают. Я бы его просто вздернул, как соучастника, но неизвестно, как к этому отнесутся местные, а главное — наверху.

Второе на повестке — производство и необходимые улучшения. Стоит ознакомиться с бумагами, но есть подозрение, что денег, получаемых с имения сейчас, хватит только на жизнь, но не на исполнение планов.

Третье — собственно, планы. Наводить мосты, завести нужные знакомства. И на все требуется время и деньги. Потому что нельзя забывать, что по моему следу могут идти Разрушители, и с каждым днем они все ближе. И как бы ни хотелось верить, что опасности нет, но нужно жить и действовать так, словно прибытие врага неизбежно.

Чтобы отвлечься, отправился разбирать бумаги, но едва начал приводить в порядок листы целые книги, исписанные кривыми рядами цифр и сокращений, как за окном раздался цокот копыт по булыжнику. Приехал Север? Так скоро? Выглянул в окно, но увидел, как в ворота усадьбы въезжает незнакомый человек. Он выбрался из седла, конюх тут же принял коня, почтительно кланяясь, увел к конюшне. Раздались голоса, но через плотно прикрытое окно слов было не разобрать.

Я вышел из комнаты, которую теперь решил считать кабинетом, и спустился на первый этаж. Едва сошел с нижней ступени, в дверь постучали. Громкие размеренные удары человека, уверенного в себе и не привыкшего к долгим ожиданиям. Из людской появился слуга, моментально оказался у дверей, открыл, заранее сгибаясь в поклоне. В холл неторопливо вошел мужчина, которого я видел в окно. Седые волосы до плеч, короткая белая борода, лицо в глубоких морщинах, но держится прямо, спина — как стрела, хоть массивный живот и заметно свешивается черезремень. Ростом гость на полголовы ниже, но в плечах не

уступал мне, широкая шея и массивные руки выдавали опытного воина. Заметив меня, мужчина сдержанно улыбнулся и двинулся навстречу, протягивая руку:

— Велимир Нордтео, барон Актанский, ваш сосед. А вы — тот самый Томас Ромм из Яргорода, сменивший на этих землях благородного барона Севера?

Я ответил на рукопожатие, против желания поморщился.

— Так и есть. И надеюсь дожить до того времени, когда меня перестанут сравнивать с моим дорогим другом.

— О, думаю, это случится довольно скоро! — барон рассмеялся. — Учитывая, что в первый же день вам удалось пресечь мятеж, что зрел тут уже давно, не удивлюсь, если соседи только о вас и говорят.

— Это прекрасно, — ответил я, — но что же мы разговариваем в дверях? Проходите. Вина?

Я сделал приглашающий жест, Велимир слегка наклонил голову и прошел в каминный зал. Двигался он так, что стало понятно: был здесь барон далеко не в первый раз. Я сел в неудобное кресло за столом, сосед опустился напротив. В зал вошли слуги, они двигались сноровисто и почти бесшумно, не слышно было ни смешков, ни перешептываний, а на столе появились кувшин вина, высокие стаканы и тарелка с сыром и мясом. Разлив вино, они так же неслышно удалились.

— Так что привело вас ко мне, барон?

— Всего лишь желание познакомиться с соседом. — Велимир улыбнулся. — У нас тут не очень богато с развлечениями, а человеку пожилому и вовсе нечем заняться. Охота, веселье с друзьями — все это рано или поздно надоедает... Хотя, вы еще достаточно молоды, так что не воспринимайте слова старого брехуна всерьез.

— Не думаю, что все упирается только в возраст. Поверьте: в компании Севера и его друзей благородных баронов мне было скучно. А от охоты ничего, кроме разочарования, получить не удалось.

Велимир несколько долгих мгновений изучал меня цепким взглядом, наконец, произнес:

— Неужели? А должны бы рваться в бой с врагом или вином, всегда на полном скаку... В молодости и мне довелось, так что теперь, вспоминая, морщусь, как от лимона! Но должно же быть что-то, что вас увлекает?

— Книги. История, география... в основном, — не покривил я душой. — Не самое лучшее занятие для благородного барона.

— Почему же? — не согласился гость. — Я тоже люблю пошуршать страницами, тем более, что со зрением пока все в порядке. У меня в имении отличная библиотека, так что можете навещать.

Пока мы вели беседу, я рассматривал старого барона, стараясь делать это незаметно. Что привело его сюда? Вероятнее всего, он действительно явился из простого любопытства, но от всего, свалившегося на меня за последнее время, начинаешь дуть на воду. Но мы бегло обсудили подробности мятежа, после чего перешли к здешним землям, урожаем, а от них — к соседям. Оказалось, что кроме Нордтео и Тошильдера мое новое имение граничит еще с тремя баронами. Мауриц Херман, Юлиус Слеттебакк и Вегар Йертсен получили земли за доблесть в походах, где сдружились, а Юлиус и Вегар ко всему еще и приходились друг другу кузенами.

— Проблем от них не будет, — объяснял Велимир. — Они постоянно в разъездах, а

когда собираются, то неделями пропадают на охоте. А вот Тошильдер... Боюсь, по наследству вместе с именем передался и сильный враг. Надеюсь, вы еще не скоро с ним познакомитесь.

— Тоже надеюсь. — Перед глазами возникла кавалькада хорошо вооруженных воинов. — Уверен, вы сможете объяснить, что с ним не так. За что он так взъелся?

— Значит, Север продал вам земли, но не их историю? Забавно. Тогда слушайте...

Еще триста лет назад вся округа принадлежала роду Тошильдеров. Город Андерс стоит на пересечении торговых путей, так что предки барона разбогатели стремительно, собирая плату за проезд, а позже устроили за стенами ярмарку, построили доходные дома. Появилось войско, набранное из бывалых, прошедших не одну войну ветеранов. А как иначе, если каждый стремился такое доходное место?

Но выбить Тошильдеров не удалось. Даже наоборот, меньше чем за век они присоединили и соседние земли, где мечом, а где и деньгами. Больше земли, больше власти и влияния. Но потом вдруг сменилась правящая династия, и к власти пришли предки нынешнего императора. Теперь уже не известно, что именно произошло, но богатое семейство попало в немилость, и владения Тошильдеров знатно проредили. Причем, раздавались наделы людям, верным существующей власти, а некогда обширные баронские земли стали меньше, чем были вначале.

Вот так родилась вражда. Многих соседей удалось угрозами и уговорами заставить потесниться, но Магатты, пришедшие сюда издалека, уперлись и не хотели ничего обсуждать. Всем было известно, что род этот богат, что он владеет обширными землями на востоке, но пра-прадед Севера поставил точку в споре, в ответ на приграничный конфликт просто взяв Андерс в кольцо.

Осада продлилась четыре месяца. Ее прервало только прибытие императорских наблюдателей, которые изучили ситуацию и постановили, что Тошильдеры не могут притязать на территории соседей, как на данные верховной властью.

Тогда Йеран Магатт отвел войска. Но череда конфликтов только начиналась. Полтора века мелких и крупных ссор, слишком незначительных, чтобы рассматривать их, как серьезное нарушение. Пока к власти не пришел Ирвин Тошильдер. Нападки прекратились, барон большую часть времени проводил в походах, воюя на границах Браворотской империи, и казалось, что при нем старая вражда если и не забудется, то утихнет обязательно. Но этого не произошло. Вернувшись, сосед привел воинов, закаленных в настоящих боях, в то время, как у Магаттов и остальных соседей все еще оставалось ополчение из обученных крестьян с небольшим числом опытных бойцов.

Но в лоб барон действовать не стал. Вместо этого начались мелкие провокации, неотвечать на которые было нельзя. То люди Тошильдера уведут оказавшееся слишком близко к границе стадо, то сожгут готовое к жатве поле, то его охотников встретят бьющими дичь в глубине здешних лесов. Тогда эти земли уже унаследовал Север, человек горячий, а в молодости еще и вспыльчивый до безумства. Однажды он устал отвечать на мелкие пакости и просто снова осадил Андерс, в запале не заметив, что не встречает почти никакого сопротивления.

Коварство противника обнаружилось через две недели, когда на взмыленных от бешеной скачки конях примчались императорские наблюдатели. Оказалось, что едва Север начал стягивать людей к границе, Ирвин послал в столицу гонца с вестью, что Магатты развязали войну. И когда прибыли люди императора, ворота Андерса распахнулись, и

обученное войско отбросило осаждающих, а в тыл им ударила спрятанная до этого в лесах кавалерия. Уцелела горстка людей Магатта, в том числе и сам Север, которого приказали брать живым.

Дальше был суд, на котором все до единого соседи говорили, что виноват в случившемся Ирвин Тошильдер, что он интриган и провокатор, от которого нет покоя никому в округе. Но среди судей были сплошь друзья барона и его должники. Как он сумел это проверить, неизвестно, но факт остается фактом.

— Так что закончился процесс предсказуемо. — Велимир отпил вина, смачивая пересохшее от долгого рассказа горло. — Вы знали, мой друг, что раньше ваше имение насчитывало восемь деревень, а кроме Северного было еще одно село, больше и богаче? Изначально именно там находилось родовое гнездо Магаттов, сюда же Север перебрался десять лет назад, когда оно отошло Тошильдерам.

Я молчал, усваивая обрушившуюся на меня информацию о старой вражде. Которую я унаследовал, и которая будет длиться, пока сосед не отнимет все. Но если у Севера есть восточные земли, у меня, кроме этого, как оказалось, огрызка, нет ничего. И, как я понял, нападки Тошильдера только усилятся после моего появления.

— Я уже понял, что с бароном стоит держать ухо востро. — Я посмотрел на соседа поверх бокала. — Вопрос в том, стоит ли рассматривать случившееся, как провокацию с его стороны.

— А я вам о чем тут рассказывал, молодой человек? — Велимир откинулся на спинку стула, удивленно вскинул брови. — Он дождался бы, пока запылают все деревни, а мятежники во главе с Аланом возьмут Северное, а потом задушил бы восстание, забрав остатки владений Магаттов... ваши земли, как лишенные законной власти! И ваш друг догадывался, что что-то затевается, пусть и не знал точно, когда.

— Но если, как вы утверждаете, Север догадывался, почему не начал решать вопрос заранее? Вздернуть Алана, как подстрекателя, и проблема решена!

Бокал со стуком опустился на стол, вино выплеснулось на скатерть, оставив багровое пятно. Чертов Север! Так подставить! С другой стороны, а что я о нем знаю? Может быть, это как раз в его стиле: пихнуть человека в гущу событий и посмотреть, что из этого выйдет? Но Велимир ответил, помотав головой:

— Тут все не так просто. Север ничего не мог сделать Алану, потому что тот — бастард прежнего Тошильдера, брат Ирвина по отцу. У нас не особо принято об этом распространяться, история вышла не самая приятная. По крайней мере, сам он никогда ни о чем подобном не упоминал, так что простые люди не знают. Как и о том, что Ирвин остался единственным наследником, братом дорожил и собирался поставить здесь управленцем. А теперь брат мертв.

У меня все замерло внутри. Ну почему, почему Север ничего мне не рассказал?!

Мы еще побеседовали о чем-то малозначительном, затем раскланялись, и сосед отправился к себе. Я махнул вслед удаляющемуся Велимиру и вернулся в дом. Черт, черт, черт! Ну почему у меня не может все идти спокойно?! Затеряться в толпе, спокойно делать свое дело, приближаясь к цели без рывков, но зато и без особых проблем!

Вернулся в кабинет, но работа встала. Никак не удавалось сосредоточиться, взгляд уползал со строк, а перед внутренним взором вставали картины, одна другой хуже. Ввязаться в конфликт с соседом — далеко не то же самое, что выгнать из деревни разбойников или разобраться с мятежом. Пару раз в двери заглядывали служанки, перешептываясь и хихикая, но стоило рыкнуть как следует, и их унесло в сторону кухни, в той стороне возмущенно грохнула дверь.

Север приехал только к вечеру. Я сидел, опустив голову на ладони, уже даже не стараясь делать вид, что занят работой, когда за воротами раздался пронзительный разбойничий свист. Почти тут же загрохотали засовы, скрипнули, раскрываясь, створки. По камням двора загрохотали подковами кони. Слуга доложил, что прибыл барон Магатт с друзьями. К тому моменту, как я спустился, в каминном зале уже звучали громкие голоса, скрипели отодвигаемые стулья. Меня слегка задела такая бесцеремонность, но я но тут же пропала: не чужие вроде бы люди. Тем более, явно примчались с Севером, едва получив мое сообщение.

В зале располагались четверо. Север возился у камина, там уже разгоралось, затрещали щепки, у стола гремели латами остальные. Ближе всего к огню ссутулился Озомат, на его длинном унылом лице застыло равнодушное выражение. Фарук и Эббет побросали мечи на стол. Первый принялся с неудовольствием выбивать пыль из рукавов щегольского дублета, надетого под кирасу, второй огляделся, закричал, вызывая прислугу. Когда я вошел, он тут же переключился на меня, заговорил с жаром, яростно жестикулируя:

— Барон, во что вы уже успели ввязаться? И почему не сообщили сразу? За вами должок!

— Тебе лишь бы драться! — Озомат недовольно поморщился.

— Мир жесток! — воскликнул Эббет, всплеснув руками. Их оборвал Север. Поднявшись, он посмотрел на меня, виновато кашлянув.

— Спокойно, господа бароны! Для начала мне нужно объясниться с сэром Томасом...

— Да уж не помешало бы! — я кивнул. — Хотелось бы знать обо всемзаранее, а не бегать в мыле, разгребая чужие проблемы!

— Моя вина. — Север опустил глаза. — Я думал, у нас есть чуть больше времени, чтобы... А, ладно! Все неважно с того момента, как брат Тошильдера повис в петле.

Он тяжело опустился на высокий стул, положив на столешницу сжатые кулаки. Пользуясь моментом, в зал проскользнули служанки, начали быстро сервировать стол к ужину. Я не спускал с Севера тяжелого взгляда.

— Не важно? Я только чудом успел задавить мятеж! При том, что в Болотной оказались лояльные люди! Мне удалось не потерять никого из тех, с кем я бросился разгребать за тобой, но что насчет головы Выселок? Насчет убитых в Сосновке?

Север недовольно поджал губы, мотнул головой:

— Сочтемся, новых пришлю, когда разберемся с соседом! Ты уже знаешь, из-за чего все?

Я удивленно захлопал глазами: он даже не понял, что я имел в виду! Но быстро напомнил себе, что тут жизнь ничегоне стоит. Кивнув, ответил на вопрос:

— Да, сегодня ко мне заезжал барон Нордтео. Но я считаю, что должен был услышать обо всем от тебя.

Над столом повисло тяжелое молчание. Север раздраженно пыхтел, скорее всего, не привык оправдываться, тем более — чувствовать себя виноватым. Фарук усиленно делал вид, что поправляет выбившуюся нитку на манжете. Эббет изобразил, что его страшно заинтересовали развешанные по стенам трофеи. Озомат потянулся к кувшину, стоящему среди блюд с остывающим мясом, разлил по стаканам.

— Вы не один сейчас в таком положении, мой друг. Благородный Север и нас поставил в известность только когда прибыл посыльный с вестями от вас. Мы ехалитак быстро, как только смогли, и конец истории слушали уже в седлах. У нас даже не было времени, чтобы собрать остальных, Залтан увел Айвана и Кристофера утром. Мы оставили им записку, чтобы сразу, как вернутся, мчались сюда, они тоже не в курсе происходящего.

Он развел руками, откидываясь на неудобную спинку. Север пробурчал с недовольством:

— Благородный барон сам решает свои проблемы!

— Но не когда сосед ужешарит по твоим карманам! — громко сообщил Эббет. — И хуже всего, что ты продал земли с темной историей не кому-нибудь! Это твой, а теперь отчасти и наш соратник, но ты решил его подставить. Не зная тебя много лет, решил бы, что вместо благородного барона передо мной сидит человек с гнилой душой!

Фарук и Озомат промолчали, но переглянулись с таким видом, что Север потемнел еще больше.

— И в мыслях ничего такого не было! — сказал он. — Сказано же: думал, есть еще время, а там уж как-то разберемся...

— Ты хотел сказать: само рассосется? — мрачно сказал Фарук, оставив, наконец, в покое рукав. Север зарычал возмущенно, но тот продолжил, не обратив на это внимания: — И что дальше? Я с тобой познакомился позже, чем остальные, мне теперь тоже ждать удара в спину?

Север вскочил из-за стола, с грохотом уронив стул, лицо жарко горело от стыда. Эббет смотрел на него, выпятив подбородок.

— Успокоились оба! — заорал я, ударив кулаком по столу так, что звякнули нетронутые блюда, а кувшин едва не завалился набок. Когда все повернулись в мою сторону, продолжил спокойнее: — Нам нужно в первую очередь решать как мне выбираться из ситуации.

— Да что тут решать? — пробубнил Север. Он поднимал стул, старательно отводя взгляд. — Денег ты еще не давал, так что считай, земли мои, так что ты и ни при чем, получается.

— Не получается, — я помотал головой. — Алана вздернул я лично, на территорию Тошильдера вторгся с вооруженными людьми, так что теперь это и моя война.

Все согласно закивали. Я показал удаль, малыми силами задавив мятеж, буквально взял эти земли, когда на их не было власти, пусть и формально. И получил я все эти проблемы из-за того, что Север втянул язык в... И вот, кстати, прояснить бы еще вот такой вопрос:

— И где войско, что должно быть тут на такой случай?

— Нету. — Север помялся, словно что-то взвешивая, потом объяснил: — У нас с Тошильдером был договор: я увожу людей, а он придерживает Алана, чтобы тот не мутил

воду.

Над столом повисла звенящая тишина. Север опустил голову, глядя на всех исподлобья, словно защищаясь, продолжил:

— Все было оговорено при свидетелях! Я... ну что мне оставалось делать? Он мне все руки выкрутил!

— Ты понимаешь, что сам, вот этими руками, отдал эти земли? — спросил Озomat, глядя на друга со странным сожалением. — Хоть сам кричал на каждом углу, что этого никогда не случится, пока жив хоть один Магатт?

— А потом все же продал, — проворчал Фарук негромко.

— Продал! Не потерял! — парировал Эббет. — И не кому-то, а сэру Томасу!

— Ну, что скажешь? — спросил Озomat, не дождавшись ответа.

Север сопел, лицо налилось дурной кровью, но он вдруг как-то осел, уменьшился в размерах. Зазвучал его тихий голос:

— Это все верно, я поступил, как последний дурак. Но я все равно потерял бы Северное, рано или поздно Ирвин способ нашел бы! И силой его было не взять, после того суда мне вообще ничего нельзя! Я и теперь ничего против него не могу!

— А вот тут ты не прав, — не согласился с ним Озomat. Он потер подбородок, переводя невыразительный взгляд с меня на опустившего голову барона. — Это не твои земли, а сэра Томаса. И все судебные обязательства теперь не имеют силы.

Все подняли взгляд на сутулую фигуру за столом. У меня в груди шевельнулась надежда, Север тоже приободрился. Озomat поймал наши вопросительные взгляды, качнул головой:

— Если он попробует сунуться на вашу территорию, сэр Томас, вы можете обвинить Тошильдера в нападении и объявить войну.

Эббет с Фаруком возбужденно загалдели, им вторил Север. После объяснений друга он оживился, но Озomat повысил голос, продолжая:

— Тем более, что повод для вторжения у него теперь имеется: мало кому понравится, когда вешают его брата.

— Ничего, и этого тоже вздернем! — кровожадно вскричал Эббет, вскидывая кулак.

Я молчал. Предложенный Озomatom выход из ситуации годился для Севера, но никак не для меня, о чем я и сообщил остальным.

— Благородные бароны упускают, что ваш дорогой друг своими руками избавился от войска, в то время, как бойцы Тошильдера не только многочисленны, но и превосходно обучены.

— Я не избавился от них, а отправил в восточные земли, — сказал Север. Я отмахнулся:

— Этоничегоне меняет. Когда сосед перейдет границу, мне останется только вызвать его на бой.

— Мы можем помочь, — развел руками Эббет. — Я дам сотню, даже две.

— Я тоже, только моим дольше придется добираться, — согласился Фарук.

Озomat также подтвердил, что поддержит меня. Север, хоть и храбрился, выглядел подавленным. Он пообещал привести всех, кого сможет. Они погрузились в планирование, откуда-то на столе появилась довольно точная карта, сдвинув окончательно остывшие блюда, все склонились над ней, водили пальцами. Наконец, Озomat откинулся на спинку стула, и сказал:

— Все получится. Если, конечно, Тошильдер отложит нападение на пару недель, а это самое трудное.

— Вы хотели сказать — невозможное? — спросил я. — Или у вас есть что-то такое, что заставит его на время забыть, кто расправился с бастардом Аланом?

— У меня есть соображения по этому поводу, — кивнул Озомат с самым серьезным видом. — Не две недели, но дней десять у нас будет.

Он порывисто поднялся, звякнуло железо доспеха, который не делал его фигуру более внушительной, скорее, наоборот, показывал, насколько он худ.

— Я отправляюсь обратно в город, оттуда разошлю гонцов и дождусь возвращения остальных. Вам, — он указал на Севера, Эббета и Фарука, — придется остаться тут с Томасом. К своим воинам гонцов отправите сами.

Мы проводили Озомата до ворот. Он забрался на свою спокойную лошадь, махнул рукой:

— Вернусь с остальными, держитесь!

Когда за ним закрылись створки, мы вернулись в дом. Настроение было гадостное. Ощущение нависшей беды вытягивало силы. Мы снова разместились за столом в каминном зале, где слуги уже убрались и теперь сноватаскали горячее. Север попытался заговорить со мной, но я отказался, постаравшись, чтобы это не выглядело грубым. Сейчас не до этого, терпеть пустой треп только для того, чтобы бароноблегчил душу, я не собирался.

Вдруг в голове что-то щелкнуло. То же самое ощущение присутствия, что накатило в лесу, когда-то мне вышла ведьма! Голоса я не слышал, но появилось желание выйти из-за стола. Извинившись перед баронами, поднялся и пошел к выходу. На дворе никого не было, ноги уже привычно отсчитали три ступени, понесли по каменным плитам в сторону ворот. Остановиться удалось не сразу, но я с удовлетворением отметил, что ментальный нажим ослаб. И тот час в голове появилась чужая мысль, четкая и понятная: ограда кладбища, стены церкви, тяжелые двери, которые, как я откуда-то знал, не заперты. Ментальное давление снова увеличилось, меня повлекло вперед.

— Да подожди ты! — ругнулся я вполголоса. — Сейчас приду!

Отперев калитку, вышел за стену. Долгий день заканчивался, но красные закатные сумерки еще долго будут освещать все вокруг. Добравшись до церкви, я оглянулся, всматриваясь в окна домов, а особенно в темноту дворов. Сердце колотилось, как бешеное. Дверь открылась легко и без скрипа: Евхаристий успел смазать перед побегом.

Внутри было темно, как в могиле. Закатные лучи, проникающие через загнанные под самую крышу окна, только сгущали тьму внизу. Я постоял, прижавшись спиной к двери, пока глаза не привыкли к мраку. В глубине проступили очертания алтаря, слабо блестело огромное, во всю стену, солнце. И здесь, в зале, был кто-то еще.

Я почувствовал движение, а мгновением позже меня коснулось слабое электрическое поле. По телу прокатилась слабая волна, зрение прояснилось. Ко мне в вихре силовых линий двигалась ведьма, длинный плащ опускался до самого пола, так что казалось, что она парит, не касаясь грубых досок.

— Обязательно было появляться тут? — спросил я грубо. — Если нас увидят...

— Не увидят, — ответила она холодно. — Они спят, и твои друзья тоже, можешь не бояться.

Она усмехнулась. Я сказал все с тем же неудовольствием, стараясь не показать, что ее слова меня успокоили:

— И они теперь валяются, кого где застал сон? Отлично. Вопросов, конечно же, не возникнет!

— Я все сделала аккуратно, у людей быламинута, чтобы добраться до постелей. Не тебе критиковать мои методы!

Ее огромные голубые глаза сверкнули, ведьма нахмурилась, и я отчетливо почувствовал возмущения в электрическом поле. Выставив руки, сказал примирительно:

— Раз так, хорошо. Теперь рассказывай, что тебе нужно.

— Что мне может понадобиться от тебя? — усмехнулась она. — Тут скорее тебе от нас требуется помощь. Я имею в виду того барона, твоего соседа. Тошильдера.

— Ого. Вам уже все известно? Хотя, о чем я, конечно же, ты в курсе. — Я оперся спиной о стену, сложил руки на груди. — Помощь нужна, это ты правильно заметила. Только я не вижу, как именно это сделать. Оружие? Или, может, просто взорвать его замок?

Я замолчал, вопросительно глядя на ведьму. Та покачала головой:

— Последнее отпадает сразу.

— Да, люди начнут задавать вопросы, — кивнул я. — Очень подозрительно, когда человека, которому я угодил в личные враги, убивает магия.

— Не только, хоть и это тоже. Никто не должен знать, что мы можем такое. Можем до сих пор. Пусть лучше и дальше все будут уверены, что всянаша сила в пределах наших территорий. Меня ведь и тут быть не должно, по поверьям, ведьма не может войти в храм.

Она пошла-полетела вдоль стен, касаясь светильников кончиками пальцев. Я ожидал, что там начнут загораться свечи, но ничего не произошло. Ведьма добралась до огромного медного диска, провела ладонью по его поверхности, обернулась, словно хотела увидеть мою реакцию.

— Тогда оружие? — спросил я, пожав плечами. — Мне бы сейчас пригодилось что-то дальнобойное.

— И этого тоже не получится.

— Но что тогда? — спросил я недовольно, повышая голос. — Мудрый совет? Что-то наподобие: «мы с тобой!», и хлопок по плечу?

— Твой комбинезон, который разодрал медведь. В нем поврежден аккумулятор и наверняка многое выведено из строя. Принеси его, имы подумаем, что можно сделать.

Я замолчал. Защитный комбинезон, создающий вокруг тела индукционное поле и питающий электричеством системы организма, вещь крайне полезная. И если его не выбросили, то многие проблемы можно будет перевести из разряда «чудовищно сложные» в «просто сложные».

— Договорились. Тогда встречаемся... — я обвел руками просторный церковный зал, — Здесь? Когда?

— Отправляемся сейчас. Я все устрою.

— То есть? У вас тут есть...

Договорить я не успел. Снаружи раздался свист, грохот, сначала едва различимый, но быстро усиливающийся, ведьма быстрым шагом вышла из церкви, я выскочил следом. На крошечную площадку опускался челнок. Старый, с боками в черных разводах, гремящей, кое-где отвалившейся обшивкой, но это была именно посадочная капсула. Я смотрел с широко распахнутым ртом, когда ведьма подошла к выдвинувшемуся пандусу, махнула рукой:

— Давай быстрее!

— Но это же...

— Вопросы потом! Быстро внутрь!

Я взбежал по трапу, ведьма поднялась следом. Челнок был больше того, в котором западална планету. В просторной кабине когда-то грузового аппарата теперь не было ничего, кроме одинокого кресла в дальнем конце и ряда окружающих его экранов. Женщина заняла место пилота. Снова раздался рев, звон и грохот едва держащихся листов обшивки. Я поднял голову и увидел в щелях между пластинами отсветы догорающего заката и тусклые звезды. Сознания коснулся запрос на связь, мне не без удивления удалось вызвать перед собой системный экран. Я вызвал параметры аппарата, одновременно принимая вызов.

— «Будем на месте через час. У тебя есть какие-то мысли по поводу того, где может быть комбинезон?»

Я помотал головой, потом опомнился и ответил:

— «Ни малейших. Его могли выбросить, попробовать сжечь, вариантов много. Но давай примем, что он еще цел.»

Ведьма промолчала. Стоя за ее плечом и стараясь удержаться на ногах от рывков и толчков челнока, я изучал его характеристики. За прошедшие с момента пуска в строй века аппарат выработал свой ресурс не меньше двух десятков раз. Судя по кривым на графике, химические двигатели работали на износ, давились неочищенным топливом и постоянно норовили потерять общую синхронизацию. Что такое герметичность, капсула забыла давно, мои волосы трепал врывающийся сквозь дыры в корпусе ледяной ветер. Мы шли достаточно медленно и невысоко, иначе вся эта груда металла рисковала рассыпаться прямо в воздухе. Системы дальней связи не работали, оставив только узкий канал для внутрикорабельных переговоров. И вот это расстроило меня всерьез. Появившаяся было надежда насвязь с «Байонетом» рухнула, оставив такой тяжелый осадок, что я невольно застонал.

— «Чего воешь?» — раздался в голове голос ведьмы. Я едва удержался на ногах после очередного скачка, ответил:

— «Радио. Думал, получится связаться с кораблем, он на центральной луне и постоянно сканирует эфир.»

— «Здесь только внутренняя связь», — подтвердила она то, что я узнал и без нее. — «Сигнал все рано не уйдет за пределы атмосферы.»

— «Почему? Такие аппараты снабжаются... снабжались техникой, которая может докричаться до кого угодно!»

— «Вся исходящая связь на планете глушится, это началось еще до того, как мир начал разваливаться на части.»

Ох, как интересно! «Байонет» ловил сигналы из этой системы, на них и навелся. Но для

чего нужно было отрезать связь? Я озвучил последний вопрос, и ведьма ответила без промедления:

— «Чтобы не прилетали вот такие, как ты.» — На секунду оторвавшись от экранов, она повернулась ко мне, уголками губ изобразив улыбку: — «Шучу, конечно. Но сам разве не понимаешь? По галактике только и крику было, что о Разрушителях. Замолкают человеческие системы, Альянс отступает. А современным лагом в двести лет... Мы замолчали, едва поняли, что Разрушители побеждают, ты поймал последние сообщения, считай, повезло. С тех пор только слушаем.»

Что ж, логично и совершенно правильно. Закрыться, выставив наружу только уши, и ждать, чем все закончится.

— «И кто принял решение?»

— Не знаю, но явно люди неглупые. И наверняка уже мертвые. Из тех, с кем поддерживаю связь, все занимаются только исполнением. Держись, начинаю спуск!»

Держаться действительно пришлось. Челнок бросало, как щепку в водовороте, двигатели тряслись в лихорадке, грохот стоял такой, что точно перебудил всех в округе. Наконец, снизу ударило, пол выскочил из-под ног. Я обнаружил себя лежащим на полу, с трудом поднялся, чувствуя, как суетятся в крови микроботы. Пандус со скрипом откинулся, впуская запахи хвойного леса, жженой травы и несгоревшего топлива. Ведьма остановила меня у выхода и протянула потрепанный рюкзак.

— Смотри, до села, куда тебя приволокли в тот раз, по прямой километров пятнадцать. Бегом, с допуском на непредвиденные обстоятельства, у тебя уйдет двачаса, столько же обратно. Плюс полет, и остается часов пять на поиски. Постарайся уложиться, потому что через девять с половиной часов я улечу: нельзя, чтобы его тут увидели.

Она похлопала по кривой обшивке, та отозвалась визгливым стоном. Я кивнул и бегом спустился с пандуса. Конечно, было бы проще, вырубив ведьма жителей и здесь, но тогда пришлось бы искать комбинезон без чьей-либо помощи. Так что я пробежусь, тем более, микроботы не только подлатали меня, но и добавили сил.

В рюкзаке нашлись фонарь, компас, стрелка которого указывала не на север, а к цели, фляга с водой и простой защитный комбинезон из плотного материала. Надев комбинезон поверх камзола и кожаных штанов, я нацепил фонарь на голову, поправил эластичные крепления и закинул рюкзак за спину. Коротко кивнув ведьме, вошел в лес. Луч света выхватывал низкие ветки, паутину между стволов, при виде которой я непроизвольно передернул плечами. В небе еще горели багровым облака, но внизу стало совсем темно.

Побежал, то и дело сбиваясь на быстрый шаг. Фонарь светил ярко, но дальше, там, куда указывала стрелка, тьма сгущалась. Ноги путались в сухих ветвях, сверху сыпалась хвоя и лесной мусор, пару раз я влетел в ямы, заполненные теплой водой, в которых что-то шевелилось, выскакивал, как ошпаренный, несясь дальше.

Вскоре тело вошло в ритм, пригибалось, прыгало, останавливалось, когда это требовалось. Наконец, удалось подумать о чем-то еще. В селе я окажусь почти ночью, что осложняет поиски. Нет, я уверен, что нужных людей разбужу быстро, но не вызовет ли мое позднее появление ненужных вопросов? Думаю, возвращение человека, отправленного священнослужителем, чей ранг мне так и не известен, в город для разъяснений и пропавшего, вызовет некоторый нездоровый интерес. Хотя бы со стороны Араты.

И как поступить? Можно сослаться на то, что я — самый что ни на есть сэр Томас Ромм, потерявший память, а теперь вспомнивший все. Но как объяснить появление сэра

Томаса в лесу далеко от тех мест, где он должен был находиться? Нет, все-таки ведьме следовало усыпить всех в деревне, так было бы проще!

Время на экране компаса ползло чудовищно медленно. Расстояние сокращалось нехотя, но все же сокращалось. Когда впереди в просветах между деревьями показались остатки багрового закатного свечения, я замедлился, выключил фонарь и пошел осторожнее. На опушке остановился, решая, как двигаться дальше. Комбинезон защищает от животных, скрывая мой запах и подменяя его на нейтральный, так что я смогу пробраться в село, не перебудив всех собак. Если, конечно, буду достаточно тихим. Но как показаться в таком виде людям? Решение пришло быстро. Я обошел поле, постоянно сверяясь с таймером: у меня даже оставался небольшой запас времени. Выбравшись к центральной дороге, ведущей к воротам в частокоте, быстро запихнул снаряжение в рюкзак, а сам рюкзак спрятал на обочине. В темноте не заметят, а до утра я уберусь отсюда.

Отряхнувшись и придав себе озабоченный вид, пошел к воротам. В такой час они заперты, но на посту всегда кто-то стоял. Вот и сейчас я услышал, как переговаривались двое. Мужчины сидели на толстом бревне на обочине, копыа сложены рядом, горит яркий костер, освещающий и ворота, и дорогу на пару десятков шагов от поста. Они не сразу заметили мое появление, занятые разговором. Только когда нас разделяло не больше пяти метров, один из них вскинулся, хватая копыа:

— Кого там бесы несут?! — закричал он грозно. — А ну, вертай назад!

— Как ты разговариваешь бароном, червь?! — зарычал я, не останавливаясь. — Запорю на конюшне!

Теперь вскочил и второй, руки у обоих тряслись так, что едва удерживали копыа. Я представил, какие мысли неслись сейчас в головах стражников: по голосу и манерам — барон. Но идет пешком, а какой барон обойдется без коня? Да еще и явится ночью?

— Если ты барон, то какого лешего пешком? Благородные ни в жизнь своими двумя не пойдут!

— А если его ограбили? Сидите тут, а в округе лихие люди бродят! Натя, полюбуйтесь! — я подошел еще ближе, давая рассмотреть себя, отсутствие оружия и брони. — Ну? Убедились?

— Извиняйте, барон, не признали... Пешком-то... — сказал тот, что был постарше. Второй поспешно исчез за калиткой, раздались удаляющийся топот. Мы замерли в молчании. Я стоял, гордо скрестив руки на груди, так выгляжу внушительнее, оставшийся у ворот стражник нервно теребил копыа и с испугом косился в мою сторону.

Наконец, из-за частокота раздались громкие голоса. Я узнал недовольный бас Араты:

— Какой к бесам барон ночью?! Нужно было гнать взашей, а не понял бы — копыа в бок...

Он появился в свете костра, такой же массивный, с гордо вскинутой головой. Увидев меня, осекся, пристально всматриваясь в мое лицо. Я улыбнулся холодно и надменно:

— Благородный Арата, вот как у вас встречают высоких гостей? Которых к тому же ограбили и едва не убили?

— Ты?! — выдохнул он, узнавая меня. Я кивнул:

— Перед тобой сэр Томас Ромм, барон Яргородский. Бывал тут у вас недавно, и от этого посещения у меня остались самые неприятные воспоминания.

Арата едва успел отойти с дороги, когда я попер вперед, не замечая, кто это там у меня под ногами. Пинком распахнув калитку, шагнул в темноту по ту сторону. Провожаемый

удивленными взглядами, вдруг сообразил, что не найду, куда идти дальше, но тут стражник, бегавший за старшим гарнизона, двинулся за мной, держа факел.

— Извиняйте, господин, сильно удивились мы, — забормотал он торопливо. — Не ходят благородные по ночам... не ходили, вот мы и того.

— На первый раз прощаю, — ответил я благосклонно. — Но больше такого не потерплю!

Стражник начал мелко кланяться, едва не ткнув факелом мне в лицо. Появившийся из калитки Арата прикрикнул на неумеху, потом обратился ко мне, все еще с сомнением в голосе:

— Но тебя... вас, благородный барон, увезли служители церкви. Если я ничего не путаю.

— Не увезли, а сопроводили. Это немного другое. И там, под присмотром и с помощью, я наконец вспомнил, кто я и как оказался в этих лесах.

— И как же, если не секрет?

А вот такого барон точно не позволит. Окотив Арату презрением, я проигнорировал вопрос.

— Мне нужно увидеться со старостой. Пока я был в беспамятстве, у меня пропала одна очень важная вещь.

Долгую секунду Арата сверлил меня взглядом, но уже не таким острым. Надеюсь, командный голос и поведение заставили его поверить. Сделав приглашающий жест, он двинулся впереди. Стражник с факелом семенил следом, едва не наступая на пятки. До дома старосты добрались быстро. Там уже проснулись, в окнах загорался тусклый свет, раздавались громкие голоса. В темноте засвистел ворот колодца: не иначе какой-то дурень решил, что начался пожар. Сам староста выскочил на крыльцо, опухший со сна, едва успев натянуть рубаху и штаны. Увидев меня, удивленно распахнул рот.

— Петр? Что здесь происходит, Арата?

— Не Петр, а... Ладно, пройденный этап. Перед тобой сэр Томас Ромм, — повторил я уже для старосты. — Ограбили по дороге. Плохо охраняете!

Последнее предназначалось уже Арате. Тот запыхтел раздраженно, но постарался сделать это незаметно. Я же снова обратился к старосте:

— Я благосклонно принимаю твое приглашение войти. Такого ужаса натерпелся, пока добирался! Волчий край...

Хозяин дома посторонился торопливо, я вошел и сразу же направился в горницу. Там уселся за столом, жестом указав старосте ивоинуприсоединиться. Они опустили на лавку, один смотрел с возрастающим ужасом, второй мрачнел на глазах, наверное, вспоминал, как вел себя. Дождавшись, пока одна из дочерей старосты принесет вина, я отпил, поморщившись — кислятина! — и начал разговор о том, зачем, собственно, прибыл.

— Пропала одна важная вещь, и мне очень хотелось бы ее вернуть.

Отпив еще раз и догадавшись, что вино не стало лучше, я отставил стакан. Староста и начальник гарнизона непонимающе переглянулись.

— Так не было при вас ничего такого, господин, — неуверенно пожал плечами староста. — Иобряжены вы были в рванину, так что не мы это!

Значит, мешок еще не нашли. Да он и не нужен, собственно. Главное сейчас — комбинезон.

— Я ни в чем вас не обвиняю. Пока. — Последнее я сказал с нажимом. — Эта рванина

ничего не стоит, если ее продавать, но для меня значит много. Это фамильная реликвия. Так что вспоминайте, куда ее дели!

Наклонившись над столом, я переводил тяжелый взгляд с одного на другого. Арата снова едва заметно поморщился, то ли все еще подозревает меня, то ли от того, что благородный человек интересуется какими-то гнилыми тряпками. Значит, не в курсе, какие они были гнилые. Перевел взгляд на старосту, тот, судя по лицу, старательно вспоминал. Правильно, вспоминай! Времени у меня еще хватает, но лучше пусть останется лишнее. Наконец, староста пробормотал неуверенно:

— Кузнецу отдавали, вроде как... Там какие-то нити были железные, что-ли...

— Лучше, чтобы он ничего не успел с ним сделать! — сказал я с угрозой, поднимаясь. — Запорою на конюшне! Обоих!

Резко поднявшись, вышел из дома. Передо мной суетился староста, кланялся, оправдываясь. Я знал, что расплавить комбинезон получится как минимум еще лет пятьсот. Но кузнец мог, постаравшись, сжечь тканевую основу, и тогда комбинезон превратится в бесполезную сеть проводов. Арата стремительным шагом обогнал нас, скрылся в темноте. К тому времени, как мы дошли до кузницы, там уже метались тени, сонный кузнец рылся в куче хлама в углу, ему помогали братья-подмастерья.

В толпе бесцельно толкающихся людей вокруг я с удивлением обнаружил Беату. Формы девушки заметно округлились. Когда мы встретились глазами, она поспешно склонила голову, поспешно подошла к одному из братьев, что-то спросила. Когда тот ответил, до меня донеслись раздраженные нотки, но лекарка не слушала. Поймав снова ее взгляд, я понял, что она хотела сказать, кивнул, принимая.

Голоса в кузнице стали громче, металлически звякнуло, и кузнец вышел, сунув отбитый палец в рот. В другой руке я с бешено бьющимся сердцем увидел грязный кусок ткани. Он подошел к нам со старостой, протянул мне рваный комбинезон. Староста что-то торопливо принялся мне объяснять, но я смотрел не на него. Один из братьев-подмастерьев — Айван? Илай? — обняв за плечи, уводил Беату. Та не оборачивалась в мою сторону, слушая мужа, на лице светилась мягкая улыбка.

Получив то, за чем прибыл, я никак не мог решить, как выбираться отсюда. Наконец, просто потребовал коня и, когда того привели, вскочил в седло. Мешок с комбинезоном болтался, привязанный к седлу, я хлопнул себя по лбу, словно только сейчас вспомнил, ткнул пальцем в Арату:

— Совсем забыл! Одолжите меч, раз уж вашим попустительством я лишился своего.

Тот мгновение колебался, потом начал стягивать перевязь. Я принял, поблагодарил легким кивком. Когда передо мной распахнулись ворота, повернулся в седле, махнув на прощание, и пустил коня рысцей по дороге.

Когда тьма надежно скрыла меня, я еще долго ехал, ожидая услышать топот копыт погони. Наконец, спустя полчаса, сумел расслабить сведенные напряжением мышцы. Судя по отпечатавшейся в памяти карте, я сумею добраться почти до самого челнока, просто двигаясь по дороге. Это займет в два раза больше времени, но ведь у меня есть запас. Нужно только забрать мешок с фонарем.

Выбрался. Получилось. До конца не верилось, что все позади. Испытал ли я облегчение? Определенно. И не только по поводу найденного комбинезона.

В окрестностях Северного оказались задолго до рассвета. Коня пришлось взять с собой, животное упиралось, но его удалось затащить на борт, где ведьма поместила копытное в стазис-поле, а после отправила в сон. Опустились все так же в лесу, я вывел сонно трясущего головой коня за пределы выжженного пята. Вернувшись, протянул ведьме мешок. Та вытащила комбинезон, удивленно хмыкнула:

— И как ты только сумел выжить...

Ведьма подняла его, показывая на просвет изодранную переднюю часть, рукава в дырах, огромную оплавленную по краям дыру на спине. Мне осталось только пожать плечами:

— Чудом. Что-то с этим удастся сделать?

— Определенно. — Ведьма внимательно изучала комбинезон, держа его на вытянутых руках. — Нити проводников почти не повреждены, так что восстановим изоляцию, поставим батарею... Да, должно получиться.

— И когда он будет готов?

— Сегодня к вечеру, я думаю, — она задумалась, нахмурившись. — Только не жди чуда! Мы тут немного поиздержались.

Мы попрощались, и я вышел из челнока. Когда пандус уже начал подниматься, я вдруг вспомнил, что не давало мне покоя, и крикнул:

— А то выжженное пятно на площади, как мне его объяснить?

— Нет уже никакого пятна, успокойся, — крикнула в ответ ведьма, и нас разделила створка пандуса.

Ее ответ меня озадачил. Кто-то прибрался, пока мы летали? Ну, а почему нет? После случившегося на охоте и появления полумертвого, но еще рабочего челнока, кажется, удивить меня мало что сможет. Я потрепал по шее все еще до конца не проснувшегося коня, забрался в седло. Направление было известно, так что не заблужусь.

Из леса выбрались быстро, помог фонарь, который я оставил себе. Когда отъезжал от поляны, сумел рассмотреть муравьев, плотным ковром закрывших землю идвигающихся к месту посадки. Восхитившись простоте решения, едва не присвистнул: действительно, к утру поляна будет ободрана так, что без приборов факта посадки не обнаружить.

Вскоре выбрались на дорогу, и я убрал фонарь. Двигались не торопясь, и еще через час оказались у запертых ворот. Перебравшись через частокол, я завел коня внутрь и снова запер ворота. В окнах домов было темно, кто-то успел погасить огонь, где-то лучины просто прогорели, к счастью, не устроив пожара. На площади, к моему удивлению, на самом деле не оказалось никаких следов недавних приземления и взлета. Я даже вытащил фонарь и, опустившись на колени, посветил на утопанную землю. Пыль была вспахана множеством крошечных ног, не удивлюсь, если грунт здесь опустился на пару-тройку сантиметров. Что ж, зато эффективно.

Пристроив коня в конюшне, направился в дом. Стараясь не шуметь, заглянул в каминный зал и обнаружил благородных баронов спящими прямо за столами. Север развалился на стуле, уронив голову на грудь, руки безвольно повисли. Можно было решить, что он умер, если бы не высоко поднимающаяся грудь. Эббет замер напротив, опустив лицо на блюдо с давно остывшим оленьим боком. Только Фарук обнаружился в кресле у камина, дрова в котором давно прогорели и успели покрыться тонким слоем пепла. Вытянув ноги, он

откинулся на высокую спинку и за ночь сполз так, что едва не оказался на ковре.

И что теперь? Я встал посреди зала, задумавшись, как поступить, но тут Север издал долгий тоскливый вой. Времени не оставалось, я успел рухнуть на стул, постаравшись сделать это бесшумно, и откинуть голову на спинку, когда барон закашлялся, зевнул снова, едва не порвав рот. Север завозился, удивленно хмыкнул, было слышно, как он расталкивает Эббета.

— Эй, просыпайся, ворона! — голос барона был хриплым и незнакомым, каким становился всегда на утро после гулянок. — Не пристало благородным баронам... Эй!

Раздался звонкий шлепок, недовольный вскрик, ругань. Я всхрапнул, изображая пробуждение, поморщился, растирая шею. Мутным взглядом скользнув по едва продравшим глаза баронам, спросил:

— Господа, кажется, вчера мы выпили лишнего!

— Наверное, вино в ваших подвалах испортилось, сэра Томас, — донесся недовольный голос Фарука от камина. — Не припомню, когда в последний раз со мной такое случилось!

— Может, и испортилось, — согласился я, но тут же напомнил: — Только не мое, а благородного барона Магатта! Там, внизу, все еще его запасы.

— Сегодня же пошлю за новым, — сказал Север, поморщившись, потом заорал в сторону кухни: — Эй, черепахи! Дадут благородным баронам в этом доме чего-нибудь выпить?

— Зачем? Они ведь притащат то же самое пойло, что подавали вчера! — заметил подошедший к столу Фарук. Вид у него был самый жалкий, волосы на затылке слежались и теперь торчали, помятый камзол сбился, и барон старательно расправлял складки. — Теперь я сочувствую сэру Томасу еще больше: ладно враг, дело привычное, но испорченное вино!

В каминный зал вбежали служанки, помятые, с красными со сна глазами. На счастье, никто не обратил на них внимания, пока они собирали со стола, чистили, протирали мокрыми тряпками, так что, в общем-то, все обошлось, подозрений ни у кого не возникло. Я поднялся к себе, с удовольствием умылся и переоделся. Позади остались бессонные сутки, а они здесь в полтора раза дольше стандартных, и еще неизвестно, что ждет впереди, так что от вина на сегодня я решил отказаться. Вместо этого по пути заглянул на кухню и заказал кофе. Много кофе.

А потом потянулись бесконечные часы ожидания. Бароны отправили гонцов и засели в каминном зале, занявшись одним из тех дел, в которых были мастерами: принялись осушать кувшины с вином. Рисковать не стали, отправив слуг купить вина у местных, и теперь морщились, но давились кислятиной. Я сидел с ними, не вникая в разговоры, только кивал в нужных местах. Ведьма обещала вернуться вечером, тогда можно будет планировать дальнейшие действия. Неопределенность убивала. Все сильнее хотелось оставить баронов и отправиться спать. Вместо этого я поднялся из-за стола, от сидения за которым уже нестерпимо болела спина.

— Господа, продолжайте, а я отойду ненадолго.

Получив горячие заверения, что они никуда отсюда не двинутся, я пересек двор и вышел в село. Быстрым шагом добравшись до дома Игната, выяснил, что староста ушел в кузницу, поспешил туда. Как раз вовремя: сельский голова и кузнец вышли из темного, жарко натопленного помещения, оба покрасневшие не только от огня, но и от спора. Увидев меня, поклонились, после чего Игнат спросил:

— Что-то случилось, господин?

— Пока нет, но вот-вот может, — ответил я туманно. — Я тебя искал, чтобы узнать по поводу ополчения и оружия с броней. Ты начал решать вопрос?

Староста с кузнецом переглянулись, причем, кузнец заметно хмурился. Игнат снова поклонился, начал объяснять:

— Мужчины готовы служить, даже приведут еще кого-то, но вот с оружием и броней все совсем плохо, господин. Все, что у нас есть, приготовлено на продажу, и вот этот вот человек не дает ни одного завалящего меча!

Кузнец едва не задохнулся от возмущения, запыхтел. Он заговорил неожиданно высоким голосом, обращаясь к старосте:

— Разорить меня хочешь? Сказано: эти продам, новое железо куплю, а там и для тебя чего-то сделаю!

— А в чем проблема с тем, что уже готово? — спросил я. Оба снова переглянулись с неприязнью, и кузнец объяснил:

— Ни в чем. Просто эти доспехи должны были пойти в монастырский арсенал, давно было оговорено.

Кузнец развел руками, Игнат кивал с недовольным видом, но все-таки соглашаясь. Я мог только моргать в ответ: монастырский арсенал? Странное название, для меня обе его части казались совершенно несовместимыми, но вспомнились оставшиеся безымянными латники, сопровождавшие меня перед встречей с настоящим Томасом, так что — почему бы и нет?

— С этим разберемся позже, — решил я. — Сейчас есть дела поважнее, Тошильдер наверняка уже точит самый большой из своих мечей, так что и нам нельзя медлить. Выдай оружие и доспехи ополчению, потом решите по деньгам, я выделю нужную сумму.

Чтобы пресечь возможные споры, развернулся и быстро пошагал обратно. Ополченцев наберется десятка полтора, совсем не то количество, которое требуется, чтобы отбиться от такого опасного человека, как барон Тошильдер, но это первые. Скоро обещали подтянуться воины от баронов, сейчас хлещущих вино в каминном зале, а это уже хоть что-то. Знать бы еще, что из возможностей комбинезона удастся восстановить!

Долгий день никак не заканчивался. Я весь извелся, несколько раз без надобности обошел село, осмотрел и перепроверил собственное оружие и доспехи, наведаясь к баронам, которые, кажется, и не замечали моего отсутствия. Наконец, во время очередной инспекции конюшни услышал приближающийся стук множества копыт.

Меня бросило в холодный пот: от чего-то показалось, что явился лично Тошильдер с войском. Едва не крадучись, подошел в калитке и выдохнул с таким облегчением, что потемнело в глазах. Стой стороны по доскам загрохотали. Я поспешил вынуть засов, распахнул ворота, впуская прибывших.

Во главе отряда ехали Залтан и Озомат, под слоем пыли похожие, как братья. Кони роняли пену, едва держась на ногах. Следом въехали сэр Кристофер и сэр Айван, поспешно выбрались из седел, повели животных по двору. Я выглянул за ворота, ожидая увидеть заполненную конными воинами площадь, но там оказалось пусто.

— Мы поскакали вперед, — угадал мои мысли Залтан. Остальные скороприбудут. Три сотни подготовленных воинов. Север послал за своими?

Он спустился с коня, подошел ближе. По усталому лицу было видно, как вымотала его бешеная скачка.

— Да, как и остальные.

— Отлично. Так! Где здесь можно промочить горло?!

Залтан неожиданно легко взбежал по ступеням и скрылся в доме, остальные последовали за ним. Что ж, три сотни — уже что-то. Сумеет отбиться, если сосед решит не ждать. Стены здесь толстые. А когда подспеют остальные, то разговор может пойти на равных.

Все уже привычно собрались в каминном зале. Прибывшие жадно припали к вину, те, кто и без того уже с утра были заняты тем же, со смехом предлагали им самого лучшего из подвалов. Пришлось объяснять Озомату, что тут произошло, особо напоирая, что вино могло быть испорчено специально.

— Тогда с полной уверенностью могу сказать, что это люди Тошильдера, — вынес вердикт Залтан. Он покрутил в руках стакан, прислушиваясь к своим ощущениям. — Но вы говорите, что ночью ничего не произошло?

— Не могу знать, — ответил я. — Но на первый взгляд ничего не тронуто.

— Да? Странно. Какой смысл что-то делать, не воспользовавшись моментом?

Он поднял на меня глаза. Я постарался сделать лицо максимально нейтральным. Тут подал голос Север:

— А как вам вариант, что враг просто не ожидал, что здесь окажется не только сэр Томас? И решил отступить, когда застал еще и нас с благородными Эббетом и Фаруком?

Бароны рассмеялись, словно услышали хорошую шутку. Север надулся, но было видно, что на этот раз строит идиота специально. Разговор ушел в сторону, мужчины за столом вспоминали случаи из жизни, когда с ними происходило что-то загадочное или вовсе необъяснимое. Я слушал с интересом, но мысли быстро сбились на обдумывание сложившейся ситуации. Заметив мой отсутствующий взгляд, Залтан склонился ко мне и спросил, приглушив голос:

— У вас задумчивый вид, сэр Томас. Случилось что-то, о чем нам следует знать?

Проницательный черт! Если бы не острая необходимость, ноги бы твоей не было на моих землях! Я помолчал пару секунд, взвешивая все «за» и «против» и стараясь просчитать, чем аукнется то, что я собираюсь сказать. Наконец, выдохнул:

— Утром, когда я проверял, все ли в порядке, я обнаружил на конюшне чужого коня. Сумки были пустыми.

Я не стал говорить о мече, все-таки не обычная серийная вещь из тех, что массово гонят кузнецы. По такому клинку пусть с трудом, но можно найти хозяина. Но вот по поводу коня пусть поломают голову.

— И вы решили, что не стоит раньше времени поднимать панику? Умно, — кивнул Залтан. — Скорее всего, это конь отравителя. Тот спрятал его, чтобы не привлекать внимания, отравил вино, а потом по какой-то причине не воспользовался случаем.

— У меня возникли те же соображения. Исклоняюсь к тому, что отравлено было не все вино, а только то, что подавалась на стол вечером.

Залтан согласился, что, скорее всего, так оно и было, и мы вернулись к спорящим баронам. Вот и отлично. Со стороны коня ко мне не подобраться, я сразу же осмотрел и его самого, и седло на предмет зацепок, но ничего не обнаружил. За столом же тем временем разгорался спор. Север и Эббет настаивали, что появление убийцы все меняет, нет времени на подготовку, следует выдвигаться к Андерсу немедленно и попытаться взять его, пользуясь внезапностью. Они приводили в пример мой стремительный налет на заговорщиков, атаки пра-прадеда, благородного барона Йерана и множества схожих случаев.

В ответ им напоминали о еще большем числе ситуаций, когда такая лихость оканчивалась плачевно. Спор разгорался нешуточный, с криками и воплями, бароны то и дело сбивались на измерение длины рода и числа славных побед.

В ушах запищало. Я почувствовал касание, сознание потянулось вслед. Я поднялся из-за стола, сославшись на необходимость освежиться. Очень хотелось надеяться, что никто не пойдет следом, а особенно — что ведьма решит не повторять свой трюк с усыплением: тогда уже мне не выкрутиться.

На дворе я остановился, соображая, куда идти дальше, и вдруг понял, что не та уж далеко. Зов тянул меня в сторону конюшни! Но не настолько же она глупа, чтобы... Вечер вступал в свои права, и под крышей было темно. Кони, которым уже становилось тесно, всхрапывали, шумно чесали бока о доски. Я снял со стены у входа светильник, в два удара высек огонь: если меня и застанут тут, так я вызову меньше подозрений.

Ведьма шагнула в круг света, когда я дошел почти до середины. Приложив палец к губам, она велела мне молчать, а в голове раздался ее голос:

— «Надеюсь, ты не считал, что я настолько тупая, что повторю вчерашний фокус?» — я мотнул головой, но она уже продолжала: — «Вот, сделала, что смогла.»

Она протянула мне мешок, из которого появился мой комбинезон. Почищенный, там, где раньше были дыры от медвежьих когтей и зубов, теперь стояли заплатки. Технология показалась мне устаревшей, но перебирать не приходилось. Развернув сверток, я обнаружил, что ведьма добавила к комбинезону капюшон с маской, закрывающей лицо. Поймав мой вопросительный взгляд, она объяснила:

— «Смотри. Броню усилить не получилось: это легкая модель. Но от колющего защитит, так что думай сам. Переставила маскировочный модуль, даже не спрашивай, где взяла! Теперь можешь прятаться, правда, не при ярком свете. Но батарею вытягивает моментально.»

— «И на сколько хватает?» — я продолжал осмотр, и теперь как раз добрался до утолщения на спине. Находившаяся тут раньше тонкопленочная батарея почти не выделялась, но теперь ее место занял модуль такой старый, что наверняка застал еще время до вторжения Разрушителей.

— «Десять минут. Может, больше, но я бы особо не рассчитывала. И не кривись, если не устраивает, мог бы постараться не портить встроенную!»

— «Это с индукцией на внутренние системы?» — не поддался я на подначку. Ведьма кивнула:

— «Конечно. Я такую мелочь не рассматриваю даже. Питание пойдет, как обычно, заряд особо не просядет, даже когда микроботы кинутся тебя чинить.»

А вот это просто отлично. Значит, у меня есть десять минут относительной невидимости. С этим уже можно работать. Осталось прояснить еще один момент:

— «Так, с этим понятно. А как его заряжать? Есть какой-то универсальный зарядник? Сколько занимает времени?»

— «А никак.» — Ведьма пожала плечами. — «Без меня — никак.»

А вот это не совсем то, что я хотел бы услышать.

Вернувшись домой, заглянул в комнату, спрятав мешок под одеждой в шкафу. Бароны внизу даже не заметили моего отсутствия, продолжая спорить. Я сидел с ними, пока не надоело слушать одно и то же. Все рассуждения сводились к тому, стоит ли атаковать в лоб, или объявить официальную войну и дать время на подготовку. Как по мне, последнее было полнейшим безумием, но неожиданно нашло поддержку у Кристофера и Айвана. По счастью, их сумели если не переубедить, то хотя бы заставили перестать отстаивать свою версию плана.

Ночью прибыли воины Фарука и Эббета на взмыленных, едва не валящихся от усталости конях. Они встретились с запоздавшими сотнями баронов, под холмом у реки уже ставили шатры, тут и там разгорались гигантские костры. Мы отправились в лагерь с проверкой, а когда вернулись, застали в каминном зале смертельно уставшего человека. Судя по темно-зеленому плащу с капюшоном, болотного цвета штанам и сапогам, это был или шпион, или егеря. Капюшон лежал на плечах, открывая редкие седые волосы. Запрокинув голову, он жадно припал к кувшину, кадык под дряблой кожей на шее ходил, как поршень. Оторвавшись от наполовину опустевшего кувшина, он тяжело вздохнул, на бледное лицо начали возвращаться краски. Залтан шагнул вперед, гость поднялся, попытался согнуться в поклоне.

— Господин...

— Не стоит. Ты устал, так что седи, — прервал его Залтан. Повернувшись к остальным, представил человека в зеленом: — Карат, мой разведчик. Верный слуга и достойный человек. Что тебе удалось узнать?

Последние слова предназначались Карату. Тот снова вздохнул, словно двигал гору.

— Тошильдер готовится к войне. К Андерсу стягиваются отряды из ближайших городов, пока мало, основные силы он отправил на южное побережье, там снова что-то намечается. Но и те, что остались, если засядут за стенами, будут очень грозным противником. К тому же нам удалось перехватить гонцов. Больше десятка, но думаю, что кому-то все же удалось уйти.

— Куда они направлялись? — спросил Залтан. Карат начал перечислять, загибая пальцы:

— К соседям за помощью, дажек тем, кто на нашей стороне. Собирается показать, что жертва тут он. К Аарону, это его дальний родственник, живет в двух-трех днях отсюда, но барон сумеет продержаться до его прихода. И к императору, с вестью о том, что Магатгыснова развязали войну.

— Он не в курсе, что тут сменился хозяин? — спросил я.

— Наверняка знает, — пожал плечами шпион.

— Чистой воды хитрость, — понимающе кивнул Залтан. — В столице еще не знают, что имение продано, так что пошлют людей именно к Северу. И на всякий случай возьмут с собой сотню гвардейцев.

Нужно действовать немедленно. Не я это начал, но успел наворотить столько, что даже обзавелся персональным врагом. План начал складываться в голове, но, конечно же, посвящать в него я никого не стал. Во-первых, он подразумевал использование вещей, не совсем привычных в этом мире, за которые тот же Залтан не раздумывая снесет мне голову.

Во-вторых, чем меньше благородные бароны знают, тем больше шансов, что все пройдет так, как нужно мне.

После доклада разведчика я распорядился, чтобы его накормили и разместили на ночь, после чего каминный зал превратился в зал совещаний. Я занял место во главе стола, остальные заняли места на стульях.

— Итак, вот все и начинается. — Я оперся локтями о столешницу и сложил пальцы в замок. — У вас, в отличие от меня, есть богатый опыт в такого рода делах, так что буду рад, если вы поделитесь своим видением.

— Выдвинуться сейчас, подвести войска к городу и там уже решать! — подал голос Север. Он хмурился, пальцы то и дело щупали рукоять меча. — Главное — начать действовать!

— На этот раз соглашусь с Севером, — подхватил Эббет, и остальные закивали, присоединяясь. Залтан и Озомат переглянулись, второй едва заметно поморщился и заговорил:

— Такая тактика хороша, когда враг действительно мало знает о численности и расположении войск или не успевает подготовиться. У нас же не было времени на скрытность, так что шпионы Тошильдера уже в курсе. А готовился он наверняка заранее, еще когда задумывал авантюру с захватом земель Севера. Если выдвинемся сейчас, без подготовки, разведки, то победы нам не видать.

Он тяжело припечатал ладонью по столу. Бароны, замолкшие, едва он начал говорить, смотрели на него, ожидая продолжения.

— Но если мы будем сидеть на месте и дальше, то шансы на победу не увеличатся! — заметил Айван.

— И поэтому нам нужно решать все как можно быстрее! — ответил ему Фарук. — В идеале нужно двинуть войска к Андерсу уже на рассвете.

— Тогда не будем тратить время, — поставил точку Залтан. — Я предлагаю начать вот таким образом...

Он развернул на столе карту близлежащих земель, и бароны склонились над ней, то молча слушая, то вдруг срываясь в спор. Я мог только наблюдать за их слаженной работой. Спокойный и рассудительный Кристофер и задиристый Фарук, вспыльчивый и горячий Эббет и собранный Айван, еще более одинаковые в эту минуту Озомат и Залтан, даже Север, все они сейчас действовали, как слаженный механизм. Мне на мгновение стало одиноко в их обществе, но какого черта? Поднявшись со стула, я присоединился к ним. Ткнув пальцем в дорогу, протянувшуюся вдоль границы, спросил:

— А что насчет этого пути?

— Нет, слишком много непредвиденных случайностей, — мотнул головой Залтан. — Вот здесь, например...

Заканчивали далеко за полночь, когда первая луна поднялась к зениту. Учитывая длину местных ночей, работа была проделана огромная, подкованные в такого рода делах бароны набросали несколько вариантов, четко придерживаясь мнения, что никакой план не выдерживает столкновения с реальностью. Помешать могло все, что угодно. Но, по крайней мере, уговорились о времени наступления, его запланировали на рассвете. Затем бароны разошлись. Гостевых комнат не хватило, но ими воспользовались только Залтан, Озомат и Кристофер. Север с Айваном скрылись за дверями людской, а Эббет с Фаруком, негромко переговариваясь и хлопая друг друга по плечам, отправились в село. Не иначе, как за

приключениями, но это их дело, главное, чтобы к утру все были в сборе.

Поднявшись к себе, я скинул сапоги, с удовольствием чувствуя под подошвами холодный камень. Очень хотелось упасть в кровать и провалиться в сон, но у меня еще оставались незавершенные дела. Заперев дверь, я зажег все имеющиеся в комнате свечи, развязал мешок и вытащил комбинезон и фонарь, все, что у меня есть для решения проблемы. План, незначительно изменившийся во время обсуждения тактики и стратегии грядущих сражений, не подразумевал большего количества вещей. Нужно взять с собой кинжал и короткий нож, их можно будет спрятать под комбинезоном. Доспехи тоже не возьму, они будут мешать. Даже легкая кольчуга способна выдать звоном, стоит проявить неосторожность.

Итак, беру комбинезон, под него — кинжал, нож и фонарь. Я внимательно осмотрел ткань, прощупал края латок, проверяя качество соединений. Надев комбинезон, я накинул капюшон, перчатки, закрыл лицо маской и включил батарею. По телу пробежали мурашки, кончики пальцев закололо. Я успел отвыкнуть от персональной интеллектуальной системы, та, до предела ограниченная, что была на едва живом челноке, не в счет. Появившиеся в поле зрения элементы умной начинки поначалу мешали, хотелось смахнуть их, но вскоре я снова к ним привык. Теперь их оставался самый минимум: пиктограмма батареи с процентным указателем да строчка режимов, из которых сейчас активным было только индукционное подпитывание системы.

Мысленно потянувшись к переключателю режимов, я активировал маскировку. Активной стала пиктограмма с изображением человека в глубоком капюшоне, а тело просто исчезло. От неожиданности закружилась голова, я едва устоял на невидимых ногах, но увидел, как от движения слегка исказились контуры каменных плит на полу. Даже в тусклом свете это можно было разглядеть. Оставалось успокаивать себя, что это я знаю о неидеальности маскировки, а остальным и в голову не придет искать невидимку. Удовлетворенный увиденным, я разделся и спрятал комбинезон в мешок. Его не получится использовать днем, но это не важно, ведь днем мне нужно быть на виду. А следующей ночью... следующей ночью все решится.

Еще до рассвета в доме начали раздаваться голоса, торопливые шаги, со двора донеслось конское ржание, крики. Я вскочил с кровати, чувствуя в теле приятную легкость и силу. Поспешно одевшись, выбежал из комнаты и понесся вниз по лестнице. В каминный зал уже стягивались сонные и помятые бароны, слуги ловко сновали между ними, расставляя на длинном столе блюда с завтраком. Пока все наскоро перекусывали, в дом начали стягиваться командиры сводного войска с докладами, лагерь уже сворачивался.

На горизонте только начинала алеть тонкая полоска рассвета, когда я вышел из дома. На дворе в свете факелов седлали коней. Гремящие железом бароны проверяли седла и притороченные к ним седельные сумки. Начать решили без изысков: просто выдвинуть войско на позиции, а послепостараться взять город и принудить соседа к миру. Воинам донесли строгий наказ: мирных жителей не трогать, скот и крестьян не резать, к девкам на землях Тошильдера не прикасаться.

Колонна уже скрылась вдалеке, оставив за собой только длинный пыльный хвост. Мы двинулись следом, растянувшись по дороге. Я ехал во главе кавалькады, со мной поравнялся и поехал стремя в стремя Залтан.

— Сэр Томас, я слышал о вашей доблести, но также знаю, что вам еще не приходилось ввязываться в бой с настоящими подготовленными воинами, а тем более брать

укрепления, — сказал он, глядя прямо перед собой на убегающую из-под конских копыт и скрывающуюся в рассветной дымке дорогу. — Я уверен, никто не будет против, если вы не полезете на стены, оставив это более опытным людям.

— Что заставляет вас так думать обо мне? — спросил я. Его предложение меня устраивало полностью, но не хотелось вдруг прослыть трусом. — Или я дал повод?

Залтан помолчал, затем сказал, так и не повернув голову:

— Вы хороший человек, сэра Томас, мы даже готовы рисковать жизнью, чтобы помочь вам... тем более, что ваши неприятности целиком на совести барона Магатта. Но будет лучше, если вы не будете соваться под руку. Договорились?

Он наконец смерил меня тяжелым взглядом, затем прищипил коня, пуская его вскачь. С другой стороны меня обогнал Озомат, кивнул рассеянно. Поравнявшись, оба барона поехали рядом, о чем-то негромко переговариваясь. В груди начала закипать ярость. Этот высокомерный ублюдок, да как он смел! С огромным усилием удалось успокоиться, я выдохнул, досчитал до десяти. За спиной раздался приближающийся топот, сбоку показался Север. Мы долго ехали, не говоря ни слова. Наконец, благородный барон не выдержал:

— Думаю, мне нужно извиниться. — Он поймал мой взгляд. — И можешь ничего не платить за земли. Ты правда сумел их защитить, а Магатты — люди благородные. Надеюсь, сумеешь удержать.

— Сумею, — ответил я. Очень хотелось сказать что-то обидное, но сдержался. — Главное сейчас — разобраться с Тошильдером, так?

— Об этом даже не беспокойся, сэра Томас, — он кивнул. — С тобой лучшие воины!

— И ты, — все-таки не сдержался я, но Север пропустил шпильку мимо ушей. — Давай вытряхнем соседа из укреплений!

Дальше ехали, беседуя о незначительных вещах. Север все больше рассказывал о сражениях, стараясь поднять мой боевой дух. Наконец, добрались до границ владений. Воины останавливали коней, вдоль линии метнулись глашатаи, разнося приказы. Я тоже натянул поводья, осмотрелся из седла. Еловая чаща здесь сменилась светлым, почти прозрачным березняком, в густой траве тут и там виднелись островки белых ромашек. Дорога тянулась в зеленой тени, засыпанная прошлогодними листьями и лесным мусором, от чего становилось понятно, что ей давно не пользовались. Недалеко впереди по обеим сторонам колеи стояли вкопанные пограничные столбы из потемневшего дерева.

— Здесь давно никто не ездит, — раздался за спиной голос Залтана. Барон подвел коня к моему, остановил. — Лес тянется почти до самого Андерса, останется только пересечь реку, там удобный брод.

— Наши перемещения вряд ли остались незамеченными, — сказал я.

— Конечно, — ответил Залтан чуть удивленно. — Как спрятать такую орду в густо населенных местах? Но уверен, немногочисленные мы выиграли.

Вдоль дороги металась посыльные, разнося последние указания. Спешившиеся, чтобы размять ноги, воины вскакивали в седла, звучали приказы, конское ржание, и отряд за отрядом выдвигались дальше. Я тронул поводья, но Залтан придержал моего коня за узды:

— Подождите, сэра Томас, ваше место в хвосте отряда.

Я не стал спорить, и мы дождались, пока мимо проедут последние воины. Замыкал кавалькаду вчерашний разведчик. Сейчас Карат выглядел значительно лучше, хоть под глазами и оставались глубокие тени. Поклонившись, насколько позволяло седло, он неуверенно улыбнулся в белые усы, переводя взгляд с меня на Залтана.

— Господин?

— Мы почти на месте, твоя задача меняется. Будешь присматривать за молодым бароном. У него... не самый богатый опыт в осаде городов.

Карат удивленно вскинул брови, но Залтан уже развернул коня и пустил его в галоп, нагоняя голову процессии. Я поймал на себе взгляд разведчика, пожал плечами:

— Такова жизнь. Все всегда бывает в первый раз.

Мы поехали замыкающими. Вскоре дорога вильнула в сторону, обходя глубокий овраг с густой растительностью на дне, и выскочила на простор. Впереди показалась неширокая река с пологими берегами. Дорога снова поворачивала, не доходя до воды полсотни шагов, но сводному войску она больше не требовалась. Вода забурлила под копытами, когда всадники двинули коней через реку.

Впереди, за рекой, виднелись крыши домов, высокий шпиль церкви, во дворах зеленели деревья. Слева вверх по течению двигалось крупное стадо, оттуда доносились рев и мычание. Здесь продолжалась обычная жизнь. Но вскоре у самых домов началось движение, и я увидел, как потянулись прочь торопливые фигурки с мешками и тюками за плечами, показались телеги, раздался свист, щелканье бичей: пастухи спешно разворачивали стадо. Люди бежали. Я представил, как это выглядит со стороны и скрипнул зубами: неугомонный сосед нарушил границы и теперь идет грабить, жечь, насиловать! Можно только похвалить Залтана за четкие указания местных не трогать. Не нужно это.

Наконец, на ту сторону перебрались и мы с Каратом. Река оказалась не глубже ручья, удалось даже не замочить ног. У села войско снова перегруппировалось. Сейчас нужно было стянуть отряды в кулак: стены Андерса виднелись на горизонте. Бароны разъехались каждый к своим людям, кричали что-то ободряющее, в ответ разносился дружный рев, звяканье мечей о щиты. Сегодня многие умрут, и они сами прекрасно это знают. Но для них эта смерть благородная, в бою, за благое дело, а оно всегда благое, иначе никак.

Нужно сделать так, чтобы было как можно меньше жертв. Это дело касается меня и Тошильдера.

Впереди медленно вырастали стены Андерса. Город был основательно укреплен, даже излишне для простого торгового места. Дорога, сначала виляющая среди полей, в километре от стен выпрямилась и понеслась к воротам, утопанная тысячами ног до состояния камня. В другие дни по ней непрерывным потоком двигались торговцы, телеги с дичью, пастухи гнали стада на продажу в городе и для перегона дальше. Сейчас же в округе не было ни одной живой души.

Андерс изначально строился, как крепость. Удачно усевшись на торговых путях, он быстро разбогател, и мудрые предки Тошильдера пустили деньги в дело. Оградив забравшийся на высокий холм город стеной, они не один век укрепляли ее. Собравшимся под ее защитой домам вскоре стало тесно, они тянулись вверх, пока не обзавелись третьими и даже четвертыми этажами, что держались за счет того, что со всех сторон их подпирали соседи, и только после этого новые вышлiza стены. Теперь там виднелись постоянные дворы, конюшни, склады, жилые дома, между которыми теснились рынки, сейчас пустые.

Жители торопились скрыться за воротами. Легкий ветерок гнал по улочкам мусор, то тут, то там прямо в пыли валялись брошенные вещи, что не сумели или не успели взять с собой. Завершал жутковатую картину пронзительный и полный безысходности вой: кричали брошенные хозяевами собаки.

Голова отряда втянулась в город, всадники двигались осторожно, постоянно оглядываясь и держать настороже, и только это спасло их: из распахнувшихся окон им на головы хлынули потоки кипящей воды, посыпались камни и мебель. Ехавших первыми просто смело, остальные успели податься назад, испуганные кони вставали на дыбы, едва не сбрасывая всадников, те торопливо разворачивали животных, а затем бросились прочь, под защиту открытого пространства. Им вслед летели стрелы, к счастью, не слишком метко.

Поднявшуюся было панику удалось погасить: сказались опыт воинов и выдержка. Взавший на себя обязанности вожака в этом походе Залтан приказал разбить лагерь, а сам собрал баронов и сотников. Совет прошел быстро: всего лишь уточнили детали плана. Выбравшись под палящее солнце после короткой передышки, я увидел, как в сторону ближних домов отправился десяток пеших воинов. В руках у пары из них дымили смоляные факелы, остальные несли длинные дальнобойные луки со стрелами, обмотанными паклей. Двигались они слаженно и уверенно, не сводя глаз с темных окон, где не было ни единого движения, но едва пересекли невидимую границу, как из домов ударили стрелы. Один из несущих факелы упал, торчащая из груди стрела треснула, кольчуга на спине натянулась под упершимся с обратной стороны наконечником. Следом упал стрелок, ему повезло больше, оперенное древко торчало из плеча. Остальные одновременно опустились на колени и ответили горящими стрелами. Те были тяжелее, но длинные луки били мощно. Вскоре начали дымиться крыши, кое-где пробивался огонь, и стрелки отступили, унося погивших товарищей.

В обе стороны от дороги уходили бескрайние поля. Устанавливая шатры и временный загон для лошадей, привезенные добравшимся до города обозом, воины вытаптывали посева нещадно. Я успел подумать, что если огонь от домов перекинется на почти созревшие колосья, нам придется отступить, как заметил, что несколько сотен воинов занялись расчисткой противопожарной полосы вокруг лагеря. В ней же поставили, отгородившись от

возможных атак, телеги с мешками. Дома уже занялись основательно, огонь теперь вырывался из окон на всех этажах, начали дымиться постройки, разбросанные между высокими зданиями. Изредка на улицу выскакивали испуганные люди, бросались бежать к воротам, вслед им стреляли скрывающиеся в засадах лучники. Часть беглецов все же успевала спастись, но чаще на дороге прибавлялось очередное мертвое тело: воинам удалось подобраться очень близко.

В небо поднимались клубы черного дыма, взлетали искры, ветер сносил их в сторону города. Раздавался громкий треск, крыши на загоревшихся первыми домах провалились, из оконных проемов с ревом вырывалось пламя. Я был заморожен этим зрелищем, а вот бароны и простые воины словно не замечали происходящего. А может, и на самом деле не замечали: сколько на их пути вставало вот таких городов? Ко мне подошел Север, остановился рядом, указывая в сторону пожара:

— А вырос городишко! Мой прадед вставал лагерем почти у самых стен, даже когда в прошлый раз сюда приводил войска я, здесь было не так тесно!

— А теперь все это уничтожено. — Я поглядел в его довольное лицо. — Годы работы, дорогие и просто необходимые товары сгорели.

— Потому что их господин — жадная ненасытная тварь, охочая до чужого! — отрезал Север. И был совершенно прав, так что оставалось только согласиться.

Деньползк закату очень медленно. Меня начало одолевать нетерпение, оставшись в шатре один, я осторожно вытащил из мешка комбинезон, чтобы в очередной раз проверить, все ли в порядке. Действие абсолютно бесполезное, но успокаивающее.

Торговый пятак у стен выгорел полностью, нодалеко за пределами дальности стрельбы люди Тошильдера сумели остановить огонь, а едва в их сторону понеслась конница, быстро скрылись под защитой стен. Действовали они точно и слаженно, не впадая в панику, всадникам не досталось даже ведер и багров, горожане все унесли с собой. Подобное повторялось не раз, и жители Андерса сумели отсечь огонь, а потом и погасить его полностью.

Залтан ходил, погруженный в тяжелые мысли. Они с Озоматом часто выезжали к стене, а один раз с небольшим отрядом даже объехали город вкруговую, потом скрылись в командном шатре, куда через некоторое время созвали остальных.

Ситуация получалась не самая приятная. Воинов, пришедших с нами, хватило бы, чтобы перекрыть выходы из города, но если Тошильдер сосредоточит удар в одном направлении, то без труда сметет осаждающих, а мы потеряем четверть войска. Теперь вся надежда оставалась на спешащую подмогу Магаттов. Если, конечно, она подоспеет вовремя. Нельзя забывать о друзьях и соседях Тошильдера, к которым наверняка сумели прорваться гонцы. Да и императорская гвардия, если появится здесь слишком рано, разбираться, кто виноват, станет не раньше, чем повяжет любого, пойманного с мечом по эту сторону стен.

До вечера еще успели пощупать оборону Андерса, даже подожгли амбары у западных ворот, но потеряли еще троих и двенадцать человек получили серьезные раны. Стоило приблизиться к стенам, как оттуда начинали бить лучники, к счастью, пока не прицельно. К тому времени, когда солнце доползло до края неба, я был совершенно вымотан, хоть лично и не участвовал ни в одной из атак. Сказывалось постоянное напряжение, от приподнятого настроения не осталось и следа. К тому же куда бы я ни пошел, за мной везде тенью следовал Карат. От бывшего воина не ощущалось враждебности, однако непрерывный надзор раздражал. Нужно было избавиться от назойливого сторожа до того, как я приступлю

к выполнению плана.

Ужинали в командном шатре. Здесь же обсуждали случившееся за день, и Залтан неожиданно для меня сообщил об успехах, потом разошлись по своим шатрам. Я готов был рухнуть на походную кровать, но заставил себя двигаться. Скоро стемнеет достаточно, чтобы незаметно добраться до стены, нужно только решить вопрос с Каратом. Вытащив из мешка комбинезон, я торопливо избавился от пояса с ножнами. Сунув меч под кровать, быстро скинул доспехи, отправив кирасу и прочее железо туда же. Оставшись в кольчуге поверх камзола, натянул комбинезон. Тот был достаточно эластичным и просторным, чтобы без проблем надеть его поверх сапогов и кожаных штанов. Разместив в клапанах у застежки нож и кинжал, я накинул капюшон, опустил маску и включил радар.

Окружающий мир расцвел пятнами, особенно яркими в свете крошечного масляного светильника, висящего на тонкой цепи у постели: воины ходили по лагерю, собирались у костров. Уменьшив радиус обнаружения до минимума, я осмотрелся еще раз. В сфере диаметром в десять метров оказались всего трое. Судя по движениям, один точил меч, а остальные играли в кости. Я приготовился ждать: Карат не мог не заглянуть ко мне, чтобы проверить, все ли в порядке. Вскоре появилась движущаяся в мою сторону фигура. Дождавшись, пока она приблизится ко входу в шатер, я нырнул в невидимость и замер.

Карат вошел, остановившись на пороге. Глаза его удивленно расширились, он готов был уйти, раз меня не оказалось на месте, но что-то привлекло его внимание. Он шагнул в сторону кровати, едва не зацепив меня плечом и опустился на колени, заглядывая в темноту под постелью. Вот он, момент! А разведчик уже тянул за перевязь ножны. Я помнил, что у легкого комбинезона была хорошая защитная функция, и к моему облегчению пиктограмма с ее активацией нашлась в меню. Протянув руку к готовому распрямиться Карату, я пустил на перчатку небольшой заряд и коснулся головы разведчика. Сверкнула тусклая молния, раздался негромкий щелчок, и человек безвольным мешком рухнул на землю.

Первым делом проверил пульс и дыхание. К моему облегчению, Карат оказался жив и должен был проспать до утра. Не хотелось даже думать, как придется объяснять свое отсутствие, если все обнаружится, но обратного пути уже не было. Уложив бесчувственное тело на кровать, накрыл его одеялом с головой и погасил светильник. Теперь, если я никому срочно не понадоблюсь, моего исчезновения не заметят до утра. Так что нужно успеть назад до того, как лагерь начнет просыпаться. Проверив батарею — незапланированные траты отняли процент заряда — я выскользнул из шатра.

Освещаемый редкими кострами лагерь еще не спал. Я попетлял среди шатров, выскользнул на открытое утоптанное пространство. За пределы лагеря выбирался бегом, стараясь особо не шуметь. Притормозил только у крайних постов, где двигался максимально осторожно, после чего шел, скрываясь от передовых дозоров, засевших в опасной близости от стен. Заряд батареи таял неприятно быстро, и, убедившись, что вокруг нет свидетелей, я отключил маскировку. Сейчас между мной и лагерем раскинулось широкое выжженное пространство с обугленными остовами строений, среди них мой серый комбинезон должен быть не так заметен.

Добравшись до стены, я осторожно двинулся вдоль нее, чтобы убраться подальше от ворот. Сдается мне, что именно тамокажется большая часть стражи. Остановившись, внимательно осмотрел кладку, ярко светящуюся в инфракрасной части спектра. Неровные края, подогнанные хорошо, но недостаточно, чтобы кто-то вроде меня не смог забраться, пусть и предстоит подъем на полные двенадцать метров. Прижавшись к стене, закрыл глаза,

прислушиваясь, потом резко выдохнул и пополз.

Первые метры дались легче всего. Перчатки, контактную часть которых покрывала имитация акульей кожи, держались за шероховатые камни, как приклеенные, ногам тоже находилось, за что уцепиться. Я буквально взбежал почти до середины стены, где остановился перевести дух. Серый на сером, в темноте меня было обнаружить не легче, чем черного кота в темном подвале. Даже если кто-то сейчас выглянет за зубцы, то меня не увидит.

Дальше полз с осторожностью, ловя каждый звук. Наверху подождал, пока мимо пройдут лучники, они остановились почти над головой, лениво обсуждая какие-то свои вопросы. Пальцы заныли, в теле начала накапливаться тяжесть, когда они наконец разошлись. Стена была достаточно широкой, метров трех в верхней части, и скудно освещенной. Вдоль края чадилитускые факелы, на башнях горели костры, вокруг которых мелькали тени стражников, вот и все, что мог бы рассмотреть обычный человек. В инфракрасном свете картина получалась гораздо четче, я видел, что оба лучника вот-вот развернутся и двинутся назад.

Пригнувшись, я бросился через открытое пространство, через мгновение оказавшись на другой стороне и повиснув на пальцах. Вниз ползти оказалось не в пример тяжелее. Пришлось нащупывать неровности вслепую, и тут я остро пожалел, что эволюция отобрала у человека хватательные пальцы на ногах. Спуск занял почти вдвое больше времени, чем подъем. Трижды едва не сорвался, ужас захлестывал, когда перед глазами вставали картины, одна другой страшнее: вот я падаю и ломаю ноги, или отбиваю что-то жизненно важное, или просто на грохот сбегается стража, а система маскировки отказала от удара...

Подошвы сапогов коснулись земли. Я еще постоял, восстанавливая дыхание и не двигаясь на случай, если как-то выдал свое появление. Вокруг было тихо, и я заставил себя отлипнуть от камней и двинулся к домам. Стены слабо светились в инфракрасном, дома жались друг к другу так плотно, что улицы в этой части Андерса были не шире могилы, и такие же сырые. Я заставлял себя не обращать внимания на вонь и лужи под ногами, шагая быстро и едва не срываясь на бег. Сколько лет еще этому миру до изобретения канализации? Если уцелею, нужно будет вплотную заняться продвижением идей санитарии! Ноги скользили, улицы становились все шире, но и тут они были загажены дальше некуда.

Во многих окнах был виден свет. Люди не спали, не смотря на поздний час, готовясь к осаде. Улицы были пусты, за исключением часто попадающихся на пути патрулей. Каждый раз мне удавалось разминуться с ними, хоть часто в самый последний момент: близкие стены и узкие проходы между домами не давали заметить их заранее. Ближе к центру их становилось все больше, так что то и дело приходилось пускать в ход маскировку, из-за чего заряд таял буквально на глазах.

К тому времени, как удалось выбраться к центральной площади города, я уже проклял и Севера, что втравил меня в эту авантюру, и Тошильдера со всеми его родственниками, и ведьму, и вообще всех, кого сумел вспомнить. В комбине зоне становилось нестерпимо жарко, я не раз успел пожалеть, что не взял с собой воду, но все крепки задним умом, так что пришлось терпеть. По лицу катились капли пота, камзол на спине промок насквозь. Скрывшись в глубокой тени, я рискнул снять маску и скинуть капюшон. Прохладный воздух освежил лицо. Как давно я ушел из лагеря? Я перевел взгляд на цифры в углу поля зрения и едва не присвистнул: не прошло еще и часа с того момента, как я вырубил Карата, а по всем ощущениям я брожу здесь уже половину ночи! Вновь скрывшись под капюшоном и маской,

пошел дальше.

Вскоре виляющая среди домов улочка вывела меня на площадь. Торговые ряды, сейчас пустые, занимали все пространство между стеной замка и церковью, высоким монументальным зданием со шпилем выше любой из башен Андерса. Стены внутренних укреплений сэра Ирвина массивностью мало уступали городским, в них было около десяти метров высоты, а на гребне за зубцами двигались стражники, и было их тут заметно больше, чем на стене городской.

Что ж, здесь пробраться будет сложнее, но не идти же назад?

Торговые ряды преодолел вообще без труда: стражи тут не оказалось совсем, даже не пришлось пользоваться маскировкой. У внутренней стены пришлось остановиться и продумать подъем. Воины на гребне прохаживались лениво, но постоянно находились друг у друга на виду, что сильно осложняло дело.

Когда удалось просчитать тайминги, я вдохнул глубоко, собираясь, и пополз. К счастью, никаких сюрпризов меня не ждало: все тот же выветренный камень, за который очень удобно цепляться. Мышцы приятно гудели, я чувствовал, как микроботы накачивают их энергией.

Наконец, добрался до гребня и повис на пальцах между зубцами. Сердце стучало, как бешеное, разгоняя кровь для рывка. Температура внутри комбинезона поднялась так высоко, что без помощи микроботов я бы уже потерял сознание. Дождавшись, пока в перемещениях стражи появится рассчитанное окно, я активировал маскировку и рывком вытянул себя на стену. Факелы здесь были расставлены чаще, в багровом свете я рассмотрел удаляющиеся спины. Отлично, меня не заметили. Вернув ночное зрение, я добрался до противоположного края и снова повис. Предстояло самое неприятное.

На этот раз спуск получился более удачным. Едва не сорвался я всего один раз, когда с самого верха мне на голову упал маленький камень. Прижавшись к стене, я вскинул голову и встретился глазами со стражником, пристально всматривающимся в темноту под ним. На долгую секунду меня парализовал ужас. Неужели что-то случилось с маскировочным модулем? Пальцы едва не разжались, но удержался на рефлексах. А потом стражник с безразличным видом поднялся, скрываясь за краем.

Кое-как отдышавшись, я продолжил спуск. Запоздало подумалось: он бы и не смог меня увидеть во мраке. Это для меня ночь раскрашена в зеленоватые тона, стража же не видит ничего за пределами стены, факелы помогают сторожить верх стены, но не стороны.

Наконец, оказался внизу. Просторный двор, уже даже не двор, а целая площадь, вымощенная камнем, без единого деревца, даже трава безжалостно выщипана из щелей между булыжником. Под защитой кольца стен — широкая башня в четыре этажа, но на каждом потолки метра в четыре, и это делает ее просто невероятно высокой. Вокруг — хозяйственные постройки, дом прислуги, размерами едва ли уступающий моему в Северном. Рядом — жмущийся к земле барак для стражи. Окна башни были темными, только на самом верху горел оранжевый прямоугольник: не иначе сам хозяин города не спит. Строит планы? Заранее отмечает победу?

Я еще постоял в темноте, прикидывая, как действовать дальше. Для начала, что вполне очевидно, следовало проникнуть в башню. Двери наверняка заперты. Придется снова лезть. Будет не очень приятно, если наверху окажется, что с крыши внутрь попасть нельзя.

Отключив маскировку, полностью положился на мрак. Двигаясь от тени к тени, надолго замирал, прислушиваясь к тишине, и шел дальше. В доме прислуги еще не спали. В окнах двигались тени, доносились приглушенные голоса, но слов было не разобрать. Я проскочил мимо и вскоре оказался у башни.

Здесь пришлось провести больше времени, чем хотелось бы. Тревожила высота, причем, не совсем обоснованно. Башня была в полтора раза выше стены, к тому же с хаотично, на первый взгляд, разбросанными окнами. Это не монолитная на всю глубину кладка, стены

хоть и толстые, но за ними — помещения, в которых может отыскаться совсем не любопытный, но очень ответственный человек. И стоит мне хоть одним звуком выдать свое присутствие...

Чем дальше я стоял внизу, тем меньше во мне оставалось уверенности в том, что мой план вообще выполним. Промелькнула робкая мыслишка, что все решится как-то само собой, что нужно выбираться обратно в лагерь и ложиться на Залтана и баронов... Я едва не зарычал от злости на самого себя. Соберись, тряпка! Поднялся, застегнув распущенный на всю длину застежки комбинезон, надел капюшон и маску. Ладно, зато проветрился.

Кончики пальцев саднили от долгой непривычной нагрузки, завтра они покроются гематомами, и я еще долго не смогу толком ничего делать руками. Но это завтра, а пока двигаемся. Материал комбинезона хороший, протереть его нереально, только проткнуть, и шершавый, «акуля кожа», позволяющий тратить меньше сил на то, чтобы держаться. Только благодаря ему я сумел подняться на самый верх. Думать о предстоящем спуске не хотелось вовсе. А о том, что придется уходить через две стены — тем более. На крышу выбрался совершенно разбитым, благо, стражи на ней не оказалось, и я сумел отдохнуть. Силы в тело возвращались быстро, хвала микроботам, но они же вытягивали на ремонт и перестройку последние калории, живот прилип к позвоночнику, а затянутые ремни доспеха теперь болтались. Не умереть бы с голоду. Вот будет смеху, когда люди барона найдут на крыше высушенное тело!

С такими невеселыми мыслями я поднялся и начал искать вход в башню. Крышу устилала солома, посеревшая и рассыпающаяся в пыль. Было ясно, что никто не поднимался сюда в последние... сколько? Месяцы? Год? Ветер смешал труху, и найти люк оказалось довольно трудно. Наконец, под ногами гулко стукнуло дерево. Опустившись на колени, я разгреб мусор, под которым оказалась потемневшая от времени и влаги крышка. Вот он.

Долго лежал, прижавшись ухом к дереву и пытаясь определить, есть ли кто по ту сторону. Наконец, плюнул и потянул за притопленное в доски кольцо: если там и была стража, то, услышав мои шаги и возню на крыше, теперь затаилась. Будем решать проблемы по мере поступления.

Давно не смазанные петли заскрипели пронзительно, крышка поднималась с огромным трудом, старое дерево оказалось на удивление тяжелым. Навстречу потянуло разогретым воздухом, запахами немых тел, железа, выделанных кож и почему-то ванили. Я улегся на живот и, свесившись внутрь, заглянул в зеленоватые сумерки. Никого. До пола всего пара метров, к тому же, к самому люку прислонена лестница. Встав на ступени, я осторожно притворил за собой крышку, которая снова завизжала петлями, и спустился вниз.

Помещение было завалено хламом. Это был чердак, и сюда стаскивали старую мебель, какие-то сундуки, тюки со старыми тряпками. Вниз вела узкая каменная лестница. Я осторожно выглянул и, никого не обнаружив, начал спускаться на верхний жилой этаж. Здесь должны были размещаться хозяйская спальня и детские. В широком коридоре на вбитых в стены крюках висели масляные светильники, под которыми расположилась стража. Двое широких мужиков в массивных доспехах дремали, сидя прямо на полу и почти полностью перегородив проход с этой стороны. Пройти можно, но лучше я сперва проверю, что делается на других этажах. Мало ли, что может случиться, не люблю неожиданностей.

В башне царила тишина, только где-то внизу раздавались приглушенные голоса. Я рискнул и дальше идти без маскировки, благо, в башне было темно, а светильники не столько разгоняли мрак, сколько сгущали его для обычного человека, у меня же в сумерках

инфракрасного зрения были все преимущества.

Снова лестница, длинный пролет, внизу — никого. А вот голос стал заметно громче, и даже понятно теперь, откуда он доносится: вон из-за той двери, которую охраняютещедвое. Только эти не спят, стоя прямо под светильниками и напряженно всматриваясь в темноту.

Между мной и ими еще одна лампа на стене, незаметно не пройти, разве что в маскировке. А вон там, дальше, еще стража. Эти сидят по уму, за пределами светового пятна, если бы не ночное зрение, ни за что бы не заметил. Так что здесь путь закрыт. А жаль, очень хотелось бы послушать хозяина замка. Ну, нет, значит, нет.

Вернувшись на верхний этаж, надолго замер в темноте, прикидывая, как действовать дальше. Пока все по плану, и я не переставал ждать, в какой же момент все пойдет наперекосяк. Даже стража тутоказалась обычной, не усиленной. Правильно, зачем? Башня неприступна, охранять внутренние стены наверняка отправлены лучшие воины. Что может случиться?

Активировав маскировку, я медленно двинулся к сидящим под стенами стражам. Двигался медленно, сейчас меня обогнала бы и улитка, но не с моим умением ходить бесшумно только ирисковать. Тем более, что энергии еще полно: без малого на восемь с половиной минут невидимости. Когда до воинов оставалось не больше метра, я пустил ток на перчатки: если фокус удался, то почему бы его не повторить?

Этажом ниже грохнула дверь, оттуда донесся злой голос, ему отвечали грубо, но осторожно. Зазвенели доспехи, раздались шаги множества людей. Куда? Наверх или вниз? Время вышло, я шагнул к проснувшимся и начавшим торопливо подниматься с камней пола стражам. На головах у обоих были шлемы, так что я добавил заряда в перчатки и просто схватил их за лица, яркая вспышка на секунду ослепила сенсоры ночного видения, пришлось долгие секунды двигаться на ощупь. Перескочив через тела, бросился к первой двери, открыл. В восстанавливающийся зеленых сумерках рассмотрел крошечную каморку с ведрами и швабрами. За следующей дверью оказалась комнатка немного больше, в ней хватило места для кровати и стола со стулом. Здесь скорее всего жила нянька, постель неразобрана, значит, она сейчас у детей, что самую малость упрощает задачу. Следующая дверь, побогаче, украшенная кованным узором, за ней открылась хозяйская спальня. Широкое ложе в середине, с тяжелым балдахином, на кровати — женщина. Услышав мои шаги и звук открываемой двери, она сказала хриплым со сна голосом, оторвав голову от подушки:

— Наконец-то! Где тебя опять...

Замолчала, хлопая глазами и глядя туда, где ожидала увидеть мужа. Я протопал вперед, уже не таясь, перчатка комбинезона снова задрожала, набирая заряд, на этот раз слабее. Скованная ужасом женщина шевелила губами, не в силах кричать, взгляд ее метался по комнате, но заметить меня в свете масляной лампы она не могла. Подойдя к постели, я коснулся ее головы, под электрическую вспышку отправляя в сон.

Быстрее! Быстрее! Баронесса оказалась женщиной в теле. Взвалив грузное тело на плечо, я выглянул за дверь и, никого не обнаружив, пошагал к последней комнате в коридоре. Голоса уже раздавались на лестнице. Мне повезло, что мужчины остановились и о чем-то спорили, но когда я уже подходил к двери, позади раздался тревожный крик. Оглянувшись, я увидел бегущих от лестницы к лежащим на полу стражам. В этой части коридора было темно, меня они не видели, так что я на секунду задержался. Пятеро, все в хорошей броне, с короткими саблями, подходящими для боя в помещениях. Позади быстро

шагал толстый, лысый, как яйцо, мужчина, сам барон Тошильдер. Растолкав воинов, он обратился к тому, что склонился над телами.

— Что с ними?

— Они мертвы! — ответил тот взволнованно. — Ран нет...

— Плевать! Потом разберемся! Быстро в покои наследников!

Воин начал подниматься, а за моей спиной уже закрывалась дверь в те самые покои. Опустив женщину на ковер, я повернулся и запер дверь на толстый засов. Обернувшись, увидел няньку. Та расширившимися от ужаса глазами смотрела на растянувшуюся на полу бесчувственную баронессу, готовясь завизжать, но никак не решаясь. Лицо пожилой женщины сморщилось, вцепившиеся в край одеяла пальцы побелели. Рядом в колыбели сопели обе причины ее молчания. От двери рассмотреть было трудно, но я увидел, что в роскошной кровати лежат два младенца.

Сняв маскировку, посмотрел старой няньке прямо в глаза и, приложив палец к губам, прошипел:

— Молчи, старя дура! Или я убью сперва их, — я указал на младенцев, — а потом баронессу!

Нянька мелко-мелко закивала, все так же прикрываясь натянутым до подбородка одеялом. Кровать стояла у стены, закрытой тяжелой шерстяной портьерой, старуха прижалась к ней спиной, не в силах шевельнуться. Только когда я шагнул к колыбели, она сорвалась с места и как гусыня накрыла собой младенцев. Когда с той стороны двери раздался требовательный стук, она в панике перевела взгляд с нее на меня и обратно, словно взвешивая шансы.

— Кого там носит посреди ночи? — проревел я. Стоящие в коридоре помолчали, затем прогремел голос барона:

— Что?! Ты кто такой, червь, и что делаешь в комнате моих наследников?! И где Хильдегарда?!

Ага, значит, вот как зовут эту крупную светлокожую женщину у моих ног. Гм. Подняв на руки, я отнес ее на кровать, опустил осторожно, все-таки благородная, потом крикнул:

— Ваша жена, дорогой барон, здесь, со мной. Можете не тревожиться, ее чести ничего не грозит... ха-ха-ха! А вот причину моего присутствия в вашем замке мне бы и хотелось обсудить!

Даже толстые доски не смогли приглушить яростного рева барона. Дверь содрогнулась, затрещала, с притолоки посыпалась каменная пыль. Проскрежетало железо, следом посыпались частые удары, послышался звук разрубаемого дерева: Тошильдер крушил дверь мечом. Дождавшись паузы между ударами, я крикнул:

— Сэр Ирвин, возьмите себя в руки! У меня тут ваши дети и жена, думаете, я не успею перехватить горло кинжалом каждому из них прежде, чем вы ворветесь?

Грохот прекратился, теперь из коридора было слышно только тяжелое дыхание. Наконец, барон спросил со злобой:

— Чего ты хочешь, червь?!

— Поговорить с вами насчет недоразумения, из-за которого войско моих друзей готовится взять штурмом этот амбар, дорогой барон. Так что нянька сейчас откроет дверь... — осторожнее, не зашибите! Человек все-таки пожилой! — а вы войдете один, без оружия, ия гарантирую, что никто не пострадает. По крайней мере, пока.

— Да ты хоть знаешь... — заревел медведем Тошильдер, но я жестко оборвал:

— Заткнись и слушай сюда, упертый баран! Если ты не хочешь разговаривать, то я прямо сейчас отрежу головы всем в этой комнате и уйду. Поверь, это займет меньше времени, чем понадобится тебе, чтобы выломать дверь!

Неожиданно это подействовало. Может, сама угроза, может, изменившийся тон разговора — но голос барона, все еще звенящий от ярости, стал заметно тише.

— Тебе все равно не выбраться из замка живым!

— Но как-то же я сюда попал? Хватит болтовни, я сейчас открою дверь!

Я твердой рукой, но осторожно отнял у няньки близнецов, опустил их на кровать рядом с матерью. Младенцы продолжали спать, несмотря на страшный шум. Не иначе уже успели привыкнуть к воплям и ругани отца. Расстегнув комбинезон, вытащил кинжал, в другую руку взял нож и, встав возле заложников, кивнул на дверь:

— Открывай!

Нянька бросилась к выходу, там долго боролась с засовом. Барон в коридоре шипел и плевался, поминая всех родственников старухи, я даже заволновался: как бы не прибил в запале! Хотя, ее судьба и без того решена. Наконец, засов сдвинулся, с другой стороны в дверь ударили с такой силой, что не успеваю отойти няньку смело в сторону. В сердце кольнула жалость, но я тут же переключился на вошедшего.

В широком проеме толкались воины с обнаженным оружием, еще больше людей было в коридоре, с лестницы слышался тяжелый топот множества ног, но барон Тошильдер вошел один. Закрыв за собой дверь, он не стал запирасть ее. Окинув взглядом покои наследников и ненадолго задержав его на жене и детях, повернулся ко мне.

— Так вот ты какой, червь. И действительно пришел один?

Сэр Ирвин был уже не молод. Лысый, не толстый, а скорее мощный, пусть живот и свисает через пояс, на щеках и тяжелом подбородке пробивается черная щетина. Из-под низких надбровных дуг яростно сверкнули темные, как ночь, глаза. Пальцы огромных рук сжимались и разжимались, словно барону не терпелось вцепиться мне в горло. Я отступил на полшага, предостерегающе мотнул головой:

— Даже не думайте, что вам это на руку, дорогой барон. Давайте, какое-то покажу.

Я мгновенно ушел в невидимость, теперь кинжал словно висел в воздухе сам по себе. Тошильдер смотрел прямо сквозь меня, открыв в изумлении рот, затем заорал так, что с потолка посыпалась пыль:

— Что?! Ведьмак в моем доме?! Уничтожу!

— Заткнитесь, сэр Ирвин! — прикрикнул я, снова появляясь перед ним. — Я показал малую часть того, что умею. И что могу оказаться не один, и не только в этой комнате, но и в замке.

Я перевел взгляд куда-то за спину барона, тот подскочил, как ужаленный, развернувшись в прыжке, никого не увидел, и от этого испугался еще больше.

— Проклятое колдовство! Теперь понятно, как ты сумел справиться с Аланом, аведь он был лучшим из воинов, которых я знал! — он ткнул в мою сторону пальцем. — Нужно было сразу догадаться, что здесь дело не чисто! Хорошо. Чего же вы хотите?

Он вертел головой, обращаясь к моим невидимым сообщникам. Я улыбнулся загадочно, показывая, что разгадал его хитрость.

— Я хочу, чтобы вы, барон, отказались от ряда вещей. Во-первых, от вражды, что передалась мне по наследству. Не люблю воевать. В далеких монастырях юга меня научили прощать, и теперь я жду того же и от других. Во-вторых, верните земли Магаттов.

Вы и без того богаты, так что не убудет. А в-третьих — поклянитесь больше не претендовать на эти земли. Теперь они мои.

Как и ожидалось, слова о загадочных южных монастырях вызвали у барона страх. Слухи о неких тайных обществах, готовящих в своих стенах неуловимых убийц, ходили давно, и я решил им воспользоваться. Пусть лучше сэра Ирвина считает, что против него целое тайное общество, чем один барон, пусть и с компанией друзей. Мотнув головой, Тошильдер сказал севшим голосом:

— Это выше моих сил. Вражда начата не мной, не мне и прекращать! И земли принадлежат Тошильдерам по праву!

— О Севере можете забыть, теперь это мои земли. И я в курсе, как именно они оказались у вас, барон, так что не будем спорить. Уверен, лучше ваши дети получают то, что у вас останется, чем после вашей смерти эти земли отойдут кому-то другому. Например, мне. Я намерен осесть здесь надолго, так что — чем черт не шутит? Возможно, осиротевший надел достанется моим наследникам.

Тошильдер скрипнул зубами, пальцы сжались в кулаки, он был готов ринуться в атаку, но его удерживали нож и кинжал, прижатые к шеям близнецов. Баронесса начала приходить в себя, со стоном подгребла детей. Это движение заставило сэра Ирвина отказаться от необдуманного поступка. Он со свистом выдохнул сквозь стиснутые зубы, прошипел:

— Я могу пообещать тебе все, что ты потребуешь, но где гарантии, что ты и твои сообщники не убьют всех в этой комнате?

— Зачем мне это нужно, барон? Едва вы при свидетелях поклянетесь не лезть ко мне и отдать земли, я сразу же оставлю вас. Это мне нужно беспокоиться! Значит, поступим так: вы выходите из комнаты и говорите своим, чтобы освободили коридор и не путались под ногами. После мы с вами, ваша жена и дети и... мои товарищи двигаемся к дверям, потом — к воротам... Там, после заявления, что вы прекращаете нападки и возвращаете земли, я вас покидаю. Так что начинайте действовать, барон!

Тошильдер долгую секунду сверлил меня взглядом, потом отвернулся и направился к выходу. Что-то в его взгляде царапнуло, и я окликнул его:

— Только еще одно уточнение, дорогой барон: напишите-ка все, что от вас требуется, с подписью, с печатью. Благородные люди должны доверять друг другу, но что может быть надежнее, чем договоренность, закрепленная документально?

Было отчетливо слышно, как хрустнули его кулаки. Барон поиграл желваками, но бросаться в драку не спешил. Я вопросительно вскинул брови и спросил:

— Вам что-то не понятно, сэр Ирвин?

— Нет, теперь мне все предельно ясно... сэр червь!

Он запыхтел, шагнул вперед, но я в ответ только рассмеялся:

— Но это же и отлично! Давайте не будем затягивать, скоро проснутся ваши наследники, а мне не хочется их пугать.

Тошильдера вынесло в коридор, я ожидал хлопка дверью, но он прикрыл ее удивительно спокойно. Раздались приглушенные крики, удары, грохот, удаляющиеся шаги. Мне наконец удалось облегченно выдохнуть: от напряжения свело пальцы, сжимающие кинжал. Одним прыжком оказавшись у двери, я задвинул засов, уловив с той стороны разочарованный вздох, и подбежал к няньке. Старуха оказалась жива и даже относительно цела, по крайней мере, внешне, но оставалась в глубоком обмороке. Подложив ей под голову подушку, я снова отпер дверь и едва успел отскочить к кровати с баронессой и наследниками, как в коридоре снова

послышались шаги, и в покои наследников ворвался Тошильдер. С ходу швырнув мне скрученную в трубку бумагу, он проревел:

— Держи, чтоб ты подавился!

Я поймал документ, развернул, быстро пробежавшись по тексту. Все было верно, без подводных камней и словесных ловушек, здесь или еще не обучены таким хитростям, или барон просто не догадался, что такое возможно. Отлично.

— Теперь идите вниз, к выходу, и ждите нас там.

— Слушай, я слишком долго пляшу под твою дудку! Если сей же час...

Тошильдер ткнул в мою сторону толстым пальцем, но я оборвал его:

— Слушай сюда, дурак! Ставить условия будешь потом, хочешь — даже письменно, пригодится растапливать камин, а теперь пошел вниз, и заberi с собой всех, кто ждет в комнатах, если не хочешь, чтобы появились новые трупы!

Некоторое время мы ломали друг друга взглядами, наконец, барон вышел, на этот раз от души грохнув дверь. Близнецы немедленно проснулись, захныкали, от чего баронесса окончательно пришла в себя. Прижав детей к груди, она вжалась в спинку кровати, в ужасе переводя взгляд с меня на лежащую у дверей старуху. Я заговорил успокаивающе:

— Спокойно, благородная Хильдегарда! С нянькой все будет хорошо. И с вами, если будете делать все, что от вас требуется...

Баронесса быстро-быстро закивала, но едва я исчез, скрытый маскировкой, крепче прижала к груди младенцев и ринулась к двери. Пришлось встать на ее пути и снова стать видимым. Женщина шарахнулась в сторону, зашипела зло:

— Чертов ведьмак! Мой муж пустит тебя на ремни!

— Ваш муж проводит нас до ворот, баронесса. Идите, а мы двинемся следом, я и мои товарищи, благоразумно оставшиеся невидимыми. Если вы только попробуете сбежать...

Я не договорил, улыбнувшись хищно и предоставив ей самой додумать, что именно с не станет, попробуй баронесса сбежать. Скрывшись под маскировкой, вышел из покоев и осмотрелся. Двери в другие комнаты были закрыты. Заперты ли? Не особо важно, такую створку не распахнуть мгновенно, а там что-то придумаю.

Баронесса шла медленно, я видел, с каким напряжением она заставляет себя не смотреть по сторонам. Когда мы почти уже добрались до лестницы, крайняя дверь, та самая, за которой располагался чулан, отворилась, оттуда к женщине протянулись руки. Я не раздумывая пустил напряжение в перчатки, схватил за толстые пальцы, холодно сверкнуло, и воин рухнул хозяйке замка под ноги. Та вскрикнула, в чулане завозились, и я вытянул саблю из ножен на поясе мертвеца. Электричество наполнило клинок, с кончика сорвались искры, а я просто ткнул в фигуру, маячившую в зеленых сумерках. Вторая вспышка, и все было кончено. Правда, заряд просел уже на треть. Помявшись, снял маскировку: все равно с саблей в руках от нее нет толку. Под тяжелым разочарованным взглядом баронессы я крикнул:

— Сэр Ирвин, я предупреждал, чтобы на нашем пути никого не было? Двое ваших людей только что отправились в ад! Надеюсь, больше такого не случится!

— Я тоже! — прозвучало в ответ со слишком явным подтекстом, но мне было не до обострения. Подтолкнул баронессу, и мы пошли дальше.

К моей радости, больше никто не выскакивал из темных углов. Встретившись с Тошильдером, мы спешно пошагали через внутренний двор, где я все время ощущал между лопаток направленные мне в спину стрелы. С такого расстояния им не пробить комбинезон,

но все равно приятно было мало. Затем шли через город. Я натерпелся страху, любой момент ожидая нападения. Достаточно камня, сброшенного из окна, и на этом все было бы закончено, но барон верил, что я пришел не один, и впереди бежали воины с приказом освободить дорогу и не мешать. К тому времени, когда мы добрались до южных ворот, у меня практически не оставалось сил, последние уходили на то, чтобы удерживать саблю, не давая ей дрожать. Тело работало на износ под управлением микроботов, живот давно прилип к позвоночнику, во рту появился привкус желчи.

У ворот нас встретили двое воинов в легкой броне. Увидев меня, они схватились за мечи, но Тошильдер прикрикнул на них, и те отступили, взявшись отпирать калитку. Барон встал чуть в стороне, пока мы шли, он становился все мрачнее, теперь в его глазах горела злая решимость: он готовился напасть, если что-то пойдет не так.

— Вот вы и выбрались, сэр червь! Что собираетесь делать дальше?

— Покину город, — пожал я плечами. — Больше нам здесь нечего делать. Барон, вы оставляете впечатление благоразумного человека, но должен предупредить: с вами теперь всегда будут трое моих людей. Не беспокойтесь, они не будут мешать, вы их даже не увидите.

Я улыбнулся многозначительно. Тошильдер понял все правильно, скривился, но ответил почти спокойно:

— Я и не ожидал иного от проклятого колдуна.

— И последнее: думаю, никому не стоит знать, что я был здесь. Так всем будет проще.

С этими словами и кивнул Тошильдеру, баронессе, и скрылся в невидимости, бросив саблю. Когда за моей спиной с грохотом захлопнулась деревянная створка, ноги сами перешли на бег, а сердце забилося так, что закружилась голова: выбрался! Снова выбрался!

Барон не станет распространяться о причинах своего решения. Во-первых, из осторожности: он ведь считает, что в городе остались мои шпионы. А во-вторых, чтобы не навредить репутации и не отпугнуть торговцев. Еще бы! В самой неприступной крепости этой части империи хозяйничают ведьмаки! Даже если он решит выдать меня, последствия для Андерса все равно окажутся тяжелее. По крайней мере, очень хочется в это верить.

До лагеря добрался на остатках заряда. Хорошо помогло ночное зрение, я проскальзывал мимо постов так быстро, насколько было возможно, и вскоре оказался у своего шатра. С колотящимся сердцем проскользнул внутрь, взволнованно осмотрелся. Карат лежал на походной кровати в той же позе, в какой я его оставил, но одеяло размеренно поднималось и опускалось.

Пиктограмма в углу поля зрения показывала, что батарея вот-вот сядет, и я отключил маскировку. Быстро скинув комбинезон, надел доспехи, пристегнул ножны. Забросив под кровать кинжал и нож, вернулся к выходу из шатра, а затем, громко топая и шаркая ногами, пошел в сторону кровати. Ухватив разведчика за плечо, начал грубо трепать, а когда тот не отреагировал, прикрикнул, добавив в голос недовольства:

— Карат, какого черта ты тут развалился?!

Он всхрапнул, резко подобрался, на меня уставились покрасневшие глаза с набрякшими веками, поперек лица пролегал глубокий багровый след от подушки. Сфокусировавшись на мне, разведчик прохрипел:

— А? Что?.. Что случилось, господин?! И где я...

— Ты у меня в шатре! Изволишь дрыхнуть в моей кровати! — стоя перед ним, уперев руки в бока, я нахмурился и сказал обрекающе: — Залтану это все очень не понравится.

Карат вскочил, но тут же упал: подвели ноги. Теперь он стоял передо мной на коленях, опустив голову. Я ожидал, что он начнет оправдываться, что-то объяснять, находить отговорки, но ошибался. Голос оставался таким же хриплым, когда разведчик сказал:

— Я не понимаю, как такое могло получиться, господин, но оправдываться не собираюсь. Если на то воля Солнца, значит, мне противиться не с руки.

Помолчав несколько долгих мгновений, я заговорил, растягивая слова, словно в сомнениях:

— Ты верный человек и храбрый воин, Карат. Но что еще важнее — умеешь отвечать за свои проступки. Признаюсь, сначала я был поражен увиденным: воин, приставленный следить за моим благополучием, спит в господской кровати!.. Но понимаю: ты уже не молод. Ты просто устал... нет, смертельно устал. А увидев, что меня нет в шатре, решил, что в лагере со мной ничего плохого не случится, и можно подождать тут. Скажи, так и было?

Как и ожидалось, старый воин ухватился за предложенную идею. Замедленно кивнув, он подтвердил:

— Да, господин. Я вошел, вас не было на месте, а потом вдруг закружилась голова, и я... Но перед этим я увидел... Да, что-то блестело под вашей постелью, и я решил проверить...

Карат стремительно обернулся, сунулся под кровать, вернулся, держа в руках кинжал. Я едва не отскочил, настолько это оказалось неожиданным, спросил грозно:

— Что это ты задумал?

Карат ответил не сразу, он часто моргал, переводя взгляд с кинжала на меня и обратно.

— Я мог бы поклясться, что видел там что-то еще... Доспехи?.. Словно в тени затаился враг и ждет момента...

— А это оказался всего лишь мой кинжал. — Я отобрал оружие и пристегнул к поясу рядом с мечом. — Но ты очень внимателен и осторожен. А теперь можешь идти, до рассвета

есть еще время, и мне хотелось бы тоже немного поспать.

Разведчик вскочил, склонился передо мной еще ниже. В голосе его ясно звучала глубокая благодарность:

— Конечно, господин! Я буду сразу за порогом, если вам что-то понадобится — только крикните!

Я проводил его, а потом рухнул на кровать, не снимая доспехов, только отстегнул оружие и бросил рядом с собой на землю. Спать хотелось ужасно. Разведчик будет молчать. Здесь, как и с Тошильдером, сыграет гордость: немолодой уже воин не сумеет признаться, что тело его подвело, и не в бою, а в лагере. Так что можно считать, что мое ночное отсутствие останется незамеченным. А вопросы с городом будем решать утром. С этой мыслью я провалился в сон.

Утро пришло неприятно быстро. Кажется, еще минуту назад я закрыл глаза, и вот уже по лагерю трубят побудку. Поднявшись с кровати, злой, невыспавшийся, всклокоченный, я кое-как поправил сбившиеся доспехи и вышел из шатра. Рассвет еще только начинался, на горизонте багровели облака, а вокруг все уже пришло в движение. Деловито сновали воины, от костров доносились запахи каши и мяса, во влажном воздухе дым стелился низко. Зябко передернув плечами, я поспешил к командному шатру.

Все уже были на месте, зевали, едва не раздирая рты, но голоса звучали бодро, даже у Севера и Эббета, явно накануне засидевшихся за кувшином вина. А то и парой кувшинов. Залтан и Озомат сидели за столом и о чем-то негромко переговаривались. Судя по виду, эти точно не сомкнули глаз, к тому же весь стол оказался завален обрывками бумаги со схемами, а фитиль светильника уже едва тлел на остатках масла.

— Думаю, нам удалось составить план осады, — заговорил Озомат, когда все расселись по местам. — Если все пойдет, как задумано, мы сумеем продержаться до подхода людей Севера, а потом уж можно будет атаковать.

Дальше они с Залтаном принялись объяснять, что именно пришло им в головы. По рукам пошли планы и схемы, довольно толковые и понятные. Бароны согласно кивали, оживились даже Север с Эббетом, до того сонно клевавшие носами. Я старался вникать во все детали на случай, если барон Тошильдер решит отступить от своих слов. Думать о том, что сэр Ирвин выдаст меня, как ведьмака, категорически не хотелось. Однако, едва мы закончили с обсуждением планов, и в шатер потянулись слуги с завтраком, снаружи зазвучали взволнованные голоса, крики, и на пороге появился растерянно хлопающий глазами дозорный.

— Господа, там это... такое... такое случилось!

— Что там случилось? — переспросил Залтан, остальные просто уставились на пришедшего. Тот сперва растерялся под взглядами баронов, а потом выпалил:

— Гонец от Тошильдера! Говорит, принес мировую грамоту!

Нас словно ураганом вынесло из шатра. Впереди неслись Залтан и Север, последний восклицал что-то злорадное, а вот на лице Залтана ясно читалось недоверие. Когда до границы лагеря оставалось совсем ничего, перешли на шаг и перед гонцом появились уже лениво, Кристофер и Айван даже позевывали напоказ, а Фарук изображал, что невидимая пылинка на кружевах манжета волнует его сильнее, чем какая-то там мировая.

Меня пропустили вперед, я подошел к почтительно склонившемуся гонцу, голос которого, однако же, звенел холодным презрением:

— Сэр Томас, барон Тошильдер велели передать вам договор о мирном разрешении

этого... незначительного недоразумения. С величайшим уважением вручаю вам грамоту с его предложениями.

Я удивленно хлопал глазами: незначительное недоразумение? Предложения? Появилось вдруг неприятное ощущение, что опомнившийся к утру сэр Ирвин решил переиграть ночные договоренности. И теперь мне его не достать! Однако, развернув бумагу, я убедился, что барон — человек слова. Ну, или мне удалось напугать его достаточно сильно. В тексте было подробно изложено, что именно и в какие сроки Тошильдер подарит — именно подарит! — барону Ромму, чтобы никогда больше не видеть того на своих землях. И список впечатлял: в него входило все, ранее отобранное обманом, шантажом или прямыми нападениями у Магаттов, барон торжественно обещал отозвать своих провокаторов и шпионов, а кроме того, заключал с бароном Роммом личный мир. Вот так. Поймав мой удивленный взгляд, гонец сказал с ледяным спокойствием:

— Непременное условие заключения мира от моего господина: вы должны отвести людей не позже полудня, а так же оплатить восстановление уничтоженных построек и упущенную выгоду за срок с начала осады идо окончания работ.

Я восхищенно посмотрел в сторону города. Каков хитрец, а?! Он же меня переиграл! И как красиво! Мол, это не ты стоял, держа нож у горла моих детей, угрозами вырвав победу, а это я сам отдаю тебе ненужное, лишь бы не видеть твое рыло! Но мне и так хорошо. Будь мои представления о чести такими же, как у большинства в этом мире, мне стоило бы сейчас встать в красивую позу и объявить во всеуслышание, что не приму ничего из рук врага и прочее в том же духе. А сам Тошильдер пожмет плечами — он предлагал мир! — и после спокойно и с расстановкой в ходе затяжных боев выбьет войска баронов, а меня выставит агрессором. Нет уж, мир, значит, мир!

Гонец, не дожидаясь ответа, вскочил на коня и с гиканьем пустил его в галоп, подняв облако пыли. В тот же мигменя окружили бароны, хлопали по плечам, кричали что-то одобрительное. Не ликовал только Залтан, он стоял чуть в стороне, не сводя с меня тяжелого взгляда. Смотри-смотри, тут ко мне не подкопаться: мои предположения о причинах мира примет даже глуповатый Север! Потом меня под руки отвели в командный шатер, где начался радостный допрос. Мне даже не пришлось изображать смятение, настолько я был оглушен общим вниманием. Предложив баронам свою теорию, зачем Тошильдеру нужен этот мир, дальше я мог просто молча слушать, как в обсуждении она обрастает деталями. Под конец даже Залтан и Озомат переглядывались уже вполне дружелюбно, а потом по очереди похлопали меня по плечам.

— Поздравляю... гхм... с победой, сэр Томас! — сказал Залтан со сдержанной улыбкой. — Хоть это и не совсем победа, но все же!

— Будет тебе! — укоряюще обратился к нему Озомат. — Нет бы порадоваться за молодого барона!

— Слишком легко далось! В следующий раз сэр Томас может не рассчитать силы и обломаетзубы!

Озомат скривился, набрал воздуха для ответа, и я поспешил убраться подальше от начинающегося спора. Остальные передавали из рук в руки грамоту, вслух перечитывая пункты, толкали друг друга локтями, со смехом озвучивая особо понравившиеся моменты. Особенно громко раскатывался Север, перечитывая список земель, отошедших под мою руку. Старательно показывая, что всего лишь шутит, он прокричал:

— Знал бы я, сэр Томас, что можно так легко отобрать Магаттову собственность, не

спешил бы продавать!

— Все крепки задним умом, барон! — ответил я ему в тон. — Но если хотите, могу отдать вам обратно все по списку!

Мне на мгновение стало страшно: вдруг он согласится? Но лишь на мгновение, все-таки изучить простодушного Севера я успел хорошо. Барон в притворном испуге выставил перед собой руки:

— Что ты! Что ты! Это теперь твоя головная боль!

Эйфория от легкой победы витала над лагерем, но Залтан не дал всем слишком долго ей наслаждаться. Велев мне написать бумагу с официальным подтверждением мира, он скомандовал воинам сворачивать лагерь. Уходили неспешно, отправив вперед обозы, провожаемые взглядами со стен. По словам гонца, Тошильдер в ярости перевернул стол и долго топтал ногами серебряную посуду. Собравшаяся для обсуждения обороны знать хранила гробовое молчание, а его жена, баронесса Хильдегарда, побледнела и закричала что-то о том, что ее муж — червь, не способный защитить семью. Гонцу только чудом удалось выбраться из замка.

Снова успех. Конечно, барон Тошильдер не оставит все так, как есть, от него стоит ждать новых неприятностей, к тому же предстоят траты: на ремонт уничтоженного, раз уж сам согласился, и Северу хотя бы за те земли, что получил непосредственно от него. Но это позже, а теперь нужно поглядеть, что мне досталось. Догнав Залтана, Озомата и Севера, я обратился к последнему:

— Так ты говоришь, что Северное раньше не было центральной усадьбой?

— Когда это я какое говорил? — удивился тот. — Но да, родовое гнездо у меня в Белоречье, там же и большой дом, по сравнению с которым тот, что в Северном, все равно, что собачья будка! А еще пять деревень вокруг, жирные, многолюдные. А что, не терпится посмотреть?

— Конечно! Нужно же узнать, что там, может, сэр Ирвин спихнул мне негодные земли, которые на самом деле ничего не стоят!

Мы попрощались с Залтаном, я махнул рукой умчавшемуся далеко вперед Озомату, и мы, взяв с собой небольшой отряд в два десятка воинов, свернули на перекрестке на дорогу, ведущую в Белоречье. Широкая, хорошо утоптанная, было видно сразу, что пользовались ей часто, лес отступил на полет стрелы в обе стороны, вместо него тянулись поля. Север крутил головой так, что трещала шея, наконец, сказал с уважением в голосе:

— Тошильдер, конечно, тот еще урод, но в хозяйстве силен, да. Я помню, как вел здесь войско. Дорога тогда была ужасная, но оно и понятно: к соседу ведет! А теперь не только целый тракт, а еще и земли вдоль него в деле!

Я промолчал, ведь Север говорил очевидные вещи. На пару секунд вдруг стало стыдно, что ободрал такого делового человека, но лишь на пару: этот деловой, не отбей такому рога, рано или поздно подгребет под себя всю округу. Так что ошипать сэра Ирвина точно стоило.

Ехали не торопясь. Я жмурился, подставив лицо утреннему, еще не жаркому солнцу, и не сразу услышал приближающийся грохот копыт. Обернувшись, уже привычным движением схватился за рукоять меча, воины, двигавшиеся в арьергарде, разворачивали коней, в руках блестело железо, но на дороге в облаке пыли показался одинокий всадник. На нем не было доспехов, а за спиной развевался плащ в цветах барона Тошильдера. Воины подали коней в стороны, на всякий случай не убирая оружия, а мы с Севером ждали, пока гонец поравняется с нами. Тот придержал коня, крикнул издали:

— Благородные бароны, прошу меня простить, но я скачу не к вам! Мне велено доставить в Белоречье и другие деревни весть, что их земли теперь принадлежат другому хозяину!

Мы расступились, пропуская гонца, и Север зло сплюнул, глядя тому вслед:

— Слышал?

— Ты про их земли и другого хозяина? Думаю, сэр Ирвин не мог удержаться и не плюнуть нам в спины. Скорее всего, гонец предложит жителям перебраться в окрестности Андерса.

— И гадать нечего, так и будет! И найдутся те, кто уйдет!

Мы поскакали дальше. Поля все тянулись и тянулись, от них уже рябило в глазах, и эта рябь вызывала глухое раздражение. Наконец, впереди показалась и начала увеличиваться колокольня. За ней выплывал частокол, кроны деревьев, крытые соломой дома. Над дорогой поднималась пыль от телег. В первый момент я напрягся, но решивших остаться с прежним хозяином оказалось не слишком много, не больше трех-четырех семей. Мы остановились на обочине, воины растянулись вдоль дороги, освобождая проезд.

Лошади сельчан едва тянули нагруженные сверх меры телеги. Возницы и идущие пешком смотрели настороженно, ребятня выглядывала из-за спин, тут же испуганно прячась. Я представил, как все это выглядит с их стороны: вооруженные люди заняли позиции и только и ждут, чтобы напасть.

— Вы из Белоречья? Я новый хозяин этих земель.

— Местные они, — кивнул Север. — Вон того помню, староста. Со всей родней уезжает. Эй, Степан, никак решил к Тошильдеру бежать?

Последние слова предназначались крепкому старику, держащему вожжи головной телеги. Седая борода аккуратно пострижена, короткие волосы зачесаны на пробор, полотняная рубаха сзатейливым узором. Да и остальные одеты добротнo, видно, село богатое. Мешки на телеге не помещаются, свисают с бортов. Да и остальные сельчане одеты хорошо, сразу видно, что село богатое. Названный Степаном запыхтел, глядел исподлобья, но все же поклонился:

— Мой выбор! Мы к земле сроду не привязанные!

Родня за его спиной одобрительно загудела, один смельчак даже крикнул что-то оскорбительное, но тут же скрылся с глаз. Я жестом призвал всех к тишине, сказал, повысив голос, чтобы слышали даже у стоящих позади телег:

— Вы можете ехать. Но хочу, чтобы каждый знал: обратного пути не будет, а если узнаю, что из вас кто-то — преступник, на которого не смогли найти управу при старом хозяине, найду и накажу.

Махнув воинам, я пустил коня по обочине, объезжая сгрудившиеся посреди дороги телеги и провожающих недовольными взглядами людей. Отряд двинулся следом. Север нагнал, когда переселенцы остались позади, прорычал, продолжая оглядываться:

— У Степана на телегах половина добра нажита обманом. Добрый ты! Я бы не сдержался, отобрал, пусть катится, куда хочет, но босиком!

Больше по дороге никто не встретился. Ворота в Белоречье оставались распахнутыми настежь, я пустил коня по главной улице, мощеной булыжником, Север и воины втянулись следом. Здесь нас уже встречала целая делегация. Мужики в чистых праздничных рубахах, тщательно расчесанные, бабы в цветастых платьях, дети с наспех вымытыми лицами. Мы остановились, не доезжая до сельчан метров десяти. На минуту над улицей повисла напряженная тишина, пока наконец, растолкав толпу, вперед не вышел кряжистый мужик с черной, совершенно разбойничьей бородой от самых глаз. Взглянув на меня из-под тяжелых надбровий, он сказал громко, чтобы слышали все:

— Приветствуем господина в Белоречье! Уже наслышаны, наслышаны! Жаль, встречать можем только вот так, у нас староста ушел! — мужик развел руками. — Но тут уж мы ничего поделать не могли. Так что пока без головы, не сердчайте!

— А ты кто такой будешь? — спросил я.

— Я-то? Казимиром кличут. Кузнец тутошний.

Ну, об этом я мог бы и сам догадаться. Толстые руки, широкие плечи и шея такой толщины, что просто так не задушишь. Он переоделся, надел рубаху с вышивкой, но в бороде виднелись подпалины, а на коже — свежие ожоги. Я спустился с коня, пошел к толпе встречающих. Люди перешептывались, толкали друг друга локтями, дети смотрели во все глаза. Поравнявшись с кузнецом, сказал:

— Не вижу, почему нас должно беспокоить отсутствие старосты. Всегда можно назначить нового.

Я обвел взглядом толпу. Люди вертели головами, шепот стал громче, кто-то в задних рядах крикнул, но тут же замолчал. Казимир уставился на меня, как на говорящую мышь:

— Без этого никуда! Вот только некого, Степан у нас лет тридцать главным был, и кого вместо него ставить теперь, непонятно.

К нам подошел спешившийся Север, кивком поприветствовал кузнеца. Я обернулся к нему и поинтересовался:

— Ну, и как нам быть?

— Не знаю, меня тут слишком долго не было. Но вот помню, что Казимира многие слушают.

— Да? Тогда так и решим, — я повернулся к кузнецу. — Теперь будешь новым старостой. Или у кого-то есть свои предложения?

Последнее я спросил у сельчан. Те одобрительно загудели, люди кивали, кто-то хлопал новоиспеченного старосту по плечам, тот растерянно хлопал глазами, затем собрался с силами и горячо зачастил:

— Не могу я, господин! Не дорос еще! Да и не мое это, мне бы руками... Не могу!

— Можешь! Справишься! — раздались в ответ крики. — Степан только на власти старого барона держался, а тебя мы поддержим!

— Вот тебе и ответ. — Я подошел ближе, с силой хлопнул Казимира по плечу. — Теперь показывай, как тут и что. А вы, — это уже к остальным, — пока разместите воинов!

Народ начал расходиться. Некоторые подходили, низко кланялись, другие издали кричали, поддерживая Казимира, кто-то увел коней, остальные окружили прибывших с нами, решая, кого куда определить. Нас же с Севером Казимир повел по селу. Булыжная

дорога выходила на просторную площадь, но не останавливалась там, а, проскочив Белоречье, уходила через поля к лесу на горизонте. С одного края площади расположилась высокая толстостенная церковь с витражными окнами и сияющим на шпиле солнцем. Обе створки похожих на ворота дверей были распахнуты, оттуда вышли и встали на ступенях двое в черных рясах с золотой вышивкой. Напротив высилась башня, окруженная стеной, по сравнению с которой находящаяся в Северном казалась просто игрушечной. Конечно, ей далеко было до настоящей городской, но размеры впечатляли.

— А вот и фамильное гнездо Магаттов. — Север указал на башню. — сколько же я здесь не был?

Казимир обогнал нас, грохнул кулаком в толстые доски калитки в воротах:

— Открывайте, улитки рогатые! Хозяева прибыли!

Я увидел, как у Севера дернулась щека, но тот быстро справился с собой. С той стороны забегали, свистнул в петлях засов, и ворота распахнулись целиком. Дворовые мужики низко склонились, пропуская нас внутрь. Север повел рукой, я кивнул, показывая, что понял его, и ступил на камни двора.

Двор оказался намного больше, чем в Северном. Здесь нашлось место не только для конюшни, но и для сразу двух домов для прислуги и длинной казармы, сейчас пустой, они жались к стене, чтобы оставить как можно больше места. Колодец нашелся с противоположной стороны, с высокими каменными бортами и настоящей цепью вместо веревки. Башня занимала всю центральную часть. Квадратная в основании, со стороной метров в десять, она тянулась вверх на три этажа, а на самом верху виднелись частые зубцы. Вместо окон на первом уровне были узкие бойницы, настоящие начинались со второго и были забраны толстой решеткой, из-за которой замечательно было колоть копьями атакующих.

Поднявшись по ступеням, вошли внутрь. Здесь фантазия архитекторов тоже особо не разгулялась, мы прошли по этажам, почти один в один повторявшим планировку усадьбы в Северном, за исключением размеров и еще одного этажа, на котором обнаружили гостевые комнаты, целых шесть по обе стороны башни. На хозяйском этаже было заметно, что барон часто бывал здесь со всем семейством. Кровати застелены, в каминах уложены дрова, которые останутся только поджечь. Нашелся и кабинет, на удивление уютный и обжитой. Полки заняты книгами, в основном, насколько удалось разобрать при беглом осмотре — по военному и торговому делу. Исписанные быстрым неразборчивым почерком листы были уложены в ящик стола, там же нашлась чернильница и железное перо.

После осмотра мы спустились в каминный зал. Стол и стулья, ковры на полу, картины на стенах, но в отличие от усадьбы в Северном — новые, а на картинах все больше пейзажи. Явно тут уютом командовала баронесса. Мы с Севером выдвинули загнанные под столешницу стулья, уселись, моментально все понявший Казимир протопал в сторону людской, почти сразу вернулся и доложил:

— Сейчас притащат вина и чего-нить перекусить господам баронам.

— Ты тоже с нами садись, — указал я на место напротив, — разговор будет.

— А я чего? Я человек маленький, — забубнил себе под нос кузнец, но стул выдвинул. — У нас тут над всем Степан командовал, так что с остальных спроса никакого, так себе и учтите, хозяин!

Он зыркнул из-под густых бровей, глаза, которым оставалось совсем немного места между ними и дикой бородой, смотрели серьезно и даже с предупреждением.

— Невиновных не трогаю, — ответил я жестко. — Да и как тут все устроено, уже более-менее понимаю, так что будь спокоен.

Казимир понял меня по-своему, поклонился в ответ, коснувшись бородой стола:

— Оно и хорошо, господин, люди у нас тут работающие, все своими руками приучены добывать, живем дружно...

— А что же тогда позволили Степану себя обирать? — спросил Север. — Если такие дружные?

— Этот вопрос пока оставим, — отрезал я, потом обратился к Казимиру: — Что было, то было, никого за старое преследовать не буду, но взамен потребую, чтобы работали так же хорошо, если не лучше, чем раньше, так всем и скажи! И отправляйся принимать дела, завтра мне нужен полный отчет, как и что тут делается. Понял? Тогда иди.

Бывший кузнец снова заморгал растерянно, двинулся к выходу неровным шагом, потом вдруг остановился, до нас донесся резкий выдох. Казимир неожиданно выпрямился, надулся, что при его размерах выглядело устрашающе, и вышел, уверенно топая подкованными сапогами. На дворе загремел его мощный бас, и даже закрывшаяся толстая дверь не смогла его отсечь полностью. Когда мы остались одни, я спросил у Севера:

— Как думаешь, правильного я человека поставил?

— Меня давно тут не было, — поморщился Север, — но если народ поддерживает, то почему нет? Ладно, пора мне обратно.

Он поднялся из-за стола, я встал следом. Выйдя на двор, Север крикнул, чтобы подали коня, потом сказал:

— Не думал, что когда-нибудь снова тут побываю.

— Хочешь — забирай, — я пожал плечами. — Родовое гнездо, как-никак.

— Нет! — ответил Север, мотнув головой. — У Магаттов таких гнезд по всему континенту разбросано... — он усмехнулся. — Договорились уже: забрал — теперь твое, только сумей удержать!

Подвели коня. Север вскочил в седло.

— Оставляю воинов в гарнизоне, завтра-послезавтра еще приведем, так что все будет в порядке!

— Скачи, — ответил я, — и возвращайся с остальными, будем праздновать!

Север вскинул руку, прощаясь, я ответил тем же, и конь галопом вырвался за ворота.

До вечера я успел переделать прорву дел. Разместил воинов в казарме, с проверкой обошел село, ремесленников, среди которых нашелся даже вполне толковый ювелир, заглянул в церковь и пообщался со святым отцом и служкой, проверил, как дела с переездом у Казимира... Когда наконец надвинулись сумерки, наскоро поужинал и поднялся в хозяйскую спальню. Тут уже успели сменить постель, так что я просто упал на простыни прямо в одежде и заснул в момент.

Следующий день также прошел в хлопотах. Казимир, удивительно быстро освоившийся в новом качестве, явился, чтобы узнать о распоряжениях. Я рассказал, что сегодня или завтра ожидаются гости, и тот обещал, что все будет в лучшем виде. Потом долго и основательно мыли и чистили все в башне. Служанки были сплошь тихие и спокойные, не то что в Северном, но оно и понятно: с баронессой других тут и быть не могло.

К вечеру потянулись гости. Сперва прибыли еще три десятка воинов, судя по лицам, все бывалые, следом прискакали Эббет и Фарук, уже слегка навеселе. Смеясь, доложили, что проверят винный погреб, где и скрылись. Следом появились Кристофер и Айван, эти сразу

отправились проверять арсенал и как расположились бойцы, оказавшиеся людьми первого. Залтан и Озомат прибыли последними в сопровождении Севера. Неожиданно с ними оказались еще двое: на мощном рыжем коне возвышался довольно улыбающийся в седую бороду Велимир Нордтео, а позади него на белой тонконогой лошадке сидела совсем юная девушка. Вскинув длинные ресницы, она робко посмотрела на меня, а поймав ответный взгляд, тут же потупилась и покраснела.

— Надеюсь, мы не рушим каких-то ваших планов, сэр Томас? — весело прокричал Велимир. — Едва до меня дошли слухи, что вы разобрались с нашим грозным соседом, я сразу отправился засвидетельствовать свое почтение, а благородные бароны взяли меня проводить!

Он тяжело выбрался из седла, я шагнул к белой лошади, подал девушке руку. Та приняла помощь, покраснев еще сильнее. Огненно-рыжая, длинные волосы собраны в скрученную на голове венком косу. Отливающие медью брови над зелеными, как трава, глазами, веснушки, ставшие еще четче на горячей коже. Когда девушка оказалась на земле, выяснилось, что ее макушка едва достигает моего подбородка.

— Знакомьтесь, сэр Томас! — подошедший к нам Велимир повел рукой в сторону девушки. — Маряна, моя дочь! Она слишком много времени проводит за чтением романов, к тому же, у нас особо некуда ездить, так что я не мог упустить момента, ха-ха-ха!

Я встретил его хитрый взгляд, слабо улыбнулся. Старый лис уже прочитал на моем лице все, и теперь наверняка мысленно потирал руки. Еще бы! Дочь подросла, а тут молодой перспективный сосед! Я жестом пригласил семейство Нордтео в дом, сам пошагал к дверям, ведя едва держащуюся кончиками пальцев за мою ладонь и просто полыхающую румянцем Маряну. Велимир шел позади, и я чувствовал его довольный взгляд между лопаток.

Бароны уже собрались в каминном зале. Вездесущие Фарук и Эббет, пропахшие вином стояли под стеной и изучали какое-то особо крупное полотно, остальные собрались вокруг Севера, который увлеченно рассказывал о детстве в Белоречье. Когда мы появились в зале, повисла звонкая тишина. Присутствующие, за исключением, разве что Озомата и Залтана, уже насмотревшихся на дочь барона, восхищенно молчали. Только Фарук тихо присвистнул и подобрался, глаза сверкнули охотничьим азартом.

— Мои соседи: сэр Велимир Нордтео, барон Актанский, — представил я гостей, — и его дочь Маряна. Прибыли...

— Засвидетельствовать почтение такому сильному владельцу земель! — мягко перебил меня Велимир, видя, что я замялся. — Но вы не обращайтесь внимания на старика, господа! Не обращайтесь!

Слуги проворно накинули на стол скатерть, начали расставлять блюда, даже на неискушенный взгляд гораздо более разнообразные, чем в Северном. Сразу видно, любил Тошильдер поесть. Появились кувшины с вином, Эббет сразу подтягивал их к себе, нюхал, едва не ныряя всей головой, довольно похихатывал, толкал локтем сидящего рядом Фарука. Вдвоем они перетянули к себе четыре или пять кувшинов, и теперь хищно осматривали стол, выискивая самые сочные куски. Айван и Кристофер внимательно слушали сидящего по левую руку от меня Велимира, что, несмотря на просьбу не замечать его, все же успел влиться в компанию молодых баронов. Дочь он предусмотрительно усадил между нами, целиком вверив ее моему присмотру. У девушки уже пылала и шея, и все мои попытки как-то разрядить обстановку делали только хуже. Наконец, я оставил ее клевать какие-то ягоды и салат и отвлекся на происходящее за столом.

Залтан, на удивление довольный и жизнерадостный, отсалютовал мне с дальнего конца стола, улыбнулся понимающе и громко провозгласил:

— Хочу поднять тост за нашего друга, несмотря на юность, уже сумевшего проявить себя!

Он поднялся, сидящие рядом с ним Север и Озомат последовали его примеру. Когда остальные бароны заскрипели отодвигаемыми стульями, пришлось встать и мне. Когда на месте осталась только достойная Марьяна, Север проревел:

— Я всегда считал, что только Магатты сумасшедшие, но сэр Томас переплюнул всех, кого я знаю! Малыми силами подавить восстание и принудить Ирвина к миру — это надо же! За тебя!

Он тоже вскинул кружку, бароны взревели одобрительно. Я почувствовал, что сам начинаю заливаться краской, ответил поспешно:

— Ну, если уж быть совсем честным, то среди осаждающих Андерс моих воинов считай что и не было, так что это ваша победа, благородные бароны. А с бунтом мне просто повезло...

— Всем бы так везло! — перебил Север, и остальные согласно закивали. — Хватит прибедняться, лучше выпей вина!

Мы подняли тост, и вино оказалось на удивление хорошим. Дальше вечер пошел своим чередом, бароны ели, пили, я тоже поддался общей атмосфере праздника и даже начал получать от происходящего удовольствие. Марьяна так успешно притворялась, что ее нет, что я вспоминал о ней, только наткнувшись взглядом на ее рыжую макушку, тут же спохватывался, подкладывая еще салата, от чего она вспыхивала, как маленький счастливый фонарик.

Когда в голове уже начинало шуметь, ко мне вдруг склонилась одна из служанок и заговорила смутно знакомым голосом:

— Хозяин, не пора ли вам освежиться?

Я бросил на нее беглый взгляд, тут же обернулся, удивленно моргая: рядом со мной стояла ведьма! В чепце, строгом синем платье с белоснежным передником она была почти неотличима от сновавшей вокруг прислуги. В огромных синих глазах затаился смех, когда она поклонилась и торопливо пошла к выходу их каминного зала.

С колотящимся сердцем я выждал минуту, затем вытряхнул на тарелку Марьяны еще несколько листьев, поднялся и вышел. В коридоре остановился: куда она могла пойти? В людскую? Нет, слишком опасно. Входная дверь была неплотно притворена, оттуда тянуло прохладным ночным воздухом. Я подошел к ней, толкнул, выходя на улицу. Вдали у одного из домов прислуги слабо колыхнулся фонарь, значит, мне туда. Дверь была распахнута настежь, я вошел внутрь, притворил ее за собой, а свет уже мелькал на лестнице, ведущей на чердак.

Ступени заскрипели, я выбрался под еще хранящий дневное тепло, пропахший сеном и старым деревом свод, остро жалея, что не могу сейчас пользоваться ночным зрением. Ведь на самом деле откуда мне знать, что ведьма пошла именно сюда, а я не попался в ловушку?

Я неуверенно шагнул вперед, протянутая рука вдруг коснулась чего-то обжигающего и податливого. В следующее мгновение горячее тело прижалось ко мне и оборвало готовый сорваться с губ вопрос страстным поцелуем.

Ведьма исчезла так же незаметно, как появилась. Я на мгновение почувствовал касание индукционного поля, погруженный во мрак чердак расцвел оттенками зеленого. Тонкая стройная фигура склонилась надо мной, лежащим на сене, горячая ладонь опустилась на грудь.

— Мне пора. — Она двинулась к лестнице, обернулась перед тем, как спуститься. — Я забрала комбинезон, нужно его зарядить. Увидимся.

Она тепло улыбнулась. Никакого ерничания, делового тона, только мягкость в лице и движениях.

— Постой! Я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут!

Ведьма начала спускаться. Еще секунда — и мир вокруг снова погас, и из темноты раздался ее голос:

— Аврора. Можешь звать меня Авророй.

Воздух на чердаке пришел в движение, когда внизу беззвучно открылась дверь. Я на ощупь нашел одежду, торопливо оделся и тоже поспешил убраться из дома для прислуги.

В каминном зале если и заметили мое отсутствие, то не придали значения: слишком часто я покидаю общие застолья. Только Велимир посмотрел вопросительно, а Маряна — с какой-то детской обидой, но никто за столом не спросил, где же меня носило, и семейство Нордтео быстро успокоилось.

Расходились по гостевым комнатам далеко за полночь. Я беспокоился, что на всех не хватит мест, но бароны снова, как и в Северном, разбрелись, кто куда. Из-за дверей людской раздавались веселые голоса Фарука с Эббетом и, совершенно неожиданно — спокойного обычно Кристофера, остальные потянулись к воротам. Оставалось разобраться с соседями, что я и сделал, приказав прислуге подготовить две гостевые комнаты.

Когда я уже скинул камзол, в дверь постучали. На мгновение я представил, что в коридоре стоит Маряна, в одной ночной рубаше, тяжелые медные волосы свободно выются по плечам... Стук повторился, деликатный, но отчетливо мужской. Я вздохнул — какого черта? — и повторил вслух, немного смягчив:

— Если у вас какие-то вопросы, дождитесь утра!

Я ожидал удаляющихся шагов: будь у прислуги что-то неотложное, в дверь бы молотили, а не скреблись, но в ответ услышал приглушенный голос Велимира:

— О, простите, мой друг! Не подумал, что уже так поздно!

Выдохнув и досчитав до десяти, я взялся за ручку. Велимир смотрел слишком радушно, ожидая, пока я его впущу. Мне оставалось только посторониться, и старый лис оказался внутри.

— Вечер закончился слишком рано, не находите? — спросил он, и я с запозданием увидел в его руках кувшин и пару простых медных кубков. Поставив на стол принесенное, барон со скрипом вытащил табурет и тяжело опустился на него. Только теперь я сообразил, что Велимир основательно пьян.

— Да? А мне показалось, как раз вовремя. — Я пододвинул стул, сел напротив, глядя, как сосед возится с сургучом на пробке. — Если вы хотели о чем-то со мной поговорить, то было совершенно не обязательно приносить вино!

Он кивнул, виновато пожал плечами. Со вздохом отобрал кувшин, я с помощью ножа за

пару секунд расправился с пробкой, плеснул себе и барону на самое дно. Велимир укоризненно покачал головой, снова завладел вином и налил себе до краев.

— За наше — такое удачное — знакомство!

Велимир одним длинным глотком осушил кубок. Я молчал, ожидая, когда барон перейдет к делу, и тот заговорил, стерев ладонью капли с усов и бороды:

— Вижу, что мое присутствие вас тяготит, сэра Томас... Но я не займу у вас много времени. Мне хотелось поговорить с вами раньше, но вы сперва куда-то пропали... — он сделал паузу, и, не дождавшись ответа, продолжил: — А потом мы все увлеклись разговором, и стало совсем не до этого.

Он налил себе снова, скорее, собираясь с мыслями, чем для того, чтобы выпить. Я по-прежнему не проронил ни слова, только смотрел с умеренным интересом. Наконец, Велимир продолжил:

— Знаете, сэра Томас, я старый вдовец, жены не стало, когда Маряна была совсем маленькой. — Он тяжело вздохнул. — Вы не знаете, каково это, остаться с ребенком на руках! Но я справился. Считаю, что даже сумел вырастить дочь, как подобает. Баловал, да, не скрою, может даже слишком баловал, но какова красавица, а?

Велимир поднял кубок, посмотрел на меня с гордостью, словно приглашая подтвердить его слова. Я с небольшим опозданием кивнул:

— Да, она... довольно воспитанная молодая девушка.

Сосед скривился, махнул рукой:

— Воспитать можно и кобылу, дорогой друг! Вы лучше посмотрите, какой она выросла красавицей!

Здесь я тоже не мог не согласиться, но, когда барон влил в себя новую порцию вина, спросил напрямую:

— Послушайте, Велимир, мне кажется, я догадываюсь, зачем вы пришли. Давайте я изложу дальнейший ход беседы: годы ваши близятся к закату, и вы боитесь, что Маряна останется без защиты. Потому и примчались сюда, едва узнав, что я не просто молод и с головой на плечах, но и достаточно смел, силен, а теперь и богат, и лучшей партии для вашей дочери не найти, я прав?

— От и до! — нисколько не смутился барон. — Таков уж мир, что держаться нужно сильных, а если они еще и лично тебе приятны, то держаться вдвойне!

Я побарабанил пальцами о столешнице. Грубый мир, жесткие люди, но другого нет. Сколько Маряне? Лет семнадцать-восемнадцать, по меркам общества, к которому я принадлежал десять веков назад, совсем ребенок, но здесь ей уже давно пора замуж. Перед глазами встали пронзительно зеленые глаза, веснушки, румянец. Велимир хитро щурился поверх кубка, он уже понял, что я принял решение, так что я сказал из чистого противоречия:

— Но с чего вы решили, что это нужно мне? Как вы заметили, я молодой, а теперь еще и зажиточный, так что могу перебирать, сколько заблагорассудится.

— Ваше право, барон. — Улыбка на лице соседа стала чуть менее уверенной. — Главное, пока будете перебирать, не пропустите жизнь.

Велимир поднялся, взял со стола полупустой кувшин и свой кубок, и неуверенной походкой направился к дверям. Когда он уже открыл дверь, готовясь выйти, я сказал вслед:

— Через пару дней я отбуду в столицу, но как только разберусь с делами... Как, говорите, проехать к вашей усадьбе?

Вот так. Теперь у меня появился еще один союзник. И дело не только в Тошильдере, мне еще предстоит долгий подъем, и свои люди будут крайне полезны. Я уснул, едва голова коснулась подушки. Всю ночь снилась Маряна, но сны были на удивление благочестивыми, и по большей части от того, что во всех присутствовал Велимир.

Следующий день прошел в хлопотах. Сперва по одному подтягивались довольные бароны, каждому нужно было принести вина и накормить, так что завтрак плавно перетек в обед. Потом они разъезжались, благодушные, но едва держащиеся в седлах. Когда все, кроме соседа, отбыли, мы с бывшим кузнецом, а теперь старостой Казимиром обошли село еще раз, и теперь я старался вникать в дела и потребности людей. Маряна все время держалась рядом, совала любопытный конопатый носик повсюду. Сперва это раздражало, но потом я просто махнул рукой: пусть, не гнать же? Главное, чтобы не лезла под руку.

Когда солнце спустилось к горизонту, окрасив редкие облака багровым, меня уже валило с ног. Оставайся я один, и не было бы никакой причины просто свалиться в постель и не вставать до утра, но семейство Нордтео не торопилось уезжать. Пришлось наскоро ополаскиваться ледяной водой у колодца во дворе, потом тащиться к себе и переодеваться. Когда чистый и заметно посвежевший, я спустился в каминный зал, меня встретили две пары глаз. Велимир глядел с веселой усмешкой, Маряна же по обыкновению уронила взгляд в тарелку, и теперь косилась с осторожным любопытством.

Я прошагал к своему месту во главе стола, едва уселся, как из-за плеча выглянула служанка. В груди вспыхнуло от нечаянной радости, но пламя тут же погасло, стоило мне повернуться к женщине и увидеть ее лицо. Не она. Да и глупо было бы ожидать появления ведьмы так рано. Служанка же, и не подозревающая, какую бурю чувств вызвала неожиданным появлением, спросила, может ли быть полезна и получив отрицательный ответ, снова исчезла. Слегка раздраженный, я потянулся к подносу с мясным пирогом. Следом за мной к блюдам потянулись Велимир с дочерью.

— На рассвете отбываю в столицу, — нарушил я молчание. Поддев вилкой кусок пирога, отправил в рот, задумчиво прожевал. — А то здесь все дела, дела, и даже негде развеяться.

— Хорошее дело, — кивнул Велимир. — Нужно иногда проветривать голову. Надолго ли?

Во именно такого вопроса я и ожидал от старого лиса. Краем глаза заметил, как вскинула голову приунывшая было Маряна, и ответил, немного помолчав:

— Месяца на два-три, смотря, как пойдут дела.

— Дела? — Велимир удивленно вскинул брови. — Вы ведь только что сказали, что едете развеяться!

— Сказал. — Я поморщился. — Но отдыхать можно по-разному, а женщины и вино совершенно необязательная часть программы.

— Да-да, простите, все время забываю, что вы, сэр Томас, у нас не из тех, кто прожигает жизнь... — заговорил Велимир с преувеличенной горячностью, но в глазах светилась плохо скрываемая радость.

Ничего ты не забываешь, старый лис. Но эти мелкие подначки, проверки начинают раздражать. К счастью, барон был из тех, кто умеет вовремя остановиться, и дальше разговор шел по накатанной колее, даже Маряна под конец расхрабрилась настолько, что даже вставила пару замечаний, и довольно толковых, снова показав себя хваткой особой.

Наутро я проводил Велимира с дочерью, а сам вернулся к себе и принялся собирать

мешок. Судя по карте, путь предстоял неблизкий, к тому же в объезд границ Тошильдера, но вдоль дороги были часто рассыпаны постоянные дворы. А еще стало понятно, что ни в два, ни даже в три месяца никак не уложиться, тут только в одну сторону дорога займет недели три, и это если не подведет погода.

Аккуратно сложив карту, я опустил ее на самое дно мешка. Потом уложил запас сухарей и вяленого мяса, вытребованных на кухне и завернутых в чистую тряпку. Сверху легли белье и запасная одежда. Мешок получился объемным, но легким, запасная лошадь даже не почувствовала его веса, когда я спустился на конюшню и приторочил его к седлу. Рядом привязал небольшой мешок с овсом, потом вернулся в свою комнату и надел доспехи сам, медленно, но нужно привыкать, или в дороге не снимать их вовсе.

Солнце уже показало над горизонтом темно-оранжевый край, когда я наконец выехал в ворота.

За спиной звякнула колокольчиком закрывшаяся дверь. В здании Имперского банка я провел полчаса, пока забирал доставленные из имения деньги, но за это время на город опустились сумерки. Моросил холодный дождь, по серой, раскисшей улице тянулись кареты и телеги, между ними и у самых стен сновали прилично одетые люди. С моего прибытия в столицу прошел месяц, и за это время удалось посмотреть на несколько разновидностей дождя, а вот ясных дней не случилось вовсе.

Наверное, всему виной просторная бухта, на берегу которой расположился город. Место удобное для торговли и промысла, но слишком уж много вокруг болот, а учитывая, что расположилась Мальма на самом севере Браворотской империи, да и всего континента... В общем, ярких дней здесь оказалось неприятно мало.

Стоя под высоким кованным козырьком, я подождал, пока морось не превратилась в крупный туман, надел широкополую шляпу, запахнул плащ и быстро пошагал по улице. Самая широкая в столице, но зажатая между высокими каменными домами и от того похожая на ущелье, в этот час она была полна народа. Благородные дамы с кавалерами и разносчики, военные и бродяги двигались в едином потоке, ловко уворачиваясь от лошадей и не замечая друг друга, прибитого влагой и холодом почти к самой земле печного дыма и вони.

Влившись в поток, я торопливо пошагал под стеной. На сапоги тут же налипла мокрая грязь, с высоких крыш капало, благо, идти было недалеко. Пара длинных домов — и вот уже видны фонари над таверной «Имперская». Широкие двери, два просторных зала, ярко освещенных, с высокими потолками и дорогой мебелью, отлично выученные слуги в камзолах таких чистых, что невольно начинаешь осматривать себя: а соответствуешь ли ты сам?

Ко мне тут же бросились двое, приняли плащ и шляпу и учтиво предложили пройти. Я позволил проводить себя и усадить за стол, перед которым тут же появился половой. Сделав заказ, принялся осматриваться. В этот час народу было немного, основная масса начнет собираться через пару часов, но и сейчас в зале сидели люди. В углу расположилась шумная компания, судя по выправке и тому, что даже за столами они не снимали поясов с ножами, воины. За несколькими столами, стараясь держаться подальше от них, обедали дамы. Дальний стол занимал худощавый мужчина в темном сюртуке, он прихлебывал что-то из глубокой тарелки, то и дело отвлекаясь на лежащие тут же на столе бумаги. Там, где он сидел, света было недостаточно, и мужчина щурился за толстыми линзами очков. Наверное, именно этим непривычным элементом он и привлек внимание.

Дождавшись заказанного, я кивнул половому и принялся за еду, продолжая наблюдать. Воины вели себя все громче, при каждом взрыве хохота мужчина вздрагивал, вжимая голову в плечи и опасливо косился в их сторону. Что он там делает с этими бумагами? Какие-то счета? Списки товаров? Со своего места мне не удавалось рассмотреть, да и не особенно и хотелось. Закончив с обедом, я отвлекся, рассчитываясь, а когда поднимался из-за стола, в углу уже никого не было.

На улице лило, как из ведра. От собравшихся туч небо стало почти черным, и фонарики торопливо перебежали от фонаря к фонарю, пряча головы под плащами и стараясь, чтобы не погасли факелы, которыми они эти фонари зажигали. Мимо в двери

проскочила компания мокрых с ног до головы мужчин, я посторонился, пропуская их и раздумывая, не вернуться ли и мне, когда заметил одинокую долговязую фигуру, всем худосочным телом прикрывающую тонкую кожаную сумку и быстрым шагом идущую под дождем. На улице уже почти никого не оставалось, кроме фонарщиков, куда-то пропали даже кареты, поэтому человек на секунду привлек внимание. Я уже было отвернулся, чтобы вернуться в таверну, но что-то мне не понравилось. Остановившись, я поглядел вслед мужчине чуть дольше. В подворотне было какое-то движение, как раз в этот момент из мрака выдвинулись три фигуры в темном и, часто оглядываясь, поспешили за одиноким пешеходом.

Ноги понесли сами. Бежать было категорически невозможно, сапоги скользили в грязи, толстым слоем покрывающей булыжную улицу, я моментально промок. На ходу проверил оружие: короткая сабля на перевязи, вещь скорее статусная, чем боевая, купленная в первую неделю из-за того, что прежняя мешала при ходьбе и в каретах, и остро пожалел, что перестал носить доспех. Ладно, это наверняка простые грабители, так что защита не понадобится вовсе.

Дождь стучал по полям шляпы, приглушая остальные звуки. Фигуры впереди пошли быстрее, переглядываясь и обмениваясь знаками. Один из них обернулся, нахмурился, увидев меня. Подозвав одного из сообщников, он указал себе за плечо. Тот понимающе кивнул и остановился под стеной, закутавшись в плащ и старательно не глядя в мою сторону. Я уже проходил мимо, ожидая, что же он станет делать, когда человек сдвинулся, покачнулся пьяно и прокричал с заплетающимся языком:

— Михаил! Миханя! Друг мой!

Он двинулся ко мне, едва держась на ногах, но глаза оставались трезвыми и смотрели оценивающе. Я попытался увернуться, но человек неуловимым движением снова оказался передо мной, в голосе зазвучала обида:

— Ну ты чего? Друга не узнаешь, а?

Он развел руки, перекрывая путь дальше по улице. Я остановился, мгновенно охватив взглядом всю его фигуру, до этого старательно скрываемую плащом. Крепкий, живот под кольчугой плоский, мышцы тугонатанули куртку. Длинный кинжал на боку в простых ножнах, но чувствуется, что готов в любое мгновение оказаться в широкой ладони. Заметив, что я остановился, он сухо усмехнулся, прохрипел вполголоса, так, чтобы не могли услышать возможные свидетели:

— Правильно, осади, бла-агародный сэръ, тебе там делать нечего, — и добавил уже громче: — Постой со своим старым другом, с которым не виделся три года!

— Семь, — коротко ответил я. Человек удивленно переспросил:

— Чего?

— Семь звучит... интереснее, — с готовностью объяснил я. И в следующий миг шагнул к мужчине, выбросив вперед кулак. Движение заметить со стороны было невозможно: слишком стремительное, к тому же скрытое плащом бандита, все еще стоящего с разведенными руками. Рука словно ударила в твердое дерево, металл кольчуги ободрал костяшки. Мне показалось, что удар не прошел, но мужчина вдруг сипло выдохнул и начал заваливаться на меня. Я придержал его, осторожно опуская на грязную мостовую. Бандит цеплялся за мою одежду, судорожно пытаюсь вдохнуть, в глазах читалась лютая злоба, и я на всякий случай ударил его еще раз, отчетливо услышав, как чавкнули хрящи носа. Он закатил глаза и откинулся в жидкую грязь.

— Вот так, отдохни пока.

Я поднялся и поспешил дальше по улице, надеясь, что не опоздал. Что-то в этом человеке мне не понравилось, что-то в нем было такое, что не позволяло до конца поверить, что он простой грабитель. А значит, тому, кого они преследуют, грозит настоящая опасность.

Равномерный шум капель скрадывал звуки, следы в топкой грязи исчезали без следа почти тут же, так что я едва не проскочил нужную подворотню. Услышав тонкий вскрик, остановился, стараясь определить направление, вернулся назад до поворота в мрачное пространство между домами. Свет масляных фонарей рассеивался, не в силах справиться с темнотой, но дальше, там, куда не достигали слабые лучи, слышалась какая-то возня.

Прижавшись спиной к стене, я вошел в подворотню. Черт, как же тут темно! Нужно было дать глазам привыкнуть, но времени оставалось все меньше, и я крикнул, вытаскивая из ножен саблю:

— Эй, кто здесь? Выходите, и тогда получите шанс остаться в живых!

В ответ донесся приглушенный смех. Затем низкий злой голос ответил из мрака:

— Благородный сэр смельчак... Не знаю, как ты сумел пройти мимо Джона, но вот тебе последнее предупреждение: не суй носа туда, где тебя не просят! Пошел вон.

Последнее прозвучало как-то обыденно, словно говоривший отогнал надоедливого ребенка. В груди колыхнулась ярость, но я сдержался. Будь на моем месте человек из этого мира, наверняка уже бросился бы вперед, прямо под ножи. Добавив в голос дурной гордости, я крикнул с вызовом:

— Разве твоя мать помойная собака не научила тебя манерам, пес? Выйди и разговаривай, как мужчина!

Вот так. Теперь твой ход, тем более, что глаза уже начали привыкать и различили очертания трех фигур в темноте. Светлые пятна там, где должны быть лица, два выше, и одно внизу, тот человек лежит на земле. Повисла короткая пауза, а после тот же голос проревел с едва сдерживаемой яростью:

— Убить!

Он взмахнул рукой, в которой тускло блеснуло лезвие длинного кинжала, и его подельник бросился ко мне, заноса оружие для удара. Его я встретил ударом ноги в живот, слегка подавшись вперед, и человек на полном ходу словно влетел на стену. Негромко охнув, он завалился на бок и остался лежать, свернувшись и разевая рот. Носком сапога я отшвырнул кинжал вглубь подворотни и осторожно обогнул поверженного противника по большой, насколько позволяло пространство между домами, дуге.

— Тебя я тоже не стану убивать, — сказал я оставшемуся на ногах бандиту. — Брось оружие, и сможешь уйти и забрать с собой своих дружков.

— Много болтаешь! — ответил тот. Я ожидал, что он бросится ко мне так же, как это сделал его сообщник, но он двинулся в обход меня медленно, ступая осторожно, чтобы не поскользнуться в грязи, низко пригнувшись и оцетинившись кинжалом.

Выглядел он довольно опасным. Тех двоих удалось поймать на неожиданности, этот же был готов к схватке, к тому же не показывал своей скорости и умений. Я выставил перед собой саблю, но бандит медлил, а оказавшись возле уже начавшего вяло шевелиться подельника, вдруг остановился.

— Баронское слово, что дашь уйти?

— Если бросишь оружие, — подтвердил я после короткой заминки, возникшей от

неожиданности вопроса. — Забирай этого и второго, и проваливайте. Я сегодня не в настроении убивать.

— Черт с тобой. — Заточенный кусок стали упал, мгновенно утонув в грязи. Бандит, недоверчиво косясь на меня, поправил висящую через плечо сумку, помог сообщнику подняться, и они двинулись к освещенной улице. Я провожал их взглядом, не опуская оружия, готовый к любой хитрости, но они не собирались нападать. Только перед тем, как скрыться за поворотом, предводитель шайки остановился и крикнул: — Ты знай только, что благородство не спасет от ножа в спину!

— Буду осторожен, — ответил я, и когда они скрылись из виду, с облегчением выдохнул. Вот и здесь у меня появились враги, а так хотелось пожить спокойно! Может, стоило убить их, тем более, что застал на месте преступления, но не хотелось марать руки. Наверняка еще аукнется, но подумаю об этом потом. А сейчас нужно узнать, что же это за человек, за которым послали сразу троих убийц.

Подойдя к мужчине, все это время удивленно следившему за происходящим, я протянул руку и помог ему подняться. Высокий и очень худой, выпрямившись в полный рост, тот оказался на полголовы выше меня. Близоруко щурясь, он безуспешно старался стряхнуть с сюртука грязь, но получалось только хуже. Наклонившись, я поискал под ногами очки, те нашлись не без труда, осторожно стряхнул с них налипшие комья и протянул долговязому.

— Позвольте отрекомендоваться: Томас Ромм, барон Яргородский. А вы..?

— А? — Приняв из моих рук очки, он привычным движением протер их полый сюртука и посадил на нос. — Кеннет Белл, ученый. Прошу прощения...

Неожиданно для меня он опустил в грязь на колени и принялся что-то искать. Мои глаза уже достаточно привыкли к слабому свету, просачивающемуся со стороны центральной улицы, и я мог видеть, что ничего, кроме мусора, здесь нет, потому спросил:

— Что-то потеряли, сэр Кеннет?

— Мою сумку, большая такая, с медными уголками... И я не сэр, из безземельных, так что...

— Вашу сумку скорее всего унесли эти двое, — я кивнул в сторону улицы. — По крайней мере, здесь ее не видно.

— Правда? Жаль. — Представившийся Кеннетом встал и расстроено вздохнул. — Вы ведь могли не дать им уйти!

Я опешил на миг, потом заметил:

— Может быть, вы не заметили, но эти люди собирались вас убить! Так что могли бы и поблагодарить!

— Да, да, спасибо...

Ученый сильно ссутулившись пошел к выходу из подворотни, что-то бормоча себе под нос. Я удивленно смотрел ему вслед, потом двинулся следом, догнал и пошел рядом. Дождь продолжал лить, и в шуме капель по мостовой и широким полям шляпы было почти невозможно разобрать слова. Мужчина промок до нитки, короткие, кое-как стриженные волосы прилипли к вытянутому черепу, капли срывались с кончика острого носа, но он словно не замечал ничего вокруг. Подумалось вдруг, что против такого не нужны матерые разбойники, хватит и пронырливого мальчишки.

— Далеко вы живете? — спросил я, когда молчание затянулось слишком надолго. — Провожу, на случай, если сегодня убийцы решат закончить начатое.

Кеннет вздрогнул, повернул ко мне голову, уставившись непонимающим взглядом, в

котором не сразу появилось узнавание.

— Если не затруднит. У меня здесь лаборатория, занимает половину цоколя в доходном доме, скоро придем. Очень жаль, что вы не сумели вернуть мои записи!

— Я уже понял, что совершил непростительную ошибку! — ответил я раздраженно. — Может, объясните мне, что в тех бумагах такого особенного, что вы не можете пережить их потерю?

— Там было... Видите ли... — Кеннет сделал неопределенный жест руками, подбирая слова. — Это будет... должна быть такая машина. Машина — это некая конструкция...

— Я знаю, что такое машина, — оборвал я излишне резко. — Давайте без упрощений.

— Хорошо, — ученый кивнул. — Так вот... Это такая машина, что позволит двигать телеги и даже кареты без лошадей. Мое последнее изобретение, я собирался довести его до ума и продать в Императорские мастерские, но теперь придется восстанавливать чертежи...

Он снова ушел в свои мысли, и мне пришлось повысить голос, чтобы добиться ответа:

— Без лошадей? Очень интересно! И каков же принцип?

Оторванный от размышлений, Кеннет недовольно вздохнул, но принялся за объяснения:

— Я взял за основу водяную мельницу. Вы видели водяные мельницы? — он дождался утвердительного ответа и продолжил: — Сила первоэлемента давит на лопатки, заставляя проворачиваться ось. Но как можно взять с собой целую реку?

Вопрос повис в воздухе, ученый уставился на меня сверху вниз, довольно прищурившись и ожидая реакции. Я на ходу пожал плечами, и он продолжил:

— Система зубчатых колес! Их использовали еще до Падения, и после в простых конструкциях, но я придумал, как уменьшить их, одномоментно увеличив мощность! Представьте себе сорокаведерную бочку, поднятую на высоту в три метра, из которой по тонкой трубке течет вода и падает на лопатки колеса, которое через систему блоков и передач многократно усиливает импульс! Это прорыв!

Я промолчал. Мне от чего-то представилась колесная башня, работающая на падающей воде и медленно ползущая по дороге. Скорость у нее должна быть черепашня, но мощности окажется с запасом. Интересный человек. И с нетривиальным ходом мыслей. Пожалуй, незря он встретился мне, из него может выйти хорошая ступень к исполнению плана.

Пока Кеннет, с горящими глазами, совсем не замечая холодного дождя, рассказывал мне о своем изобретении, мы переулками дошли до высокого здания из серого камня. Над самой землей, местами опускаясь ниже уровня улицы, тянулся ряд темных окон. Ученый указал рукой на уводящие в темноту ступени:

— Вот мы и пришли, сэр Томас. Может, зайдете? Вам следует немного обсохнуть.

Спустившись по скользким ступеням, мы вошли. Я отступил в сторону, пока Кеннет суетился у масляного светильника, и прислушивался к своим ощущениям. Здесь пахло деревянной трухой, маслом и металлом, а еще, почему-то, аммиаком. Что-то негромко потрескивало, слышался отчетливый стук капель в глубине помещения. Мой спутник стучал огнивом, чертыхнулся, попав по пальцу, наконец, фитиль лампы разгорелся, и мне удалось осмотреться.

Подвал оказался совсем маленьким. Дальняя стена была выложена из кирпича, и смотрелась совсем новой, не старше полугода. В уличной стене высоко под самым потолком расположились три окна с растрескавшимися рамами, через которые сочилась вода. Вдоль стены напротив вытянулись в ряд простые шкафы, на двух крайних дверцы отсутствовали, на остальных — были распахнуты, и на них, как на вешалках, висела одежда. В камине с висящим внутри на медном крюке закопченным чайником лежал толстый слой золы, а дров в ящике рядом хватило бы на одну растопку. Стол, заваленный книгами и бумагами, и кровать, белье на которой сбилось в ком и больше напоминало гнездо, занимали середину комнаты. Кеннет поставил светильник на стопку бумаг на столе, выдвинул единственный стул, предлагая мне садиться, а сам бросился к камину. С подозрением осмотрев сиденье, я все же рискнул сесть, снял шляпу и, не найдя, куда ее положить, опустил на колени.

— Значит, вот так у нас живут люди науки?

— Ну, уж вы скажете, господин! — отозвался Кеннет, не поворачиваясь и громко щелкая кремнем по кресалу. — Не все, у того же Юджина Альбертссона, или братьев Оливье приличные дома в Старом городе!

— О, наверняка они лучшие ученые в империи? Не зря же им такие почести?

Стук огнива прервался, Кеннет бросил на меня угрюмый взгляд через плечо, сказал с возмущением:

— Если бы! Проходимцы, оказавшиеся лучшими фокусниками! Альбертссон занимается изобретением снадобий, на него работают три десятка подмастерьев, а лавки с его товарами расползлись по всей империи! И ладно, если бы те снадобья работали! Настойки от головной боли на топоре палача! Капли от грудной жабы из веревки висельника! Порошки из крови от желудка или... или... тьфу!

Он отвернулся, одним движением высек длинный сноп искр, склонился, раздувая язычок пламени. Когда Кеннет наконец снова заговорил, голос его звучал уже спокойнее.

— А эти проходимцы Оливье? Они изобрелиштуку якобы для общения с миром духов. Вопросающие садятся за круглый стол и, опустив руки на тарелку с дыркой в центре, водят по доске с алфавитом. Якобы духи незримо направляют их, ха! Однажды я поспорил, что если всем за столом завязать глаза, из сеанса ничего не выйдет. Конечно же, выиграл, духи вдруг залепетали, как дети, а меня выставили за дверь и больше не приглашали. — Он усмехнулся. — Есть и другие, вроде меня, сэр Томас, кто занят настоящей наукой. Кто-то работает над вопросом превращения свинца в золото, и уже добился некоторых успехов, целая группа занята вопросом, можно ли превратить обезьяну в человека путем направленного отбора. А я занимаюсь всем понемногу, — он развел руками, поднявшись от камина, в котором уже начали потрескивать дрова.

— Но, как я посмотрю, особого успеха вам пока не удалось достичь? — спросил я,

обводя взглядом помещение. Кеннет поджал губы, задавив грубый ответ, глаза его под очками холодно блеснули.

— Мое призвание — поиск путей! К тому же, у меня достаточно денег, чтобы содержать лабораторию почти на самой Коронационной! Где расположены самые престижные лавки и сам император проезжает раз в неделю по пути в храм!

— И однако же, эта лаборатория в сыром подвале, что несколько месяцев назадбылкуда просторнее, — ответил я, дождавшись, пока ученый прервется, чтобы перевести дыхание. — Единственное, что пока не могу объяснить — посещение «Имперской», заведение совсем не из дешевых.

— Удалось продать кое-что, — он вдруг смутился, но тут же заговорил с вызовом: — Я живу в центре и могу позволить себе обедать в дорогих тавернах! А что до соседей... Мне не требуется столько места! Это только ремесленники...

— Тише, Кеннет, — прервал я, успокаивающе выставив руки. — У меня и в мыслях не было как-то принизить ваш вклад в науку. Наоборот, теперь вижу, что вы человек серьезный, и с вами можно поделиться парой мыслей. Я видите ли, тоже иногда тоже изобретаю...

— Ха! — Кеннет отмахнулся от моих слов и зашуровал в камине кочергой, поправляя угли под чайником. Он не переодевался, и от его одежды начал подниматься пар. Спohватившись, поспешил объясниться: — Я не хотел насмеяться над вами, сэр Томас, просто вы... не выглядите мыслителем, уж простите великодушно. Служение науке требует полной отдачи, вы же, судя по легкости, с которой расправились с бандитами в переулке, из тех, кто решает вопросы силой.

Он улыбнулся примирительно, мне и самому было известно, что я далеко не ученый. Но и Кеннету неоткуда было знать, что я появился из мест, где вся наука этого мира поместится в первых главах школьного учебника. Отцепив от пояса кошель, я развязал тесемки.

— Хорошо, тогда давайте так: сколько стоит ваше время? Выслушайте меня, и вне зависимости, стоят ли мои идеи того, или нет, вы получите оплату.

Кеннет фыркнул было с неудовольствием, но глаза его уже прочно прикипели к деньгам, и была это не жадность. С явной неохотой отставив кочергу, изобретатель сел на край кровати и вопросительно посмотрел мне в глаза.

— Что ж, излагайте.

Я не заставил себя упрашивать дважды. Сначала объяснил свое видение самодвижущегося экипажа. Конечно, принцип был разработан на Землетысячелетияназад, но откуда Кеннету было об этом знать? Машина, использующая для движения воду, но не в том виде, как себе это представлял ученый, Кеннета потрясла. В середине моего длинного рассказа он вскочил и принялся расхаживать из угла в угол тесного помещения, от чего у меня закружилась голова, а когда дело дошло до описания системы клапанов для сбрасывания избыточного давления, он вдруг резко остановился и воскликнул, уперев мне в грудь тонкий палец:

— Не верю не единому слову! Сила пара, подумать только! Вздор!

В ответ я только развел руками:

— Это легко проверить, стоит только взять трубу, закрытую с одного края, налить в нее воду и, заткнув другой край пробкой, нагреть в огне.

Кеннет на мгновение застыл, глядя в пространство перед собой, затем с силой потер переносицу.

— Да, это можно проверить, но я все же не понимаю... Хорошо, идея забавная,

считайте, что не зря потратили мое время и свои монеты, сэр Томас.

По тому, как изменилось его поведение, как пропала суетливость перед денежным гостем, я понял, что идея оказалась в богатой почве. Сейчас передо мной стоял не спасенный мной Кеннет Белл, бедолага, едва не погибший в подворотне, а ученый, чей мозг уже начал работу над новым устройством. По едва уловимому нетерпению, с каким он заговорил, легко читалось, что гостю пора уходить. Поднявшись со стула, я протянул изобретателю руку:

— Уважаемый Кеннет, мне пора. Благодарю, что позволили обсушиться, а теперь я вас оставлю. Если вдруг что-то понадобится, сможете найти меня в «Имперской», я ужинаю там ежедневно в одно время.

Изобретатель рассеянно закивал, уже не замечая ни меня, ни монет, оставшихся лежать на захламленном столе. Когда за спиной хлопнула дверь, я поднялся по ступеням и остановился, всматриваясь в темноту, не появились ли в пределах видимости бандиты, но никого не заметил. Дождь прекратил, в темноте слышались только звон падающих с крыши капель и журчание воды в сточных канавах, а еще стало заметно прохладнее. Поправив шляпу, я запахнул плащ и торопливо пошагал к гостинице, в которой поселился сразу по прибытию в столицу.

Ученый не появился ни на следующий день, ни в следующую неделю. Я уже было решил, что дальше можно не ждать, но на восьмой день, выходя из таверны, заметил неуверенно переминающуюся с ноги на ногу недалеко от входа долговязую фигуру. Ученый за прошедшие дни исхудал еще сильнее, ввалившиеся глаза нездорово блестели.

— Друг мой, что-то случилось? Выглядите вы, честно говоря...

— Что? А, не обращайтесь внимания! — ученый нервно отмахнулся, дернул острым подбородком. — Я... Нам с вами нужно поговорить!

— На вас совершенно нет лица! — я протянул руку и взял Кеннета под локоть. — Поднимемся, вам срочно нужно перекусить!

Ученый вяло сопротивлялся, пока я вел его к дверям «Имперской», начал что-то сбивчиво объяснять, пока у нас принимали плащи и провожали к столу. В этот вечер выдалась редкая для столицы погода, и по этой причине в зале кроме меня и Кеннета не оказалось никого. Себе я заказал только кофе, изобретателю же велел принести ужин и кувшин слабого вина. Когда половой удалился неслышным шагом, я спросил:

— Так о чем вы хотели поговорить? Те люди из подворотни, они снова приходили?

— Что? Нет! — почти ушедший в себя ученый вскинулся, остановив на мне блуждающий взгляд. — Я хотел спросить вас... О многом! Об этом... об этой штуке, про которую вы мне рассказали в прошлый раз. Я не поверил, не мог и представить, пока не сделал кое-какие расчеты, пока...

Глаза его лихорадочно блестели, тонкие длинные пальцы расправляли и без того безупречную скатерть, на фоне которой выглядели восковыми. Я кивнул половому, принесшему мой кофе, сделал маленький глоток и посмотрел на ученого.

— Скажите, друг мой, когда вы ели в последний раз?

— Не важно! Все совершенно неважно... — половой поставил перед ним тарелку с супом, над которым поднималось облако пара. Кеннет машинально ухватил ложку, зачерпнул, отправил в рот, даже не поморщившись. — Оно работает! Понимаете? Не знаю, как вам удалось, да и модели пока примерные... Но это просто волшебство!

Кеннет рассказывал, успевая черпать из тарелки. Прервался, чтобы подтянуть следующую, но совсем не замечая, что перед ним, и снова разразился восхищенными

комментариями. Я молчал, позволяя ученому выговориться. Судя по виду, он неделю провел в подвале и не всегда находил время даже для сна. Когда посуда перед ним опустела, он откинулся на спинку стула, тяжело отдуваясь, но не замечая даже того, что только что плотно поужинал, и резюмировал:

— Так что, сэр Томас, теперь вам нет необходимости покупать мое время... так дорого. Уверен, у вас имеются еще идеи, может, не такие гениальные, как мои, но я буду рад их выслушать.

— У меня сложилось такое же мнение, уважаемый Кеннет, — коротко хмыкнул я. Жестом подзывая полового, продолжил: — Нас с вами ждут великие дела, мой друг.

В подвале ученого словно порезвилась стая обезьян. Когда Кеннет зажег лампу у входа, мне открылась чудовищная картина: содержимое шкафов валялось на полу, книги и одежда вперемежку, остатки белья сбились в углубления, повсюду лежали раскрытые книги, а давно не топленный камин оказался забит смятой бумагой с фрагментами чертежей. В первый момент мне показалось, что в отсутствие ученого сюда наведались с обыском, но присмотревшись я понял, что причина всего этого бардака — сам Кеннет. Не замечая ничего вокруг, он прошел в комнату и, поставив светильник на стол, начал торопливо копаться в разбросанных чертежах.

— Где-то здесь... Вот! — он вытащил из стопки листок с много раз правленным чертежом, протянул мне, а сам наклонился, вытаскивая что-то из-под стола. — Модель примерная, но, сами понимаете, у меня катастрофически не хватало времени...

Я принял из его рук конструкцию, мало подходящую на те, что изображались в учебниках. Более угловатая, она смотрелась нагромождением колес и валов, избыточно переусложненная, но, по словам Кеннета, все же рабочая. Повернув двигатель, я увидел дыру: давление пара разорвало цилиндр по клепанному шву.

— Ну что же, дорогой друг, я восхищен. Не думал, что у кого-то получится. — Я доверительно посмотрел Кеннету в глаза. — Вы просто гений. Всего за неделю проделать такую работу!

— Вы правильно сделали, что обратились ко мне, — отмахнулся Кеннет. — Ни у Альбертсона, ни у Оливье не вышло бы ровным счетом ничего! Я даже уверен, что это к счастью, что те бандиты украли мои старые чертежи. Если они были людьми одного из этих шарлатанов, то им досталась отличная задумка, но все же не настолько прекрасная, как это мое творение!

Светясь от гордости, он указал на монструозную конструкцию в моих руках, затем, рассеянным жестом указав мне на стул, принялся перебирать бумаги. Я сел уж без прежней брезгливости, слушая, как Кеннет бормочет себе под нос. Потрясающая рассеянность, — он уже совершенно забыл, чья именно идея легла в основу двигателя, — но и чудовищная работоспособность. С таким можно двигать науку этого мира чудовищными скачками.

Послушав сбивчивые объяснения, я оставил на столе еще несколько монет и, пообещав вернуться через пару дней, ушел. Воздух наверху после спертых нечистот в подвале казался почти пригодным для дыхания. Над сырой улицей поднимался тонкий туман, света не было ни в одном из выходящих на эту сторону окон. Я остановился, не сразу поняв, что же мне не нравится. Тишина! Обычно даже ночной город полон негромких звуков, позвякивают оружием и доспехами стражники, обходящие улицы, лают собаки, доносятся голоса подгулявших горожан, но теперь слышно было только мое дыхание и звуки шагов. Настороженно прислушиваясь, я чудом уловил момент, когда что-то в окружении

изменилось. Пронзительно свистнула, покидая ножны, сабля, шагнув в сторону, я встал спиной к стене и выставил перед собой лезвие. Глаза привыкли к темноте, позволяя ориентироваться, но как я ни всматривался, никого не было видно. Но я отчетливо чувствовал чье-то присутствие!

Сердце разгоняло кровь, чувства обострились до предела в ожидании нападения, но шли секунды, и не происходило ничего. Наконец, ощущение чужого взгляда ослабло, пропало вовсе. Я еще стоял, готовясь отразить атаку, но уже понимая, что драки не будет.

Черт! Что это такое было?! Ни звука, ни намек на движение, однако же кто-то только что побывал здесь! И уверен: стоило ему захотеть, и он расправился бы со мной без труда. Бросив саблю в ножны, я поспешил обратно к подвалу Кеннета, но остановился, услышав за спиной знакомый голос:

— Стой, с ним все в порядке.

Я едва удержался от прыжка в сторону, торопливо обернулся. За спиной, метрах в десяти, стояла ведьма. Появилась она незаметно и совершенно беззвучно.

— К чему эти фокусы? — спросил я с большим раздражением, чем хотелось. — Давно ты здесь?

— Это была не я, — ответила она. — Но успела вовремя, так что с изобретателем все в порядке, он сейчас спит, как и вся округа. За ним приходили, но не ожидали, что кто-то здесь не уснет и потратили время, решая, как с тобой поступить, а к тому времени подоспели мы, так что теперь все в порядке.

— Кто это «мы»? Что вообще происходит?

Я сложил руки на груди, всем видом показывая, что требую ответа. Ведьма вздохнула и подошла ближе, и теперь я отчетливо слышал ее шаги. Поравнявшись со мной, она улыбнулась, тонкие пальцы легли на мое предплечье, слегка пожали, но в следующее мгновение она снова стала серьезной.

— Я все тебе объясню, но не здесь. Пойдем, тут недалеко есть подходящее место.

Она двинулась прочь. Я пошел следом, но остановился, неуверенно обернувшись к окнам, за которыми оставил Кеннета.

— Ты уверена, что с ним действительно все хорошо?

— Да, — она нетерпеливо кивнула. — О нем позаботятся. Уж не знаю, осознаешь ли ты, но твоими усилиями этот чудак стал одним из важнейших людей в этом мире.

Идти действительно оказалось недалеко. Мы свернули раз, другой, дворы вокруг превратились в подворотни, захламленные, сырые и темные. Яразбирал в звенящей тишине позади негромкие шаги, но оборачиваться не стал, чтобы не показывать беспокойства. Если слышно мне, то и ведьме тоже. Скорее всего, это те самые загадочные «мы», отпугнувшие невидимых охотников.

По приглушенным голосам, доносящимся из-за слабо освещенных окон я понял, что мы выбрались за пределы накрывшей улицу зоны сна. Ведьма продолжала идти, мне оставалось только шагать следом. На встречу то и дело попадались темные фигуры, мало похожие на простых гуляк. Заметив первого, я непроизвольно схватился за эфес, но человек прошел мимо, как и остальные. В неверном свете из окон были видны напряженные взгляды, которые они бросали на нас.

— Пришли. — Ведьма остановилась, качнула головой, указывая на вывеску. На грубых темных досках чернели облупленные буквы: «Два кардинала». Трактир занимал весь первый этаж, окна ярко светились, из-за распахнутых дверей доносился громкий женский смех и нестройное пение. Не дожидаясь моей реакции, Аврора быстро поднялась по ступеням и скрылась внутри, и я поспешил следом.

Внутри, несмотря на открытые двери и окна, было невыносимо душно, пахло дешевым вином и дешевыми духами, мужским потом и подгоревшим мясом. За столами и у стойки расположилось гораздо больше народа, чем мог вместить просторный зал. На отгороженной невысоким барьером сцене выводил простенькую зажигательную мелодию оркестр из пары скрипачей и лютниста. Перед ними скакали, толкаясь локтями и то и дело заваливаясь на сидящих за столами позади, танцующие. В толпе ловко маневрировали с подносами, уставленными пивными кружками, половые, ярко раскрашенные и одетые женщины сновали от компании к компании. За одним из столов лицами в тарелках спала компания богато одетых мужчин, в карманах которых уже шарилась стайка оборванных мальчишек с чумазыми лицами. Сидящие в трактире оценивающе присматривались и к моей одежде, но переводили взгляды на Аврору и тут же теряли ко мне всякий интерес.

— Двигайся быстрее! — окликнула ведьма, задержавшись у неприметной двери в стороне от стойки. Я вошел следом, прикрыл дверь, которая удивительным образом мгновенно отсекала шум и крики.

Место, где мы оказались, на первый взгляд напоминало склад. Винные и пивные бочки, сложенные в пирамиду у стены, вяленое мясо и мешки с крупой и мукой не вызвали бы подозрения ни у кого, родившегося в этом мире. Мне же первым делом бросился в глаза занимающий всю середину комнаты круг из тонкой медной полосы, врезанной в доски пола, слишком уж чужеродным он казался здесь. Подняв глаза, я увидел точно такой же в потолке над первым, металл тускло поблескивал в свете висящих по стенам ламп. В центре круга стоял тяжелый даже на вид стол с темной изрезанной столешницей. Ведьма указала мне на него, сама взялась за край, и мы оттащили стол в угол.

— Так, все готово, — сказала Аврора, отряхивая ладони. — Встань тут.

Я отошел на указанное место, спросил:

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас все поймешь, а пока — не отвлекай!

Она отмахнулась, встала, едва не касаясь полами плаща края круга и теперь водила руками перед собой. Если не знать, что она взаимодействует с виртуальным интерфейсом, выглядело это довольно странно и... завораживающе. Внутри, в пространстве, ограниченном медной полосой, появился и начал закручиваться вихриком прозрачный дымок, налился цветами, и еще через несколько секунд сложился в фигуры, сквозь которые просвечивали бочки и дальняя стена. Трое людей перед нами, не двигались, и я решил было, что что-то не ладится со связью, когда одно из видений заговорило. Какое из них, было решительно непонятно: лица всех троих закрывали капюшоны, из-под которых виднелись только бороды.

— Приветствуем, странник, — я в ответ слегка наклонил голову, и голос продолжил: — Жаль, что удалось встретиться только теперь и при таких обстоятельствах. Аврора, рад, что вы успели, теперь баланс сил изменится.

— Да, этот... ученый очень важен. Я оставила у его дома наблюдателей, так что если солнцепоклонники сунутся снова, мы будем готовы.

— Сегодняшняя ситуация не должна повториться! — произнес голос, почти такой же, но все же теперь заговорила другая фигура. В этом голосе звучало явное недовольство. — Слишком часто врагиоказываются на месте раньше нас!

— У них больше людей, в том числе и обычных, действующих без прикрытия, и занимающих высокие посты, но мы делаем все возможное.

В голосе ведьмы впервые с момента нашего знакомства прозвучали извиняющиеся нотки. Она опустила голову, так что ее лицо почти полностью скрыл капюшон. Я категорически ничего не понимал в происходящем. Нет, конечно, некоторые моменты были более чем прозрачны, тем более, экспозиция была именно для меня, но все же я беззастенчиво вклинился в разговор, сделав шаг вперед и встав, едва не касаясь ведьмы локтем.

— Господа и дамы, я понимаю, что вам нужно обсудить сверхважные вопросы именно теперь, но давайте не будем забывать, что здесь присутствую я, которогоэти дела касаются непосредственно, и я требую объяснений. Кое-что уже известно, но если мы хотим и дальше взаимодействовать, то мне нужны ответы.

— Закрой рот! — зашипела Аврора, но голос остановил ее. Говорил тот, что приветствовал нас, и теперь призрачная фигура снова обращалась ко мне.

— Конечно же, мы расскажем все. Ты — осколок прежнего мира, хоть и выглядишь, как человек из этого времени...

— Выглядит? — оборвал его второй голос с раздражением. — Он и ведет себя, как дикарь! Или вы не видели, как он жрет и хлебает в толпе таких же животных?! А убитых этим существом я уже перестал считать!

Я сжал зубы, с трудом сдерживаясь о грубого ответа. Вместо этого спросил нарочито спокойным тоном:

— А вы знаете иной способ жить, не привлекая внимания? Быть может, мне стоило и дальше оставаться на конюшне? Хотя вы, благородный... кто бы там ни были, вероятно, не в курсе, что такое конюшни, так что я вам сейчас расскажу...

— Хватит! — прозвучал бесплотный голос третьего. Мне показалось даже, что одна из фигур едва заметно шевельнулась, но клясться в этом я бы не стал. — Мы здесь не для этого. Насколько я знаю, уважаемый... — тут он произнес полную форму моего настоящего имени, быстро и не ошибившись ни в одном из сотен звуков, чем вызвал мое неподдельное восхищение, — и в прежней жизни был воином, так что не удивительно, что он и здесь

выбрал тот же путь.

Я промолчал, решив не углубляться в вопрос и не объяснять, что был пилотом и что впечатляющими формами обязан гравитации, медведю и микроботам в крови. Так и не начавшийся конфликт тем временем сошел на нет. Второй, так и не выдавший себя ни единым движением, предпочел молчать, и слово снова взял первый.

— Как человеку пришлому, к тому же прошедшему последнюю тысячу лет во сне, тебе непонятно произошедшее в этом мире. Вполне естественно, что тебе нужны ответы. И они у нас есть.

С первыми сообщениями о появившихся в человеческих мирах Разрушителях над всеми нами нависла опасность уничтожения. Хотя система и была технологически хорошо развита, все же у нас не хватило бы ресурсов и вооружений, чтобы противостоять врагу хоть сколько-нибудь долго. У нас были каменная и ледяные луны, на которых мы разместили автоматические военные базы, станции обнаружения, спрятанные на дальних планетах, но и все. Спасало отдаленное расположение, ведь мы были самым дальним человеческим миром. При этом, никто из вышестоящих никогда всерьез не верил, что нам удастся остаться незамеченными. Обсуждались способы сбежать в еще более глубокий космос, финансирование перекидывалось с проекта Ковчега на новейшее оружие и обратно, мы хватались за все сразу, от чего не получалось вообще ничего. В обществе нарастала паника. Мы, высшие иерархи, видели, к чему все идет, и в какой-то момент возникло радикальное решение: закрыться. Строгая информационная изоляция. И она даже работала. Недолго, но работала.

Когда по новостным каналам прекратилось постоянное обсуждение Разрушителей и их продвижение среди человеческих миров, у обычных людей появились новые причины для волнений. Все вернулось к норме, и мы могли и дальше спокойно заниматься вопросами безопасности, но вскоре все пошло не так.

Мы могли предвидеть многое. Иерархи обладали самой большой вычислительной мощностью на планете, и предсказать, как поведут себя массы, никогда не являлось проблемой. Но вскоре оказалось, что в вычисления закрадывается все больше ошибок. На осознание, что кто-то из ближнего круга саботирует работу совета, ушла секунда. Вычислить, кто это был, не удалось до сих пор.

По мере того, как росла череда ошибок, сперва незначительных, а спустя полсотни лет — почти катастрофических, росло и общее недовольство. Под сомнение ставились все инициативы Совета, а их исполнение встречало все более откровенное сопротивление. Мы видели, к чему все идет, и, приложив все усилия, сумели склонить чашу весов в свою сторону. И тогда невидимый враг нанес последний удар. Мы опоздали всего на мгновение. Коды отмены уже неслись к шахтам на лунах, но запуск произошел раньше. У Совета оставались считанные минуты, чтобы спрятаться. Мы воспользовались шансом. Ракеты уничтожили информационные центры, а затем верные заговорщикам войска пошли в наступление. После чего мир погиб.

— Падение... — выдохнул я. Микроботы нащупали слабое электрическое поле, внутренние информационные сети нашли точку подключения, и через нее в мою голову потянулся поток визуальных образов. Увиденное впечатляло. Как я и предполагал, в ход было пущено самое мощное из планетарных вооружений... По крайней мере, таким оно было во времена, когда предки жителей этого мира покидали населенные системы. Планету залило огнем, моря буквально вышли из берегов, а по выжженным равнинам двигались

бесчисленные армии, испепеляющие друг друга лучевым, огнестрельным и ракетным оружием. Это совершенно точно походило на конец света.

— Да, — прошелестел голос второго, уже не такой недовольный. Сейчас в нем отчетливо слышалась горечь. Я представил вдруг, что если эти люди передо мной — члены Совета, то им не менее тысячи лет, и все это они наблюдали своими глазами. И что у второго нет никаких причин относиться к военным с уважением. — То, что ты видишь, вошло в легенды. В той войне не было победителей... как нам тогда казалось. Мы приложили все силы, чтобы вывести остатки людей из самоубийственной петли, а когда это удалось, через сотни лет работы на пределе, с ужасом поняли, что уцелел и враг. И по миру начало распространяться религиозное учение, нашедшее отклик в сердцах людей, не знавших прежних времен.

— Вы о солнцепоклонниках? Я встретил нескольких, и они показались мне не опаснее служителей любого другого культа. Церкви, верования... — я неопределенно покрутил пальцами. — По крайней мере, насколько мне хватает знаний. В одной из деревень даже вполне себе обходились без культиста, и никаких мер со стороны церкви не последовало.

— Потому что Великое Солнце не наш враг. Они вообще имеют опосредованное отношение к тем, против кого мы боремся. К тому же, солнцепоклонники — не единственные претендуют на истину. Есть еще Дети Луны, к которым принадлежит твой друг Залтан, есть Морские братья... Они в чем-то по-настоящему страшны, еще недавно людей жгли и топили во славу богов. Но культы — лишь инструмент в более могущественных руках.

Голос затих. Я стоял, переваривая услышанное.

— Ведьмаки, такие же, как и вы.

— Молодой, а уже такой проницательный, — усмехнулся возмущавшийся моей кровожадностью. — Не прошло и часа, как его озарило!

Я дернулся, как от пощечины, хотел сказать что-то едкое, но протяжно выдохнул сквозь зубы. Голос прав: кто я, а кто они? Тысячелетие, проведенное что я провел во сне, эти люди жили, копили опыт и знания. Оставалось лишь развести руками.

— И за века вам так и не удалось добраться до зачинщиков?

— Это вовсе не так просто, как кажется. Они среди нас. Они — это мы. Здесь, перед тобой, все, кому мы можем доверять... плюс эта женщина. А теперьиты.

— Польщен...

— Просто потому, что ты точно не часть старого мира. А еще имеешь корабль, что делает тебя самым ценным активом.

Вот так. Активом. Не человеком даже, картой в игре. Возможно, даже джокером. Аврора неслышно подошла сзади, холодные пальцы скользнули в мою ладонь. Обернувшись, я встретился с ней взглядом. Ведьма кивнула. Бесплотный голос зазвучал снова, подтверждая мои мысли:

— Ты не разменная монета и важен сам по себе.

— Мы сможем добраться до корабля и сами, — заговорила сварливая тень. — В конце концов, обойти защиту можно всегда, главное — дотянуться...

— Но мы не станем. Ты — наши уши и глаза, человек, максимально далекий от происходящего здесь, а потому способный увидеть то, что пропустим мы. Задуманное тобой — дело хорошее. Вся наука контролирует враг, чтобы не дать миру развиваться. Кое-какие озарения, подвижки есть, но в основном — тупиковые ветви, они вытягивают ресурсы, но не

приносят реальной пользы.

— Вы о конкурентах Белла? Насколько я успел понять, они не бедствуют.

— О, да, фокусы всегда приносили большой доход. И будут приносить, даже когда мы возьмем верх.

— Но что же тогдамогу сделать я? — я вопросительно пожал плечами. — У них — поддержка влиятельных лиц, много денег и поклонников!

— Делай, что делал, и все получится. Ты собрался пробиваться наверх? Это как раз то, что нужно, только цель немного изменится: никто не должен знать, кто ты и откуда на самом деле. Мы в свою очередь приложим все усилия, чтобы ты не остался без денег, и будем поддерживать твою легенду. Действуй.

После этих слов ничего не изменилось, но я отчетливо понял, что в подвале остались только мы с ведьмой. Что-то гулкохлопнуло, зажужжала, диссонируя с окружением, скрытая вентиляция, загрохотали трубы, вытягивая из запертого силовыми полями круга туман. Я повернулся к ведьме, кивнул через плечо:

— Все, что они говорили, правда?

— А сам как думаешь? — Аврора нервно хохотнула. — Брр! Каждый раз чувствую себя маленькой девочкой...

— Да, они... внушают... — я пошевелил пальцами, не в силах подобрать слово. Меня тоже не оставляло гнетущее ощущение чего-то огромного, тяжелого, как крышка гроба. Если так после встречи с призраками, то что будет при очном знакомстве? Если оно, конечно, когда-либо состоится. — Что будем делать теперь?

— Для начала, выберемся отсюда. Потом ты отправишься к себе.

— Уверена? Может, стоит заскочить к нашему другу-ученому?

— Нет — Ведьма мотнула головой и направилась к выходу. — Я уже объяснила: ему ничего не грозит. По крайней мере, этой ночью, а после мы усилим охрану. Живи, как жил, подкидывай идеи. Реши, чем можно удивить придворных, это кратчайший путь наверх! А сейчас — молчи.

Она потянула дверь, и в подвал немедленно проник разноголосый шум, запахи ударили с такой силой, что я отшатнулся: оказывается, в погребе фильтровался даже воздух!

Мы прошли к выходу под заинтересованными взглядами женщин и понимающими — мужчин. Оказавшись на улице, я поежился от показавшегося ледяным воздуха.

— Когда мы увидимся снова?

Я старался, чтобы голос звучал уверенно и по-деловому. Надеюсь, у меня получилось.

— Скоро. — Взгляд ведьмыщепко охватил темноту подворотни. — Нам предстоят великие дела!

Она улыбнулась и пошла, бесшумно ступая в грязи.

Не терпелось вернуться к ученому, я сдержался с большим трудом и отправился в свои комнаты. В голове не переставая крутился вихрь полученной информации. Древний враг? К тому же скрывающийся среди тех, кому вредит? Прелестно. Первоначальный план обрастает все новыми подробностями, и такими, что в пору бросить все, упасть на спину и заорать: «сдаюсь!» Вот бы вернуться ко времени, когда я еще мнил себя великим прогрессором, и силой оставить на конюшне...

Я остановился посреди комнаты, по которой метался последнюю пару часов. На столе, укрытом свежей белой скатертью, лежал пожелтевший, мятый, с истрепавшимися краями листок. Чертеж ученого, сделанный по моему рассказу. Я бросил его там еще в первую ночь, едва вернувшись от Белла, но только теперь вспомнил. Подошел, отодвинул стул и уселся, глядя на грубые, много раз правленные линии. В отличие от этого мой план казался мне кристально ясным, где все пункты следовали четко один за другим, не требуя коррекции. Раз — и я получаю титул и власть. Два — использую свои знания, чтобы двигать науку и технику этого мира. Становлюсь буквально мессией, веду к свету, попутно избавляя мир от бедности и болезней. Три — повергаю Разрушителей, которые появятся, непременно появятся на пороге, но ровно в тот момент, когда мир будет к этому готов.

М-да... Озвученный, он звучит совершенно по-идиотски, признаю. Я не особо задумывался о том, как именно буду воплощать задуманное. Даже титул достался мне обманом. А земли, деньги, знакомства появились, как его следствие. После череда случайностей привела меня в тот переулочек, где грабили Кеннета, а где же во всем этом я?

Кулак со злостью опустил на столешницу, звякнули подпрыгнувшие графин и чашки. Я с силой потер лицо. Сам того не ведая, ввязался в игры древних, так что теперь и не выбраться. Была бы возможность добраться, до «Байонета», уже мчался со всей доступной скоростью прочь из системы...

Заткнись, тряпка! Я отвесил себе тяжелую пощечину, из глаз посыпались искры, в ухе зазвенело, но голова стала легкой и ясной. Взгляд упал на чертеж. Ученый уже начал работать, и если раньше за ним просто приглядывали, то теперь начнут охоту. Да и не наблюдается вокруг избытка гениев, а мне они очень понадобятся в ближайшее время. Нужно только составить новый план действий. Реалистичный.

Время шло. День за днем ничего не происходило, я решил пока не ходить к ученому, чтобы не мешать. Денег ему должно хватить надолго. Я ел, спал, думал, пока однажды вечером в дверь не постучали. За порогом стоял, переминаясь с ноги на ногу, паренек-посыльный. С поклоном протянув мне клочок бумаги и получив мелкую монету, он резво сорвался с места, а я вернулся в комнату и развернул записку. Незнакомым почерком в ней было выведено название ювелирной лавки, а внизу вместо подписи — округлая «А». Ловушка? Не думаю, слишком скоро. Но на всякий случай стоит надеть легкую кольчугу под камзол и вместе с саблей прихватчу кинжал. Очень не хватает комбинезона, не забыть бы напомнить Авроре, у которой он заряжается с тех пор, как закончилась война с Тошильдером. Проверив, все ли на месте, я запер дверь, и вскоре уже легким шагом подходил к месту встречи.

Я осматривался в поисках слежки, стараясь делать это как можно более незаметно, но появление Авроры все равно пропустил. Да и не узнать ее было в новом образе. Длинное

пышное платье изумрудного оттенка, легкая широкополая шляпка с вуалью — и вот передо мной совершенно другой человек. Погода сегодня оказалась на удивление хорошей, солнце даже немного пригревало, заставляя птиц удивленно пищать, и вуаль, так удачно скрывавшая лицо ведьмы, была как нельзя кстати. Подойдя ко мне, Аврора сказала низким грудным, так непохожим на ее обычный голосом:

— Томас, милый, неужели вы наконец решились?

Я на мгновение замер — в голосе ведьмы слышалась подначка — но все же ответил достаточно быстро:

— Я никогда не бегал от опасностей, мадемуазель, будь то конница врага или красивая женщина.

Мне показалось, что Аврора под вуалью зарделась, ладонь в белой перчатке скользнула мне под руку, но тонкие пальцы сжались с неожиданной силой.

— Вы мастерски делаете комплименты, но посмотрим, как запоете, когда я примусь выбирать кольца!

Она повлекла меня, я едва успел вырваться вперед, чтобы открыть дверь. Внутри лавка была ярко освещена свисающими с потолка лампами, ярче дневного света, льющегося с улицы. Прилавок полностью, за исключением небольшого деревянного островка, занимали стеклянные витрины, в которых теснились кольца, серьги, подвески и черт знает, что еще, все это блестело так ярко, что заболели глаза. Полки за прилавком громоздились одна на другую, уходили вверх, там на длинной лестнице возился маленький горбатый старик в пыльном пиджаке. Обернувшись, он прищурился в нашу сторону поверх очков и отвернулся. Аврора протасила меня к прилавку, откинула доску, мы проскользнули вдоль полок к скрытому между полок проходу. Там размещался крошечный склад, а сразу за ним ступени, ведущие в жилые комнаты второго этажа.

Когда мы оказались наверху, ведьма втолкнула меня в одну из комнат и закрыла дверь. Я бегло осмотрелся: судя по всему, это был кабинет хозяина лавки, с широким столом и сейфом, на обоих громоздились стопки пожелтевшей бумаги.

— Я думала, ты не придешь. — Аврора скинула шляпку, светлые волосы свободно рассыпались по плечам. Она с отвращением перебирала многочисленные юбки, казалось, она с трудом удерживалась, чтобы не начать срывать их. — Чертовы тряпки!

Я промолчал, с интересом ожидая продолжения. Наконец, она разобралась со слоями материи, в одной из бесчисленных нижних юбок открылся длинный потайной карман, грамотно закрепленный, чтобы распределить вес груза. Затем показался комбинезон, который Аврора протянула мне. Он заметно оттянул руку, хотя в прошлый раз казался намного легче.

— Добавила еще одну батарею и немного усилила защиту, — подтвердила она. — Минут десять полной маскировки добавилось, надеюсь, хватит.

— Это если не попадут в батарею. — Я ощупал ткань, выпирающие на рукавах и штанинах пластины. — Не знаю, каково это — гореть, и проверять не хочу.

— Ты меня за дуру держишь? Батареи гибкие и на внутренней стороне. А если не нравится — пошел к черту!

Она протянула руку, дернула комбинезон на себя. Голубые глаза зло блеснули. Я осторожно потянул на себя, сказал примирительно:

— Шучу! Шучу!

— У тебя не получается, — бросила она раздраженно. Покопавшись в юбках, сняла

мужской пояс, даже с виду тяжелый, протянула мне, тот солидно звякнул. — Тут тебе на расходы.

Я взял пояс, застегнул поверх своего, пока Аврора поправляла юбки. Потом наклонилась за шляпкой, но пока она не успела ее надеть, я притянул ее к себе. Губы ведьмы были мягкими и горячими, а сама она пахла травами и свежестью. Через пять долгих секунд она нехотя отстранилась, бросила с наигранной серьезностью:

— Не много ли вы себе позволяете, барон? Вы порочите мою честь, ведь кольца я от вас пока не дождалась!

— Два! — ответил я. Под моими руками была ее тонкая талия, стянутая корсетом. Ее пальцы подрагивали у меня на плечах. В глазах лучился смех.

— Не меньше! Иначе в следующий раз я не потащу ваши тяжелые железки, сэр Томас!

Из лавки мы вышли так же под руку. Аврору ждал экипаж, я помог ей забраться, и повозка, скрипнув деревянными рессорами, покатила по улице. Ноги неторопливо понесли меня к гостинице, а в голове вихрились мысли.

Итак, комбинезон вернулся ко мне, и даже усиленный. Это дает некоторую свободу, не придется бросаться в открытую, как тогда в переулке. К тому же, заметно прибавилось денег. Оценки прибыльности владений оказались немного завышенными, и выполнение плана с теми финансами, что были доступны, обещало затянуться. С помощью же стариков все могло получиться быстрее. Знать бы еще, что скрывается под этим вот «все»...

Сидя за столом с заказанным кофейником, я прикидывал, что можно изобрести здесь и сейчас, не двигая заметно науку. Внимание на себя Кеннет обратил еще до встречи со мной, но не стоило форсировать события. Один раз его спас я, еще раз — люди старцев и Аврора, но кто поручится, что у них не выйдет в третий? Или пятый? Седьмой?

На листке появлялись пункт за пунктом. Паровой двигатель уже создан, стоит довести его до ума. Воздушный шар как игрушка для богатых и как военная разработка упрочнит наши с Беллом позиции, тем более, масляные горелки тут уже в ходу, останется приспособить к ним клапаны для повышения давления в камере, а их разработку по моим чертежам для паровика уже ведет ученый. Хорошо бы заняться порохом, но здесь в моих знаниях дыра. Нужно будет запросить старцев. Дальнобойное оружие, я чувствую, мне ох как пригодится, причем, очень скоро.

Определившись с ближайшими задачами, я аккуратно перенес каждое из будущих открытий на отдельный листок, добавил нарочито грубые чертежи, которые Кеннету предстояло «улучшить». Выбрав один, остальные свернул в маленькие пакеты и надел комбинезон. Действовал быстро, места для тайников были выбраны заранее, так что на то, чтобы спрятать чертежи, ушло не более пяти минут. Оставлять бумаги, как и деньги, в номере было рискованно. После снимать комбинезон я не стал, просто натянув поверх него штаны, рубашку и камзол, затем с неохотой отправил системы в глубокий сон, чувствуя, как буквально слабею и как блекнет подсвеченный дополненной реальностью мир. Уже через пару минут ноги несли меня к подвалу гения.

С тех пор, как мы виделись в последний раз, Кеннет похудел еще больше, хотя уже тогда казалось, что он на пределе. Разруха в комнате теперь достигла апогея, все поверхности, включая грязный пол, покрывал слой исчерченной до полной невнятности бумаги, в давно не топленном камине лежали смятые чертежи. Сам ученый сидел на полу у шкафов в окружении разбросанных в беспорядке книг и что-то увлеченно писал на выдранной странице огрызком карандаша. Свеча у его ног почти догорела, Кеннет согнулся вдвое,

чтобы рассмотреть собственные каракули. Я кашлянул, громко протопал к столу, стараясь не очень сильно топтаться по чертежам.

— Работа кипит, дорогой друг?

Я остановился возле него, взгляделся, стараясь разобраться, чем же таким занят ученый. Тот не сразу заметил мое появление, вздрогнул всем телом, но узнав, громко и сварливо произнес:

— Ну и работенку вы мне подкинули, благородный барон! Мне никак не придумать, что делать с этим проклятым давлением! Чертов пар лезет из всех щелей, а если не давать ему этого делать, разрывает котел! — Он замахнулся, собираясь швырнуть карандаш, сдержался, вместо этого погрозив мне кулаком. — Если бы я знал, во что вы меня втягиваете!..

— Послушайте, в прошлый раз вы уверяли, что это изобретение именно ваше. — Я аккуратно снял со стула бумаги, переложил на стол и уселся. — И позвольте узнать, дорогой друг, вы вообще спите? Обедаете?

— Некогда! Нет времени с этим вашим... — он потряс зажатым в пальцах чертежом, затем выдохнул, сказал тише: — Все мысли только об этом. Решение уже почти найдено, но оно остается на кончике пера, потому что не из чего сделать новую модель!

Он указал в угол, совсем темный, в котором я не сразу рассмотрел тускло блестящие, похожие на разорванные чайники остовы. Белл просадил все деньги на материалы, а я не появлялся... сколько? Неделю? Больше?

— Послушайте, Кеннет, мне нужно извиниться, что давно не появлялся. Вот, здесь должно хватить на исследования.

Я снял с пояса кошелек, положил на стол. Кеннет затравленно посмотрел на него, перевел взгляд на меня.

— Учтите, барон, что быстрых результатов я вам не обещаю!

— Меня вполне устраивает, как все движется, — успокоил я. — И знаете, уверен, вам не помешает помощник...

Ученый вскинулся, мне пришлось успокаивающе выставить перед собой руки:

— Успокойтесь, дорогой друг, он ни в коем случае не будет вмешиваться в вашу работу! В его ведении будет уборка, готовка и хождение по лавкам!

— Лучше бы, чтобы все было так, как вы говорите, барон. — Кеннет с трудом поднялся на ноги, его повело, мне пришлось вскочить и придержать его за локоть. — И готовка...

— Уверен, нам нужно отметить ваши успехи, дорогой друг, — я повел его к выходу из подвала, на ходу снимая со стены плащ ученого и шляпу. — В «Имперской» сейчас не оченьлюдно, никто нам не помешает обсудить дела.

Когда мы вышли из душного подвала, мне пришлось поддерживать Кеннета под локоть, тот неуверенно держался на ногах и все норовил завалиться. Со стороны это выглядело, словно я веду слабого до алкоголя слугу, но тратить время на поиск экипажа не хотелось. Ученый был слаб, но всю дорогу до «Имперской» с горячностью рассказывал о ходе экспериментов, о поиске лучших материалов, на которые благородный барон мог бы ссуживать побольше денег. Меня так и подмывало осадить его, но я вовремя понял, что Кеннет просто не замечает своей бестактности. Придется и дальше закрывать глаза на его отвратительный местами характер.

Если в таверне и удивились, увидев ученого в таком виде, то ничем себя не выдали. Нам отвели угловой стол, половые тут же замелькали, таская из кухни и бросая на стол все, что было готово. Я налил вина в два бокала, поднял свой:

— За наше сотрудничество, дорогой друг!

Кеннет подхватил бокал, рассеянно звякнул по моему, пара капель упали на белую скатерть. Припал, шумно глотая, как человек, несколько дней не видевший воды. Когда тонкая стеклянная ножка стукнула по столу, он моргнул повеселевшими глазами и ответил:

— Я уже почти разобрался, как сделать, чтобы эти штуки перестали взрываться! Еще немного... Мы здесь не надолго? Может, благородным баронам и привычны долгие застолья, но мне нужно работать.

— Вы забываете, мой друг, что я тоже в некотором роде ученый, так что и мне не чуждо рабочее рвение. Да, у меня достаточно времени для досуга, но трачу я его вот на что.

Я выложил на стол среди тарелок прихваченный из гостиницы чертеж. Кеннет, рассеянно хлебавший не самый дешевый суп, тут же ухватил бумагу свободной рукой, впившись взглядом в грубые линии.

— Что это? Нет, в целом я улавливаю мысль, но все таки хотелось бы больше конкретики.

Он поднял на меня глаза, вскинув брови. Я снова наполнил бокалы, откинулся на спинку стула.

— Это довольно забавная штука, мой друг, я зову ее паяльная лампа. Она позволит разгонять поток огня, словно его раздувают мехами, но ровнее и дольше. А вот тут стоит еще одна любопытная вещь, на нее у меня ушло очень много времени, но думаю, она пригодится вам и в работе над паровиком. Наверное, я назову ее клапан.

Я указал на нужную часть чертежа. Кеннет снова углубился в его изучение, затем отодвинул тарелку и разгладил лист на скатерти.

— А как вы решили проблему с выпуском пара? Ведь если неплотно подогнуть крышку, она будет непрерывно подтравливать, а если заклепать...

Следующие полчаса мы с Кеннетом потратили на обсуждение принципа работы его будущего изобретения. Я был подкован лишь теоретически, так что с интересом слушал его рассуждения, не обращая внимания на любопытных половых, стремящихся подобраться поближе и подглядеть, что такое важное обсуждают господа. Когда стало понятно, что ученый взял верное направление, я рассчитался за обед, и мы покинули таверну.

На улице стояла прекрасная погода, удивительная для столицы. Ветер дул с суши, и уже который день обходилось без облаков и тумана. Грязь подсохла, и теперь висела в воздухе тонкой пылью. Я решил сопроводить ученого, и мы неторопливо двинулись в обратный путь. Кеннет молчал, уйдя в себя и обдумывая все, что я ему рассказал. Мне же не хотелось его отвлекать, и я просто крутил головой, прищурившись от яркого солнца. Наверное, только поэтому я их и заметил.

Трое, одетые неприметно и в шляпах, скрывающих половину лица, шли в некотором отдалении, двое по нашей стороне, один — по противоположной. Они старательно изображали обычных прохожих, но действовали так слаженно, что это сразу бросалось в глаза. Ладно, возможно, обычному барону не под силу такое заметить, но откуда исполнителям знать о моей необычности?

Мы как раз свернули на узкую улочку, ведущую к подвалу ученого, и я мысленно похвалил себя, что не стал снимать комбинезон, но тут же беззвучно выругался: на улице слишкомлюдно, и даже в темном углу, где живет Кеннет, полно лишних глаз. Хотя, это может сыграть и в нашу пользу: надеюсь, они тоже не рискнут нападать среди бела дня. Справиться с ними не проблема, но кто-то может ненароком попасть в ученого. Как же не

хватает дальнобойного оружия! Чего-то бесшумного, но убойного. В голове забрезжила мысль, но я ее отложил на потом: повернувшись к Кеннету в очередной раз, я заметил, что троица ускорила. Двое будто случайно запустили руки в карманы, последний немного отстал и теперь озирался, высматривая свидетелей. Мне представилось, как это будет: нас окликнут, под каким-то предлогом заставив остановиться, и тут же пустят в ход ножи. Мне навредить не смогут, и я сумею оставить тут минимум двоих, но Кеннету грозит настоящая опасность. Придется действовать на опережение. Рука скользнула за пазуху, готовясь активировать системы комбинезона, я втянул пропахший нечистотами воздух, выдохнул и резко обернулся...

Двое, оказавшиеся уже в паре метров позади, резко отскочили, в глазах блестели удивление и растерянность. Заметив, что моя рука лежит на эфесе сабли, один из них выставил перед собой руки:

— Простите, сэр Томас, мы не хотели вас... Нам велено передать записку, ничего такого... Вот, держите.

Он медленно вытянул из кармана свернутую в трубку бумагу, протянул мне. Пальцы его заметно дрожали, не то от страха, не то от напряжения. Второй напряженно следил за нами, продолжая что-то сжимать в кулаке за пазухой. Я протянул руку, выхватил записку. Посыльные спиной вперед отступали, пока со стороны центральной улицы не донесся пронзительный свист. Тогда они синхронно развернулись и побежали, через несколько секунд скрывшись из виду.

Только теперь я позволил себе развернуть послание, а в следующий момент присвистнул уже сам.

— Кеннет, друг мой, думаю, вам это тоже будет интересно!

Я старался выглядеть бодро, но все же с облегчением выдохнул, только оказавшись под защитой стен квартиры ученого. Снова развернув бумагу, перечитал послание: «Сэр Томас, настоятельно рекомендуем вам и вашему приятелю, только по недосмотру еще не брошенному в клетку, оставить ваши идиотские затеи. Так будет лучше всем во имя истины и науки». Без подписи, без герба или печати. Я повернулся к свече на столе, посмотрел на просвет, но никаких следов не заметил.

— Почти уверен, что это кто-то из ваших друзей-ученых, мой друг, — сказал я сгорбившемуся на стуле у камина Кеннету. — Какой слог, какая экспрессия!

Белл раздраженно каркнул:

— Они такие же друзья, как и ученые! Два предположения, и оба ложные! Удивлен, как же вы смогли додуматься вот до этого, с таким-то уровнем... — Он хотел было бросить мои чертежи в огонь, но вовремя остановил руку, начал снова их изучать. После недолгой паузы продолжил: — Сэр Томас, я пойму, если после такого вы решите отказаться от нашей работы.

Он повернулся, глядя прямо в глаза. Смотрел пристально, ожидая ответа, и стало понятно, что, каким бы он ни был, работу ученый не прекратит. Пусть даже этот напыщенный дурак барон сбежит, поджав хвост. Не удивлюсь, если в этот момент Кеннет думал именно об этом. Я рассмеялся, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более легко и непринужденно.

— Ну что за глупое предположение! Нет уж, никому меня не запугать, особенно теперь, когда мы так хорошо работаем вместе! Уверен, что и вас запугать таким подлым приемом не получилось!

Ученый продолжил сидеть неподвижно, но плечи его расслабленно опустились, на губах появилась слабая улыбка, сменившаяся презрительной усмешкой:

— Не знаю, кто это был: Альбертссон, Оливье, или сразу трое, но шли бы они к черту!

Мы посидели еще, перемывая кости шарлатанам, после плотного обеда тот заметно оживился, а затем я оставил Кеннета возиться с чертежами. На улице, втянув полной грудью чистый по сравнению с хлебом, в котором обитал Белл, воздух, я решил, что нужно скорее найти ему помощников и прислугу. Не понятно, как там живетса самому ученому, но я уже начинаю чесаться от одной мысли о подвале!

В следующий раз, когда я переступил порог дома Кеннета, помещение уже больше походило на жилое. Нанятые строители поработали на славу. Заделали щели в окнах, сами окна снаружи защитили от луж, камин теперь горел круглые сутки, выгоняя влагу. Спустившись, я сразу почувствовал сухой жар. Кровать, стол и шкафы сдвинули к дальней стене, толстозадая девка елозила тряпкой по полу, на крюке в камине что-то закипало в котле, распространяя вокруг мощный запах бульона.

— Мой друг, вижу, у вас здесь все налаживается! — я шагнул с сидящему за столом ученому. Тот бросил на меня затравленный взгляд:

— Я вам безмерно благодарен, барон, но неужели нельзя было найти человека вместо этой фурии?

Он указал на девуку, та заметила это, тут же бросила тряпку, распрямилась, уперев покрасневшие руки в толстые бока:

— Я те дам фурею, я те дам! Чево удумал — обзывать!

— Молчу, молчу! — выставил перед собой руки Кеннет.

— То-то жа! Развелось умников, плюнуть некуда!

Девка победно кивнула и снова перегнулась пополам, продолжив натирать полы мокрой тряпкой. Ученый преувеличенно драматично закатил глаза, покачал головой: с кем приходится иметь дело!? Сказал громко, но как бы мне:

— Главное, чтобы бумаги не трогала!

Девка снова что-то забубнила, разгибаясь, но я оборвал их спор.

— У вас уже есть какие-то результаты, мой друг?

— Конечно! Конечно! Я уже почти подобрал материалы, теперь нужно дождаться пока привезут котлы, я заказал их у кузнеца в паре улиц отсюда... Очень толковый человек, хоть и невысокого происхождения... — он подскочил к столу, заваленному списками и чертежами. — Я думаю использовать каучук. Слышали о таком? Недавно привезли с южных островов. Стоит каких-то страшных денег, но вы бы знали, какое это чудо!

Я слушал внимательно, вникая и понимал, что сделал правильную ставку. Возможно, здесь водились и более светлые головы, но и Кеннет соображал быстро, схватывая на лету и тут же принимался развивать мысль. Мы просидели, склонившись над бумагами, несколько часов, даже на время обеда не отрываясь от работы. Кстати, готовила девка вполне неплохо. Даже хорошо. Уже вечерело, когда я поднялся из-за стола, со стоном разминая застывшую поясницу. Распрощавшись с Кеннетом, я отправился к себе. Было одно дело, которым я не мог пока поделиться даже с ученым.

У дверей номера меня ждал мальчишка-посыльный, держащий в руках узкий длинный ящик с клеймом одной из самых известных мануфактур столицы. Мелкая монета скрылась в его ладони, и, оставшись один, я принялся разбираться с посылкой.

Ящик само собой был не от местных торговцев. Сделать все, что мне требовалось, смог бы достаточно талантливый работник, хоть и на самой грани необходимой чистоты и допусков. Но не стоило лишний раз дергать за усы следящих за нами людей. Посылку доставили от Авроры, но мне все равно пришлось самым тщательным образом изучить ящик на предмет вскрытия. К счастью, все отметки и скрытые пломбы оказались на месте, и я взялся за содержимое. Свинцовая трубка диаметром в полдюйма, моток толстой медной проволоки, стальная пружина, пара стальных же прутков. Тонкое полотно по металлу, пожалуй, было здесь наибольшим анахронизмом. Кроме того, ведьма положила в ящик инструменты для резьбы по дереву и бруски из липы. Отлично. Теперь дело за малым: собрать из этого рабочую модель пистолета Гаусса. Вещь в принципе примитивную, но действенную.

На сборку ушло несколько часов. С обмоткой ствола я справился быстро, как и с импровизированной обоймой из пружины и остатка трубки. Потом напил из прутка болванки, не заботясь о мало-мальской аэродинамике: улететь далеко им не грозит, первую модель я и не планировал с какой-то ощутимой мощностью. Основные проблемы начались с деревянной основой. Требовалось сделать пистолет компактным, чтобы его можно было прятать в рукаве комбинезона: по задумке, питание пойдет от его энергосистемы, так что никаких длинных проводов.

Еще час потратил на то, чтобы соединить поделку с комбинезоном. Для этого пришлось расковырять антивандальное покрытие на батарее в рукаве, благо там проходил шов. Я поднялся из-за стола, с некоторой опаской натянул комбинезон, запустил систему. На город

уже опускались сумерки, и комната расцветилась оттенками зеленого. Я опустил глаза на лежащий на ладони пистолет. Некрасивая, даже уродливая вещь, совершенно чуждая окружающему миру, но я чувствовал с ней больше общего, чем с кем бы то ни было на этой планете. Черт, да он был даже по-своему красив! Оставалось теперь понять, как заставить эту штуку работать.

Перед мысленным взором появилась и легла прорисованная разбуженными имплантами схема. Красные линии проводов, оранжевая батарея, от которой сосудами тянутся кабели. Я попробовал было пустить ток, но остановился и вынул из деревянной основы трубку с железными болванками. Мне почему-то казалось, что пистолет зажужжит, но, лишенный конденсаторов, он не издал ни звука. Как понять, идет ли на катушку ток? Отключив питание, я осторожно опустил в ствол болванку, направил пистолет в стену и представил, как батарея пускает напряжение по проводам... Раздался глухой стук. Снаряд оставил вмятину на ткани, покрывавшей стену, и отскочил, потерявшись в комнате. Работает!

Оставалось понять, какое напряжение пускать на катушку, как научиться делать это автоматически, и главное — на какое количество выстрелов можно рассчитывать, пока не разрядятся батареи комбинезона. Я сбросил крепления проводов, рассовал пистолет и обоим по разным карманам. Возня с оружием навела меня на одну важную мысль: а почему бы не изобрести порох?

Какая-никакая, химическая промышленность в мире есть, но порох наверняка под запретом. Главное — узнать, под чьим. Если церковь, то не стоит даже и пытаться, только обращу на себя внимание, но если это люди, тайно влияющие на науку... Приятного тоже мало, но тут хотя бы можно рассчитывать на помощь старцев. Я побарабанил пальцами по столу. Почему я не озаботился связью с Авророй? Ведьма всегда появлялась сама и ровно тогда, когда было нужно, но как быть теперь?

В дверь постучали. Я вскочил со стула: кто это может быть? Осторожно потянул за ручку, и обнаружил в коридоре все того же мальчишку-посыльного. Он протянул мне очередную записку. Я сунул ему мелкую монету, захлопнул дверь, развернул послание и, уже не удивляясь ничему, увидел знакомый округлый почерк. Захотелось осмотреться на предмет спрятанных в стенах камер, с трудом удержался и начал читать. Записка действительно была от Авроры, она назначала встречу в дальнем районе столицы, на окраине. Представив карту, я вспомнил, что там расположены рыболовецкие причалы. Что ж, настало время побывать и в таком месте.

На улице я остановился, чтобы поймать извозчика. Почти сразу рядом со мной остановился крытый экипаж, услышав адрес, человек только кивнул и взмахнул поводьями. Повозка тронулась, и я опустился на жесткое сиденье, сказав уже сидевшей рядом Авроре:

— Ну здравствуй. К чему такие предосторожности? И откуда ты всегда знаешь, что нужна? У тебя...

— Нет, камер в твоей комнате мы не ставили, — ответила она таким тоном, что не только не развеяла сомнений, но еще и усугубила их, когда сказала: — Покажи.

Я не стал уточнять, что именно, а, расстегнув камзол, вынул из-за пазухи свое творение. Аврора взвесила его в руке, скептически хмыкнула, но рассмотрев, сказала:

— Грубая страшная поделка. Но схема действенная, да. Сколько же она берет на выстрел?

— Не было возможности проверить. Не хотелось объясняться с хозяевами гостиницы, откуда в стене появилась дыра. — Я принял от нее пистолет, осторожно спрятал, застегнул

камзол. — Нужно найти место и пристрелять его.

— Да, мне и самой интересно, что же у тебя получилось. — Ведьма кивнула. — Мы как раз туда и направляемся.

— Послушай, и мне очень нужно узнать вот о чем...

Я кратко изложил ей мысли по поводу пороха и своих опасений. Аврора выслушала, затем ненадолго задумалась.

— У нас появились те же соображения, Томас, так что место встречи я назначила не случайное, сам увидишь. Время от времени кто-то из химиков обязательно натывается в исследованиях на порох, это понятно. Но церковь по этому поводу еще ни разу ничего не говорила, это тоже факт. Так что здесь явная работа врага. И не исключено, что у него как раз имеется и порох, и все, что вытекает из факта его изобретения. Так что да, думаю, мы можем дать тебе формулу. И все сопутствующие компоненты на первое время организуем. Главное, чтобы твой друг-ученый не взорвал себя. Начнешь делать оружие? Ход неплохой, так можно в момент оказаться в приближенных к императору.

— Ну, не так быстро. — Я мотнул головой. — Сперва я думаю начать с фейерверков.

— С фейерверков? — Ведьма вскинула брови. — Забавно. А зачем?

— Ну, во-первых, это красиво. Во-вторых — эффектно, и видно издалека. В третьих... В третьих, посмотрим, что получится. Даже этого уже хватит, чтобы взбесить наших врагов.

Я коротко рассказал ей о преследовавших нас с ученым людей и о записке, ими переданной.

— Это да, — Аврора снова задумалась. — Пока за Беллом присматривают, но охрану я удвою. А лучше утрою.

— Нужен человек непосредственно в мастерской.

— Уже есть. Марта — мой человек, она присмотрит.

— Марта — это та толстоза... крупная девка, что убирается у Кеннета и постоянно бубнит?

— Она самая. — Ведьма звонко рассмеялась. — А ведь ты и не подумал бы, а?

— Не подумал бы, — согласился я. — Отлична маскировка. Но нужен еще и помощник, лучше толковый и не болтливый. Есть у тебя такие?

— Есть пара на примете, разберемся. — Ведьма кивнула. — Завтра-послезавтра пришло, и пора бы вам присмотреть новое место под лабораторию, особенно с учетом фейерверков. Здания там жилые, так что не нужно рисковать... А вот мы и приехали.

Я выглянул из повозки. Моросил нудный мелкий дождь. Лошадь тянула нас между длинными не то сараями, не то развалинами, под колесами и копытами хлюпала жидкая грязь. Невыносимо смердело тухлой рыбой и грязной водой: мы как раз выехали на мост через узкую речку, несущую нечистоты в море. То тут, то там попадались люди. Они стояли у дверей в склады, растягивали сети, выбирали из них тину и мусор, бродили под стенами или просто сидели, провожая нас пустыми взглядами.

— Они нас не видят. — Ведьма заглянула мне через плечо, указав на людей, объяснила: — Как в Северном, но легче, чтобы никто не утонул случайно. Не нужно, чтобы кто-то запомнил нас.

Выбравшись из повозки, я оказался на широких темных досках, оказавшихся ровно под ногами. Опершись на мою руку, Аврора грациозно встала рядом и, подобрав юбки, пошла по импровизированной дорожке в сторону недалекого сарая. Мне осталось только поспешить следом. Мужики провожали нас взглядами, но понимания или интереса в их глазах по

прежнему не было.

Ведьма остановилась у неприметной дверцы, негромко постучала. В открывшемся окошке на мгновение мелькнули чьи-то глаза, затем дверь бесшумно открылась, пропуская нас внутрь. Здесь было сумрачно и тихо, и пахло от чего-то выгребной ямой. Мы оказались в длинном узком коридоре, заставленном ящиками и бочками, от которых и шел запах. Я на ходу передернул плечами и собрался было спросить, где же мы оказались, когда шедшая впереди Аврора жестом велела мне остановиться, но, пройди я еще пару метров, и сделал бы это сам: впереди отчетливо ощущалось что-то тяжелое и недоброе. И при этом совершенно невидимое. Действуя скорее автоматически, я включил индукционное поле комбинезона и посмотрел вперед. Там, совсем близко, едва ли не в шаге от ведьмы, переливалась завеса защитного поля.

Аврора закончила водить руками, и поле исчезло, пропуская нас дальше. В полу обнаружился открытый люк, за которым едва различались ступени, уходящие круто вниз. Ведьма вытащила из ящика, стоящего здесь же, тонкий факел со странной коричневой головкой, с силой провела по каменной стене. С пронзительным треском он вспыхнул, заливая все вокруг химическим пламенем.

Спуск оказался недолгим. Оказавшись метрах в пяти под землей, мы одолели еще пару поворотов и оказались у очередной двери, теперь незапертой, за которой оказался просторный склад с таким низким потолком, что мне стало не по себе. Факел осветил идущие вдоль стен стеллажи, заставленные банками из темного стекла и керамическими бутылками. За полками, стоящими рядами в центре склада, что-то возилось, доносилось шарканье и обрывки слов. Я ждал, изо всех сил стараясь рассмотреть, кто же там, в темноте. Наконец, голос затих, и шарканье начало приближаться.

Из темноты вышел седой горбатый старик в высокой шапке, натянутой по самые глаза. Из-под нее выбивались седые лохмы. В руке у него был тяжелый подсвечник с толстой, почти прогоревшей свечой. Длинный нос отбрасывал на щеки пляшущие тени.

— О, госпожа, вы уже прибыли! — голос его оказался высоким и по-стариковски дребезжащим. — Прощу извинить! Если бы мне знать заранее, встретил бы у дверей, как подобает...

Он суетливо перебирал ногами, от чего запыхался, хоть и не прибавил значительно в скорости. Аврора улыбалась ему, а в мою сторону бросила вполголоса:

— Это Аристарх, он — моя правая рука здесь. И конечно же, не в курсе, что на самом деле происходит. Поэтому в первое время предоставь говорить мне, хорошо?

Аврора смотрела на шаркающего к нам старика со странной смесью нежности и боли. Когда он добрался до нас, она сказала громко, от чего я понял, что старик еще и почти глухой:

— Я прибыла, чтобы проверить, все ли в порядке, Аристарх. У тебя все готово к демонстрации?

— Все готово, госпожа! Я старался... Торопиться нельзя в таком деле... Нельзя! Вот, извольте...

Аврора передала мне факел, шагнула к старику, взяла его под локоть, участливо глядя в глаза. Старик мелко закивал, сгорбленная спина заметно распрямилась, Аристарх со всей доступной ему силой повлек ведьму за стеллажи, я двигался следом, стараясь не подносить пламя близко к полкам с реагентами. Те хранились, кажется, в полном беспорядке: в коробках без крышки, открытых бутылках и баках. Вонь химии стояла такая густая, что оставалось только удивляться, как еще не загорелся сам воздух.

В середине подвала открылась отгороженная стеллажами лаборатория. По углам на высоких стойках горели толстые свечи, освещая расположившийся по центру стол, уставленный колбами и ретортами, книгами и сразу тремя горелками, над парой из которых кипели бесцветные растворы. На одной из полок висела доска, занимающая все пространство от пола до потолка, с приколотыми к ней бумагами. Я подошел ближе, чтобы лучше их рассмотреть. Пожелтевшие от времени, местами обгоревшие или с химическими ожогами, на большей их части уже нельзя было разобрать ни слова. Оставалось предположить, что проводящему здесь почти всесвоевремя полуслепому химику они уже были без надобности. Сам же химик тем временем подвел Аврору к столу, где начал суетливо переставлять чашки и сдвигать книги.

— Хочется, чтобы все было хорошо, чтобы отлично... Ни одного чтобы... Ни одной, э-э-э... Вот! — Он вытащил из-под нагромождений бумаги и мусора банку с черным зернистым порошком, победно вскинул ее над головой в дрожащей руке. — Вот оно! Я его зову... Зову его...

— Аристарх, не стоит ли нам выйти на воздух? — Аврора сделала предупреждающий жест, когда химик обернулся в мою сторону, протянув стеклянную емкость и едва не угодив ею прямо в пламя факела, но я и сам уже отпрянул, запоздало вспомнив, что здесь полно неприятных вещей и помимо пороха. — Здесь немного душно.

Но химик уже не слушал. Схватив со стола оловянную ложку на длинной ручке, он пару раз щедро зачерпнул черного порошка и высыпал на закопченную металлическую пластину на углу стола. Затем поднял свечу и, не долго думая, ткнул ею в порошок.

Раздалось злое шипение, я едва успел прикрыть глаза, как лабораторию озарила вспышка такая яркая, что я увидел рисунок своих сосудов под веками, а когда открыл глаза, по углам еще долго плавали зеленые пятна. По помещению растекались плотный белый дым и знакомая уже едкая вонь, она лезла в нос, щекотала горло, глаза немедленно наполнились слезами. Я схватил за руку кашляющую ведьму и, задержав дыхание, потащил ее через дым и темноту к выходу. Кое-как поднявшись по ступеням, мы сели, привалившись к стене. Ведьма громко, с надрывом, кашляла, я тер горящие глаза, собираясь нырнуть в химический мрак снова, чтобы вытащить старика, но тот показался сам. Он медленно поднимался из серого

дыма, на его глазах были обшитые кожей и промазанные чем-то, похожим на смолу, очки, а нос и рот закрывал то раздувающийся, то опадающий кожаный же мешок, с боков которого я с удивлением рассмотрел примитивные угольные фильтры! Поравнявшись с нами, он сорвал его с себя, скинул очки, открыв полные слез глаза. Упав перед ведьмой на колени, он забормотал:

— Госпожа, прошу, простите! По глупости голова моя пустая не досмотрела! Казните!.. Здесь и прямо... Вот...

Он торопливо дергал карман, пытаясь что-то из него вытащить. У старика не получалось, от чего он расстраивался все больше, теперь слезы лились непрерывным потоком. Аврора опустила пальцы ему на руку, сказала почти ставшим обычным голосом:

— Все в порядке, Аристарх, все в порядке... Кхе... Просто в следующий раз будь внимательнее...

Еще полчаса ушло на то, чтобы дожидаться, пока осядет дым и можно будет вернуться лабораторию. За это время мне удалось изучить конструкцию противогаса, грубую, но любопытную под рассказ Аристарха об опытах, перемежающийся извинениями и плачем. Аврора как могла, успокаивала старого химика и возвращала к рассказу. Затем, когда спуск в подвал вновь стал возможен, Аристарх вынес банку с черным порошком и бумагу с подробным описанием процесса. Вскоре мы уже снова оказались на улице, воздух которой, пропитанный рыбной вонью и сыростью, показался удивительно приятным. Уже подскакивая в повозке на неровностях дороги, Аврора объяснила:

— Аристарх служит моей семье уже лет шестьдесят. Ну, он так думает. Сперва он служил моей бабушке, потом — матери, а теперь работает на меня.

— Твоя бабушка и мать — это ты сама. — Ответил я с пониманием.

— Именно. Я его спасла, когда он был совсем молодой. Попался, когда собирался украсть кошелек. Банальщина. Можно было просто отмахнуться, или прибить, чтобы не мучился, но он был такой... слабый. Бледный. Было заметно, что давно голодает и еще не умеет воровать. Служил у меня при доме. История долгая.

Она отмахнулась, но я спросил:

— И потому такая преданность? Я видел собак, так не у каждой получается так крутить хвостом, как у этого старика!

— Сорок лет назад он ушел. Связался с бандой, какие-то его друзья с улицы. Я думала, что он не вернется, но он приполз весь в крови. На нем живого места не было. Я его вылечила, но бойцом он уже не стал бы никогда. И пока был слаб, набрел на библиотеку... Так он остался у меня второй раз. Теперь — насовсем. Он был такой... забавный. Веселый. Неутомимый.

Она улыбнулась своим мыслям, я сказал понимающе:

— Ты его любила.

— Что? Бред! Не твое дело! — ее лицо застыло, она словно закрылась от меня. Но через минуту ответила: — Мы живем долго, но нас очень мало. Я несколько раз заводила разговор о том, чтобы сделать его ведьмаком. Ты ведь слышал о таких? Долгая молодость, сила? Это те из людей, кому выпала честь или удача попасть в область наших интересов. Жизнь не вечная, но долгая. Так вот, каждый раз мне приходилось стирать его воспоминания, самую малость, чтобы он забывал о разговоре. Но что-то оставалось, да и не мог он не заметить, что и бабушка, и мать, и дочь — все на одно лицо!

Она улыбнулась одними уголками губ, посмотрела на меня. Я положил ладонь на ее

холодные пальцы.

— Ну, я-то стареть не собираюсь! — надеюсь, мне удалось прозвучать беззаботно. — От меня тебе никуда не деться.

— Спасибо. — Она склонила голову мне на плечо. — хотя не рассчитывай, что у меня не получится тебя выбросить, когда надоешь.

Мы рассмеялись, чувствуя, как отступает тяжесть, навалившаяся после ее рассказа.

Повозка довезла меня почти до самой мастерской Белла. Прихватив банку и бумагу с рецептом, я постучал в дверь и тут же толкнул, не дожидаясь, пока меня впустят. Кеннет оказался на месте, как и девка-охранник, занимавшаяся, как казалось, десятью делами одновременно, не прекращая при этом зудеть.

— Чем заняты, мой друг? — я уселся на стул, с удовольствием отмечая, что теперь это можно делать без опаски. — Как успехи в нелегком труде?

Кеннет отложил перо, снял очки, от которых на носу ученого остался багровый отпечаток, устало ответил:

— Стараюсь не потерять разум, барон. Эти штуки, что вы мне показали — что-то совершенно невероятное. Нет, ничего необычного, все очевидно... Но почему никто не догадался до этого раньше? Даже так: почему догадались именно вы?

— Друг мой, вы к тому, что есть люди и поумнее? — я усмехнулся, Кеннет зачастил примирительно:

— Нет, нет, не совсем так, что вы!

— Когда-нибудь мы с вами обязательно поговорим об этом, хорошо? А пока могу только сказать, что очень много болел, и мой дядя, славный барон, позволял мне проводить вечера у камина в его библиотеке... Там я и набрался мудрости. Не представляете, до чего изворотлив мозг и на что способен, когда ему не дают охотиться или драться вволю!

Я старался, чтобы это прозвучало как можно более беззаботно, но перед глазами встала сгорбленная фигура Аристарха. Кеннет смотрел на меня, не скрывая удивления, потом спросил с такой серьезностью, что у меня вдоль хребта словно проползла льдина:

— Вы ведь снова что-то принесли. Марта, будьте добры, сходите к пекарю, благородный барон хочет чего-нибудь к кофе.

Толстозадая Марта начала было возмущаться, но уже через секунду мы остались с ученым наедине. Он не отводил от моего лица пристального взгляда, и видимо, что-то такое рассмотрел, потому что следующие его слова обрушили на меня целую лавину:

— Откуда все это, барон? Все эти машины — они слишком совершенны. За ними не один век серьезной работы, пусть и выполнены чертежи неумелой рукой, такое видно сразу. И не ваши они, готов поклясться чем угодно. Все это — часть чего-то большего, уверен, даже огромного. Одного мне никак не понять: где и зачем во всем этом я?

Я замер, не в силах ответить. В моих планах этот разговор должен был рано или поздно произойти, но все указывало скорее на «поздно». Ох, не верно я оценил ученого, ох, не верно.

— Вы правы, дорогой друг, во многом. Эти чертежи — они действительно не мои, они... скажем так, довольно старые. Но я разбираюсь в них, пусть и по верхам, на уровне подкованного любителя. И вы мне нужны, очень нужны, потому что однажды может случиться что-то очень страшное, и я боюсь, что мир в его сегодняшнем виде не устоит.

Договорив, я опустил руки на колени, не отводя от ученого серьезного взгляда. Тот молча хмурился, играл желваками, порываясь что-то сказать, но сдерживался. Молчание

затягивалось. Белл прикрыл глаза, с силой потер переносицу, на которой все еще выделялся след от оков, и, наконец, вздохнул, словно сдаваясь:

— Показывайте.

Когда перед ним на столе появилась банка с порохом и листок с расчетами, Кеннет взял листок и долго его изучал, потом спросил:

— Громовая соль? Мочевой камень? Что это?

— Лучше один раз увидеть.

Я открыл банку, оглядев стол, взял и поставил перед собой блюдце. Помня случившееся в лаборатории Аристарха, высыпал пороха совсем немного, после чего взял подсвечник и поднес огонь к порошку. Зашипело, но совсем не так зло, как в прошлый раз, и вспышка получилась куда как слабее, но демонстрация произвела впечатление. Кеннет отшатнулся так резко, что упал вместе со стулом. Я, наученный горьким опытом и потому успевший зажмуриться, подскочил со своего места и помог ученому подняться. Тот усиленно моргал слезящимися глазами и морщился от едкого дыма, пока я бегал к двери, чтобы пустить внутрь свежий воздух.

— Да, это было довольно впечатляюще... — Белл закашлялся. — Как вы говорите называется эта штука? Громовая соль?

— Она называется порох. Очень занятная вещь. Я уже даже начинаю догадываться, как ее лучше всего применять. Только отсюда, мой друг, вам придется переехать. — Дыма в этот раз получилось совсем немного, и он быстро рассеялся, я закрыл дверь и продолжил: — Нужно помещение побольше, да и окна нужны побольше, и чтобы открывались.

— Но это мой дом, благородный барон! — Кеннет мотнул головой. — Тут я работаю, в конце концов!

— Здесь не хватает места даже на то, чтобы испытывать модели, друг мой. А где нам экспериментировать над чем-то более... впечатляющим? На улице? Чтобы скоро весь город узнал, над чем вы работаете? И чтобы вскоре ваши разработки украли люди Альбертссона? Оливье? Еще кого-то, кого вы не назвали?

— Нет! — Кеннет взвился на стуле, сжал худые кулаки. — Ни за что!

— Вот именно. — Кивнул я. — Нас ждут великие дела, мой друг, но только если никто не помешает. Я найду новое место в ближайшее время. Вам с Мартой предстоит упаковать вещи, займитесь прямо сейчас.

Поднявшись из-за стола, я надел шляпу и двинулся к выходу. Пропустив в дверях вернувшуюся Марту, я взлетел по ступеням, успев услышать, как служанка грозно рычит, видимо, почувствовав едкую химическую вонь. В переулке ко мне поспешил чумазый мальчишка, сунул в руку клочок бумаги и стремительно скрылся. Еще по дороге мы с Авророй договорились, что она немедленно начнет поиск нового помещения для Белла, и теперь в руках у меня был список предполагаемых мест. Всего три пункта, я прикинул, где находятся указанные адреса. Все на окраинах, первый — у реки, достаточно высоко по течению, где вода еще не так изгажена. Второй — в старом городе, в районе, где обитает беднота. И третий — возле свалки, куда свозят хлам со всей столицы.

Потратив почти шесть часов на разъезды, я побывал во всех указанных ведьмой местах. Третий пункт отмел сразу, слишком уж там воняло. Огромная свалка, на которой бродячие собаки и вороны с чайками конкурировали в борьбе за еду с бродягами. Здесь для съема предлагалось приличное когда-то двухэтажное здание. Оно принадлежало разорившемуся семейству и было для этих людей в тягость, но смириться с тем, что на их земле теперь

помойка и бросить дом они не могли. Потратив на размышления совсем немного времени, я отказался. Может, вонь и хороша для того, кто решит замаскировать химическую лабораторию, но мы-то собирались таиться совсем недолго.

Второй адрес был бы неплох, если бы не располагался в самом центре жилого квартала. Старый город оказался действительно старым. Одноэтажные дома, застройка такая плотная, что они словно липли друг к другу, тянулись длинной вереницей, разделенные узкими — двоим не разойтись — улочками и редкими проходами между домами, где можно было ободрать себе бока. Улицы то тут, то там перегораживало висящее на веревках белье, застиранное почти до прозрачности. Жила тут в основном беднота, и потому в страшной скученности. А я не был уверен, что у нас получится обойтись без происшествий, так что большого пожара посреди набитых людьми домов по возможности хотелось бы обойтись.

Вернувшись к пункту номер один, я еще раз внимательно все осмотрел. Просторный склад с высокими каменными стенами и тяжелыми воротами по обоим торцам, ближайшие постройки в десятках метров, что еще можно пожелать? Подвела только подъездная дорога: ее просто не было, только непросыхающие лужи и глубокие колеи. Но это было решаемо, так что вопрос с новой мастерской для ученого был решен. Встретившись с хозяином помещения, я быстро разобрался с оплатой, внеся задаток сразу за полгода и, не медля, отправился к Беллу. Если он уже решил вопрос со скарбом, можно было бы перебраться на новое место уже сегодня.

Находясь в прекрасном расположении духа, я не сразу заметил, что улицу впереди застилает дым. Откуда-то доносились крики, бежали люди. Когда повозка повернула на улицу, где находился подвал ученого, стала понятна причина переполоха: что-то горело. Выскочив из экипажа, я побежал в сторону пожара, протолкался через толпу и замер: горела мастерская Кеннета. Огонь вырывался из окон с лопнувшими стеклами, из дверного проема, смельчаки метались между пожарищем и колодцем неподалеку, выплескивали воду ведрами, но без особого толку. Я замер, ошарашенный. Кеннет погиб? Не может быть! Я оставил его одного всего на несколько часов! Что могло пойти не так? Перед глазами стояла злосчастная банка с черным зернистым порошком, так не любящим огонь. Я старательно гнал от себя видение, но оно упорно лезло, свербило в мозгу: оставить любопытного ученого наедине с новой неизвестной вещью, это как оставить ребенка с новой игрушкой и запретить ее трогать!

Руки опустились. Я стоял так близко к огню, что от жара стягивало кожу на лице, но мне было все равно. Кеннет погиб по моей неосторожности. И вместе с ним вся наша работа, пусть мы только начали. Найти нового — само по себе проблема, но человека никто не вернет. Сколько так прошло времени? Не знаю. Далеко не сразу я заметил, что кто-то дергает меня за рукав. Я отмахнулся, но этот кто-то не отставал, и я повернулся, чтобы прикрикнуть, но с удивлением обнаружил Марту. Краем сознания я уловил, что она выглядела непривычно и странно, что-то было не так с одеждой и прической. От нее пахло паленым волосом и дымом, кожа на лице и руках казалась почти багровой.

— Судырь, пройдемте-кось! Скорее, судырь!

Она буквально потащила меня сквозь толпу, расталкивая зевак, часть из которых уже начала расходиться. Я шел как в тумане, механически переставляя ноги и не давая себе труда подумать о цели наших перемещений. Мы протиснулись через последний ряд зрителей. Марта толкнула меня на прислонившуюся к стене лавку. Она вся была в грязных следах от сапогов, но это почти не задевало сознания. Я и представить не мог, что старый ученый окажется так мне близок, а уж теперь, после его смерти...

— Благородный барон, а вот и вы! — Знакомый голос сперва не произвел никакого эффекта. — Очень, очень жаль, что так получилось, барон, но все сгорело...

Вскинувшись, я диким взглядом уставился на оказавшегося рядом Кеннета. Тот суетливо поправлял на плечах подпаленное одеяло, словно пытаюсь справиться с холодом, хотя на улице было достаточно тепло. Схватив ученого за плечи, я смотрел ему в глаза, не до конца доверяя глазам, а тот продолжил извиняться:

— Я только решил попробовать, сам попробовать, что будет... Но я не успел! В дверь начали стучать, потом уже откровенно выламывали, и я не нашел ничего лучше...

На секунду прижав Белла к груди, я выдохнул, собираясь с силами. Старик оказался жив, и это главное. Но что он там такое говорит про стук?

— Что вы тут такое говорите? Что случилось?

— Я говорю только в том смысле, что кто-то начал высаживать двери, барон! Наверняка то были люди этих махинаторов, этих самозванцев...

Чьи это были люди — я уже догадывался, в отличие от ученого, уверенного, что кроме полудюжины шарлатанов у него врагов нет. Даже не враги, а так, мелкие пакостники, пусть и приближенные к власти. Я осторожно, но ощутимо тряхнул ученого за плечи:

— Кеннет, мы обязательно разберемся, кто это был, но сперва мне нужно знать все!

— Хорошо, только будьте повежливее! — Белл снова почти без паузы перешел в состояние сварливого старика. — Расскажу по пунктам, если вам так хочется!

— Будьте добры, друг мой! — ответил я с нетерпением, и Кеннет, недовольно сверкнув очками, начал:

— Первое: как только вы ушли, мы с Мартой принялись собирать вещи. Второе: когда с частью багажа было покончено, я решил самостоятельно поэкспериментировать с громовой солью, или как вы там это называете...

— Кеннет, ну я же просил...

— Не перебивайте, молодой человек! — в голосе ученого лязгнула сталь. — Третье: в дверь постучали, а когда я велел Марте не открывать, начали выламывать дверь. Четвертое: я

решил, что очень важно избавиться от чертежей, чтобы они не достались этим... Ни одному шарлатану чтобы не достались! Я начал их жечь! Один за другим, бумага в стопках горит отвратительно. А потом вспомнил, что у меня в банке то, что нельзя никому показывать совершенно точно!

— А оно как жажнет! Аж искры с глаз! — вставила молчавшая до этого Марта, всплеснув полными руками. Кеннет посмотрел на нее грозно, но та продолжала: — Как словно змея шипит, только огромная! И жаром ка-ак вдарило!

— Помолчи, девка! — прикрикнул ученый, потом снова обратился ко мне: — Да, я не предвидел, что случится. Но это кстати целиком ваша вина, барон! Если бы вы только позволили...

— Так что случилось дальше? — оборвал я его. — Порох взорвался, это понятно. Загорелась лаборатория, что тоже предсказуемо. Не пойму одного: как вы уцелели?

— Не скажу точно, но перед тем, как пламя меня коснулось, что-то сбilo меня с ног, а потом все начало гореть, дверь упала, мы поползли к двери... Меня волокли за шиворот, как мальчишку!

Последнее Кеннет выкрикнул с неподдельным возмущением, а я смотрел на Марту. На красном обожженном лице не было бровей, а волосы с одной стороны сгорели, оставив только короткие неровные пучки. Одежда тоже порядком обгорела, больше с одной стороны. С той, которая была обращена к камину, когда девка вытолкнула с пути огня ученого. Поняв, что я смотрю на нее, она ответила предупреждающим взглядом и едва заметно помотала головой. Я понял, кивнул в ответ: молчу. Кеннет же продолжал:

— Так что теперь все сгорело, все мои чертежи, модели, даже та дрянная банка! Ума не приложу, что же теперь делать, барон!

— С этим тоже можно повременить. А пока давайте выбираться отсюда, у меня для вас уже готово новое место, — я оценивающе поглядел на ученого и его служанку. — Правда, я рассчитывал, что у вас будет несколько больше вещей.

Чтобы сбить возможную слежку, я собирался несколько раз сменить извозчика, но потом решил, что мои перемещения по городу в любом случае не остались незамеченными, так что теперь нет особого смысла прятаться. Мы добрались до снятого мной склада достаточно быстро, и всю дорогу Кеннет не прекращал ругаться и жаловаться. Вскоре я перестал его слушать, а Марта занялась своими ожогами. Оставалось надеяться, что Аврора уже в курсе, и что ее человеку будет оказана помощь.

Отпустив извозчика, я повел ученого и служанку к высокому каменному зданию. Кеннет удивленно вскинул голову и выругался на предмет бесполезной траты денег, Марта же шла медленно, прикрыв глаза, и было видно, что двигается она из последних сил. Убедившись, что никто нас не видит, я подошел, взял ее под здоровую руку, помогая удержаться на ногах и встретив благодарный взгляд.

Пройдя через широкую дверь в воротах, мы увидели, что в помещении были еще люди. Большая команда строителей разошлась по бывшему складу, и теперь тут и там раздавался грохот, стук молотков, жужжали пилы, кто-то громко и затейливо ругался. Часть пространства уже отделили, высокой, метров трех, переборкой, теперь там разгораживали кухню, размечали жилые комнаты. Нас заметили, от компании работников отделились трое, подошли быстрым шагом, Марту взяли под руки и куда-то увели. Оставшийся мужчина с короткой криво подрезанной бородой и в старом кожаном фартуке коротко поклонился, сказал:

— Доброго здравия, господи! Я — Иван, это мои работники, — он повел рукой, указывая на суетящихся мужиков. — Прощения просим, не успели вовремя, но и вы тоже заторопились. Нам сообщено, что с вами приключилось, так мы готовы принимать. Бабу вашу велено немедленно отправить с извозчиком на лечение, а мы пока в полном вашем распоряжении.

Я не стал уточнять, кем велено, и без этого ясно, так что просто кивнул и уточнил:

— Хорошо. Как продвигаются работы? Долго еще?

— Так начали ж только! Едва подводы разгрузили да за стенки принялись, так что пару дней, если нагрубо, с отделочкой в неделю уложимся. Жить сегодня оставайтесь, если господи готовы по-простому. Через часок благородным угол отмежуем, топчаны сколотим, вы ж без мебели? Про пожар нам уже рассказали, соболезуем.

Он пожал широкими плечами. Я окинул взглядом стройплощадку. Пол был засыпан опилками, завален деревянным и скобяным мусором, от ворот с обеих сторон тянулись целые дороги из грязных следов. А ведь мужики только начали. Неделя с отделкой? Ладно, попробуем поверить.

Кеннет поспешил к работникам, вскоре с той стороны раздались его недовольный голос и многоголосие мужиков. Иван повернулся было к ним, но я остановил и спросил то, что не мог спросить при посторонних:

— Кто вас нанял, знаешь?

— Знать не знаю, — мотнул головой Иван, но в глазах его я прочитал ответ. Кивнул в ответ, и сменил тему:

— Нам ничего не велено передать?

Иван с силой хлопнул себя по лбу.

— И точно ж! Была бумага, да, и на словах еще тоже... — Он покопался в карманах портков, залез в просторный карман фартука и вытащил сложенный вчетверо листок. — А на словах велено, что с поджогом разберутся, кто надо, и чтоб барон помогал ученому расположиться.

Я принял бумагу и, когда Иван снова поклонился и пошел к остальным, развернул послание. Как я и ожидал, оно оказалось от Авроры. В записке она коротко оповещала, что за попыткой вторжения в подвал стоят пока остающиеся неизвестными люди, и что пожар спутал их планы. Присматривающие за мастерской люди ведьмы пропали, их судьбой сейчас занимается лично Аврора, так что пока она не сможет со мной встретиться. О Марте она уже знает, и ей окажут помощь. И самое главное: строители, которые сейчас сновали по старому складу, также были людьми старцев, так что им можно доверять.

Вот так. Похоже, скрытые силы все же решили вмешаться лично. Пропажа охраны — не прямое объявление войны, но вместе с попыткой проникновения в жилье ученого предупреждение более чем прозрачное. И вполне может случиться, что последнее. Но и останавливаться уже нельзя. Я прошелся по бывшему складу, наблюдая за работой и размышляя. Не озаботившись скрыть расположение новой мастерской, я наверняка уже выдал ее расположение, но присутствие с нами почти двух десятков мужиков, пусть и вооруженных только топорами, немного успокаивало. Не увидев нигде Кеннета, я просто пошел на крики и ругань. Ученый нашелся в дальнем углу склада, где яростно спорил с Иваном и еще тремя работниками. Что-то доказывая, он тряс кулаками, мужики слушали его с хмурыми лицами, но вставить хоть слово пытался только Иван. Я не стал вникать, от грохота и стука у меня начала болеть голова, так что я направился к двери и вышел на улицу.

Закрыв глаза, я подставил лицо мелкому морозящему дождю и замер, вдыхая сырой воздух с запахом мокрой грязи дыма: где-то недалеко жгли мусор. Голова стала почти пустой, боль оттянулась под свод черепа, мысли текли медленно и расслабленно. Я впитывал ощущения, отрешившись от происходящего вокруг, но неожиданно внимание привлек тихий щелчок, словно где-то недалеко тяжелая нога наступила на лежащую на земле ветку. Тело незамедлительно перешло в боевой режим. Не двигаясь и не подавая вида, что что-то заметил, я запустил системы костюма. Перейти в режим маскировки сейчас было невозможно, мешали камзол и брюки, но перед внутренним взором появилось смутное зеленоватое изображение. Смотреть в полном смысле с закрытыми глазами я не мог, но даже такая картинка сейчас была лучше, чем ничего.

Прямо передо мной была широкая подъездная дорога, которую я хорошо запомнил, еще когда приехал сюда в первый раз, размытая дождями и раскатанная колесами. По сторонам располагались склады и низкие нежилые бараки. Сейчас, сквозь веки, я видел десяток полупрозрачных зеленых теней. Глубоко вдохнул, выдохнул...

И сорвался с места длинным прыжком, уходя в сторону от ворот. Пусть в здании и полно людей, но там так же и ученый, и рисковать им мне не очень хочется. Приземлившись, проскользил в жидкой грязи, едва не упав на спину и вскинув руки, но удержался и дальше уже побежал более уверенно. Преодолев десяток метров до ближайшего барака, ударил ногой в дверь, та стремительно отскочила, я кувырком вкатился в серый полумрак и первым делом проверил, нет ли тут кого из наблюдателей. Помещение оказалось пустым, и я принялся скидывать отсыревшую одежду. Дольше всего провозился с сапогами, пальцы скользили от жидкой грязи, наконец, справился с ними.

Как раз вовремя: совсем недалеко, буквально в паре метров от меня, начала открываться не замеченная раньше дверь. Она застряла, посыпалась пыль, кто-то по ту сторону негромко выругался. Я накинул на голову капюшон, надел маску, ныряя в невидимость, теперь улучшенное зрение работало в полную силу. За дверью возились двое, они старались не шуметь, и поэтому действовали очень медленно. Один за другим просочившись в образовавшуюся щель, они двинулись к тому месту, где минутой раньше сидел я. К счастью, я успел спрятать одежду в глубокую тень между открытой дверью и углом и сам замер немногим дальше, стараясь даже не дышать. Собрать пистолет времени уже не оставалось, и теперь я осторожно, по миллиметру, сдвигался туда, откуда пришли эти двое.

— Гляди в оба, тебе сказано! — зашипел один из них, видимо, продолжая недавний спор. Второй огрызнулся:

— Не гуди под руку! Без тебя знамши, как делать!

Он раздраженно дернул плечом, в руке блеснул длинный кривой нож. Первый пробормотал, вертя головой:

— Он сюды сиганул, так что должен тута быть.

— Ясно, тута! Только не видать чего-то. — Он озадаченно огляделся, взгляд его остановился на темноте за дверью, как раз там, где я оставил одежду. На лице убийцы заиграла гадкая улыбка. — Слушай, кажись, знаю, куды делся! Благородный барон, вам там не тесно?

Они переглянулись с понимающими усмешками и, выставив ножи, начали неторопливо приближаться к тому месту, где ожидали меня найти. Когда они оказались спиной ко мне, я осторожно вытащил из карманов комбинезона части пистолета и начал сборку. Через несколько секунд с тихим щелчком на место встала обойма. Я боялся, что привлеку себе

внимание, но убийцы уже добрались до моего предполагаемого укрытия и теперь с удивлением разглядывали брошенную там одежду.

— Неужто испарился? Или не его это? — спросил один. Второй зло отмахнулся:

— Так сырая одежда-то! Недавно лежит!

— И портки? — убийца глупо загыгыкал.

Отправив в ствол железную болванку, я направил оружие на одного из убийц и пустил ток на обмотку. Щелкнуло, когда снаряд в доли секунды преодолел звуковой барьер, из груди убитого на стену брызнула кровь. Он опустится на колени, начал заваливаться набок, второй замер, еще не осознав происходящего. Наконец, в глазах появился ужас, он начал поворачиваться ко мне, рот открылся, готовясь издать крик. Я выпустил следующую болванку, тупой кусок металла ударил ему в горло, запрокинув голову и перебив позвоночник. В стене позади них остались два отверстия, оставленные прошедшими навывлет болванками. Он еще падал, когда я бросился к двери, через которую они проникли в барак.

За ним никого не оказалось, двойная цепочка следов была едва видна в свете, едва проникающем через грязные окна. Прежде, чем идти дальше, я проверил батареи. Пистолет питался от дополнительных, и в первые два выстрела я вложил слишком много энергии, так что заряда оставалось еще на пять-шесть. Маскировка же держалась отлично. Спрятав руку с остающимся видимым пистолетом в карман, двинулся под стеной туда, куда вели следы. Слабые зеленые тени виднелись сквозь тени, и впереди были три из них. Можно было достать их прямо отсюда, соблазн был велик, но действовать нужно было осмотрительно.

Дойдя до противоположной стороны барака, я оказался у пустого дверного проема и выглянул... едва не столкнувшись лицом к лицу с стремительно шагающим человеком в легкой броне. Отшатнувшись, я с трудом удержался на ногах. Воин двигался очень быстро и так же беззвучно, что позволило ему остаться незамеченным, мне едва удалось выхватить оружие и прицелиться в незащищенный затылок, щелкнуло, и тело тяжело обрушилось на пол. Минус трое, и еще восемь теней виднеются сквозь тонкие досчатые стены. Нужно беречь снаряды и постараться выяснить, кто из них главный и что им тут нужно.

Выглянув из-за дверного проема, на этот раз со всеми предосторожностями, я двинулся туда, где маячили зеленые тени.

Почти слившись со стеной в монолит, я шаг за шагом подбирался к троице, что маячили за тонкой преградой из досок. Оказавшись достаточно близко, чтобы разобрать голоса, обратился в слух. Та тень, что казалась чуть меньше остальных, просипела громким шепотом:

— Да чего рассусоливать! Обойдем вокруг и перебьем!

— Заткни пасть, — ответил ему второй беззлобно, скорее таким тоном, словно уже устал повторять одно и то же. — Сказано тебе, что брать нужно живым! Мне это тоже не по душе, но платят за такого больше.

Голос показался мне смутно знакомым, я даже собрался выглянуть, но тут заговорил третий, словно загудел огромный, с медведя, шмель:

— Двоих живыми был уговор. Мозгляка ученого и этого, второго, благородного. Ежели кто убьет из вас, разницу в цене из ваших задниц вытрясу!

Самая маленькая тень начала что-то бормотать, оправдываясь, второй человек зашипел злобно, объясняя, кто тут кому может указывать, но бас зазвучал снова, человек будто не обратил внимания на угрозы:

— Пойду посмотрю, куда там Славко делся, и эти, что первыми послал. А вам — посмотреть, как на той стороне. Мухой!

Первым рефлекторным желанием было броситься в укрытие, такое впечатление произвел спокойный, но от того еще больше пугающий бас. С трудом удержался, напомним себе, что меня не видно и про оружие. Застыл, прижавшись к стене и глядя, как расходятся тени и одна, самая крупная, приближается к приоткрытым воротам сарая. Оглянувшись, я внезапно сообразил, что тело убитого последним лежит на виду, и не заметить его просто невозможно. Черт! Если здоровяк увидит его и поднимет крик...

Тот появился в проеме, почти полностью перегородив падающий из него слабый серый свет. Он замер, вглядываясь в полумрак, что-то действительно заметив, но после света, пусть и жидкого, на то, чтобы приспособиться, ему нужно было время. Я же не двинулся, не рискуя вытянуть из кармана руку с пистолетом, чтобы не привлечь внимания. Пусть зайдет, пусть окажется дальше от входа, чтобы ни одним звуком не выдать своего присутствия... Здоровяк же неожиданно повел носом, жумно втянул воздух и осклабился, показывая ровные крупные зубы:

— Прячешься, трус? Славко... хороший был боец, как ты его? Ну, ничего, я тебе ноги-руки выдеру, будем квиты!

Он вдвинулся в пустой барак полностью, и места в нем, кажется, стало в половину меньше. Огромные толстые руки, кулаки — в мою голову, широкий, как дверь, торс туго обтягивает простая кожаная броня с металлическими бляшками, руки открыты, только на запястьях толстые наручи. Мужик повел огромной, почти медвежьей головой, снова шумно втянул воздух. Глаза под густыми бровями мрачно горят, борода короткая и клочковатая, похожа на медвежью шерсть. Он был так похож на настоящего медведя, что в моей памяти ожили забытые было картины моей схватки с этим животным. Пальцы предательски задрожали. Едва дождавшись, пока мужик отвернет свою страшную рожу, я спешно вытянул из кармана пистолет и направил ему в затылок.

Тот словно имел глаза на затылке! Двигаясь молниеносно, так, как не ожидаешь от

такого массивного тела, он махнул рукой, и оружие улетело в сторону, зазвенело по грязному, засыпанному мусором полу. Пальцы онемели, я схватил правое запястье, чувствуя, как оно пульсирует, но ничего не ощущая самой отбитой рукой. Мужик присел, расставив руки, крутил головой, готовый броситься на любое подозрительное движение. Я замер, прикусив губу и стараясь не выдать себя.

— Ты хорошо прячешься, трус!

Глаза мужика вперились в тени, ища малейшее несоответствие. Уши дергались, ловя каждый шорох. Он шагнул ко мне, огромные руки находились в постоянном движении, чтобы мне даже мысли не приходило попробовать проскочить мимо. Но я конечно же поступил именно так. Резко пригнувшись, я оттолкнулся ногами от пола и по низкой траектории направил тело, чтобы перекатом уйти мужику под ноги, а оттуда — к выходу их барака. Конечно, пистолет придется оставить, но воспользоваться им все равно никто не сможет, так что...

Словно бревно опустилось мне на голову! Я с размаха грянулся об пол, сверху придавило, капюшон сжали чудовищной силы пальцы, прищемили волосы, металлизированная ткань пережала горло.

— Вот ты и попался, червяк! — довольно зарокотало над головой. — Сейчас я тебя раздавлю! Как... как червяка, ха-ха-ха!

Вспомнив, как расправился с охраной в замке Тошильдера, я пустил ток на перчатки и попытался ухватиться за руку, прижимающую меня к полу. Оказалось, что сделать это, когда тебя лицом прижимают к пыльным камням, практически невозможно. Я как мог далеко заводил руки за голову, но ловил только пустоту. Пыль просочилась сквозь материал маски, лезла в нос, скрипела на зубах. Горло сдавливало все сильнее, в глазах поплыли багровые круги. Смех мужика становился все более издевательским.

— А теперь посмотрим, что ты такое, а? — я почувствовал, как пальцы его второй руки нашаривают мою голову, как пытаются сорвать с нее капюшон. Прищемив волосы, он потянул с такой силой, что на глаза непроизвольно навернулись слезы. Я дернул головой, освобождаясь, и с размаху приложился лицом к камням, разбив нос. Ткань маски начала пропитываться кровью. Медведь же, увидев в пыли первые красные капли, проорал торжествующе: — Так ты из мяса, червь?! Так тогда и разговор иной!

Он выпрямился, поднял меня, держа, как котенка, перехватился, повернул к себе, рассматривая висящее в пространстве перед ним пятно крови. Ухмыляясь все так же зло, он пошагал к убитому мной последним. Я же висел, медленно приходя в себя: перехватываясь, он ослабил хватку, и теперь мне не грозило задохнуться в собственной защите. Оказавшись в противоположной от входа части барака, он остановился над мертвым телом, бросил с угрозой:

— Сейчас я тебя начну убивать. Будь пайнкой, не сдохни сразу, хорошо?

Он старался вслепую нащупать мою руку, но вместо этого я вцепился в него сам и пустил снова пустил напряжение на перчатки. Мужик дернулся, его выгнуло, но пальцев не разжал и рухнул на пол, утащив меня с собой и подняв тучи пыли. Несколько секунд я лежал, восстанавливая дыхание, потом с трудом выдрал зажатый в кулаке мужика капюшон и отполз в сторону, ожидая, что в барак вот-вот нагрянут остальные, прибежавшие на звук, но все обошлось.

Я поднялся на подгибающихся ногах, пошел, загребая мусор и глотая воспаленным горлом воздух попеременно с пылью, туда, где остался лежать пистолет. Маску снял, от нее,

пропитанной грязью и кровью, уже не было толку. Когда пистолет оказался в моих руках и я проверял его работоспособность, за спиной раздался долгий хриплый рев. Мгновенно развернувшись, я выставил перед собой пистолет и увидел, как мужик медленно поднимается с пола, бешено вращая покрасневшими глазами. Борода его и волосы еще слабо дымились, на руке, там, где я схватился перчатками, багровели ожоги, но медведь двигался быстро, пусть и не так, как до этого. И самое главное — он теперь мог меня видеть.

— Вот ты значит какой гусь, — прокаркал он, медленно поднимаясь. — Но я тебя все равно задавлю, не сомневайся!

Мы стояли друг напротив друга, и нас разделял просторный зал бывшего барака, но это расстояние казалось мне далеко не достаточным. Пистолет в руке ходил ходуном, прицелиться никак не получалось, к тому же в отбитую кисть начала возвращаться чувствительность, а вместе с ней в пальцы вгрызлись сотни невидимых, но очень злых муравьев. Переложил пистолет в левую, но проблемы это не решило, стало даже хуже. Мужик же тем временем двинулся ко мне.

— Понял я теперь, кто ты такой, — он потащил из-за пояса за спиной широкий длинный нож. — Чертов ведьмак! Только такие трусливые бесчестные черви могут...

Щелкнуло, за его спиной раздался громкий треск, когда пролетевшая мимо болванка расщепила деревянную балку. Он продолжал идти, покачиваясь и не отводя от меня глаз. Я снова пустил напряжение на катушку, новая болванка вспорола воздух, вырвав из плеча медведя клочок кожи с мясом. Он вздрогнул, посмотрел на рану и зло зарычал, но продолжал движение. Я прицелился точнее, задержал дыхание. Когда ток пошел в обмотку, начав разгон железного снаряда, мужик выбросил вперед руку, и тяжелый отточенный нож понесся ко мне. К тому моменту, как он добрался до меня, мой враг уже грузно оседал на пыльные камни. Нож, пущенный умелой рукой, ударил, как ядро. Комбинезон и кольчуга остановили пробивную мощь, но не смогли погасить скорость, и левая рука повисла плетью с перебитой лучевой костью. Голова закружилась, но я усилием воли удержал себя в сознании.

Сквозь тонкий писк в ушах прорывалось собственное прерывистое дыхание. Больно еще не было, но я знал, что это не надолго. В крови бурлили микроботы, что-то перераспределяли, перетаскивали, спешно скрепляя, оставалось только надеяться, что в отсутствии покоя они соберут руку правильно. Я медленно пошел к распростершемуся на полу мужику. Крови из-под него натекло на удивление много, болванка ударила в плечо, едва не оторвав руку, но он был еще жив, на меня уставились темные, полные боли и злости глаза, донесся рев, перешедший в стон.

— Оно того стоило? — спросил я, не особо рассчитывая на ответ. На удивление, мужик прокашлялся и ответил:

— Жаль, не задавил гада... кхе... Вас всех... Жирных... Довольных... На магии... Буде проклят!

Он внезапно дернулся в мою сторону, протянул уцелевшую руку, скрюченные окровавленные пальцы едва не достали: я не ожидал такой прыти от без пяти минут покойника. Поврежденная рука болталась, как пустой рукав. Он встал на колени, тяжело поднялся и пошел, не спуская с меня безумного взгляда. Я отступал, совершенно забыв об оружии, и как замороженный глядел на страшную рану, из которой продолжала толчками выплескиваться кровь. Так мы прошли метров пять, под конец он уже волочил ноги, рука опускалась все ниже, голова опускалась, пока он не сложился почти пополам, ткнулся лицом

В пыль, повалился на бок и затих.

Я постоял над ним еще с полминуты, окончательно приходя в себя и ощупывая сломанную руку. Подняв нож, приложил к месту перелома, кое-как обмотал платком, сделав импровизированную шину. О маскировке пока что можно забыть, правда, зарядов еще хватает, и оставшуюся энергию из основных батарей можно пустить на пистолет. И надеяться, что они не нападут все вместе. Так что лучшее, что можно сейчас сделать — отступить, в мастерской два десятка людей с топорами, что в любом случае лучше, чем я один.

Стараясь не вступить в багровую от крови грязь, я осторожно обошел труп, держа пистолет перед собой. Зеленые тени пропали, по крайней мере, поблизости не осталось никого. И куда же они делись? Пробравшись обратно, туда, где оставалась моя одежда и двое, обнаруживших ее, я кое-как натянул брюки и сапоги, долго возился с камзолом, наконец, замер, прислушиваясь. И только теперь, когда уже ничто не мешало, расслышал тонкий, почти незаметный звон, крики, что-то с грохотом падало. Мне захотелось со всей силы ударить себя по лицу: Кеннет их цель, для того и ломались в сгоревшую лабораторию, это понятно и самому тупому! И теперь они напали на новую, и если бы я не отвлекся на этих...

Ладно, рефлексировать будем позже. Уже не скрываясь, я бросился к воротам, обнаружив, что калитка открыта, ворвался внутрь как раз вовремя: отряд бойцов с саблями и в серых плащах теснил ошестинившихся топорами мужиков к стене. Нападающие заходили с боков, то и дело один из них выскакивал вперед, резко замахивался, раздавался звон, реже — крик боли или стон, когда удар достигал цели. Но и мужики держались хорошо, уверенно блокировали удары, иногда даже кто-то контратаковал, нередко даже удачно. Я остановился, охватив взглядом все пространство. Ворота в противоположной стороне были распахнуты, там можно было увидеть лужи крови на грязном полу, несколько тел. Нападавших было два десятка, из строителей уцелело хорошо если человек десять, на моих глазах один из серых плащей выскочил вперед, стремительным ударом достал мужика, тот упал с рассеченным лицом, сквозь пальцы хлынуло алое. Нужно срочно что-то менять. Прицелившись чуть в сторону от строителей, я пустил ток, и болванка вылетела из ствола с такой силой, что сразила сразу троих, оказавшихся у нее на пути. Пока нападавшие оборачивались, пока поняли, что происходит, я выстрелил еще три раза, два из них — удачно, сократив число серых плащей почти в половину. Мужики победно заорали, бросились вперед, снесли оставшихся легко, будто это были не люди, а соломенные чучела. Двое уцелевших попытались скрыться, бросившись к воротам, но их настигли, взлетели топоры, и через пару секунд все было кончено.

— Где Кеннет? — прокричал я, увидев среди уцелевших Ивана. Тот посмотрел на меня непонимающе, затем его лицо помрачнело. — Куда он делся?

— Ясно, куда. С собой утащили, я видел. Мы-тож ничо поделать не могли, барон, выж видели! Минут десять, как того...

— Видел! — прорычал я. — Все я видел!

Хотелось орать. Рычать. Броситься не мужиков, на побитых ими серых плащей, и топтать, топтать! Всех без разбору! Да что же мне не везет-то так?! Без особой надежды на успех выбежал через распахнутые ворота, там нашлись еще несколько убитых, следы множества ног вели к колее, оставленной в грязи колесами телеги или экипажа. Дождь все усиливался, и прямо на глазах отпечатки колес расплывались.

Приглушенный дождем, до меня донесся стук копыт. Я с надеждой посмотрел в ту сторону, там из слабой дымки появилась пара лошадей, запряженных в повозку. Она приближалась быстро, человек в мокром плаще, сидящий на козлах, потянул вожжи, останавливая повозку, дверца отворилась, из полумрака выглянуло знакомое лицо. Ведьма бросила на меня сосредоточенный взгляд, мотнула головой:

— Давай внутрь!

Я кивнул в ответ, наклонился, поднимая оказавшийся совсем рядом в луже клинок, запрыгнул в повозку, та немедленно двинулась с места. Я нашарил на сиденье что-то похожее на тряпку и, вытирая мокрую шершавую от грязи саблю, сказал:

— Хорошо, что ты здесь. И что твои люди не простые работники. Но ты снова проворонила атаку!

— У меня не сто рук и глаз! — огрызнулась она, блеснув злыми глазами, но тут же смягчила тон: — Что-то происходит непонятное, и оно... неприятно удивляет. Старые говорят, что такого оживления не было несколько веков, сейчас началось движение, мы не в силах перехватить всех, и уже потеряли полсотни агентов... И самое плохое, что это только начало. Старые в этом уверены.

— Отлично... — выдохнул я, прикрыв на мгновение глаза. — Можно что-то сделать? Прямо сейчас?

— Да, — она уверенно кивнула, и у меня на душе стало немного легче. Буквально на пару граммов. — За похитителями следят, прямо сейчас они движутся по окраинам, скорость у них небольшая, приходится беречь колеса и лошадей. Догнать мы их не сможем, но по крайней мере будем знать их цель, и на месте уже будут мои люди.

— Придется штурмовать, — кивнул я.

— Да, — подтвердила Аврора. Спросила, указывая на торчащий из-под воротника камзола капюшон: — Что с комбинезоном? — она перевела взгляд, только теперь заметив привязанный к предплечью нож, — и это что такое?

— Ничего, рука сломана, микроботы справятся, — отмахнулся я, — а маскировки пока нет, там на ткани кровь, но я справлюсь.

— Уверен? — спросила она.

— Буду стараться. По крайней мере, у меня еще есть вот это. — Я показал ей пистолет. Зарядов в нем оставалось штук шесть, но об этом я решил умолчать. — К тому же, теперь у меня есть сабля, а с ней я тоже умею обращаться.

— Надеюсь, — прошептала ведьма. — боюсь, нам понадобится все твое умение. И не только твое.

Лошади неслись по улице, распугивая прохожих, повозка скакала на ухабах, кренилась на поворотах, рискуя опрокинуться, но в последний момент все же тяжело падая обратно на все четыре колеса. Я приоткрыл дверцу, чтобы выглянуть, в лицо немедленно попали капли слабого еще дождя и мелкой грязи. Невдалеке по улице в одном с нами направлении спешили еще пять или шесть повозок, возницы с гиканьем яростно нахлестывали лошадей. Я поделился наблюдением с ведьмой, та на секунду выглянула тоже, ответила:

— Эти с нами. Пришлось звать всех, до кого смогла дотянуться, люди нам понадобятся.

— Не мало ли? Сколько там, десятка два? — спросил я с сомнением. Ведьма мотнула головой:

— Полтора. Но это только те, что с нами, одна из групп, остальные пойдут через другие входы.

— Другие входы?

— На месте все увидишь.

Кивнув, я опустил обратно на сиденье и, закатав рукав, принялся осматривать руку. Та страшно зудела, казалось, что чешутся даже кости, они уже почти срослись, даже синяк от запястья до локтя почти рассосался. Я сжал кулак, распустил, рука была как новая. Тогда принялся за проверку оружия и маскировки. Если с пистолетом главная проблема была в малом количестве зарядов — всего пять, то с комбинезоном все оказалось сложнее. Скинув камзол, по пояс выбрался из него, подтянул капюшон с маской. На последней ясно выделялось пятно моей крови, оно впиталось глубоко, и как я ни старался, как ни тер, это место все равно выделялось. О невидимости придется забыть. Но есть и плюсы: остаток заряда, а он оставался внушительный, можно пустить на питание оружия. Хоть какое-то успокоение.

Повозка петляла по городу довольно долго. Пока я был занят делом, еще удавалось отвлечься, но теперь на меня напал мандраж. В животе зарождалось волнение, голова стала легкой, в глазах прояснилось, все стало четким и цветным даже в почти лишенном красок сером мире вокруг. Что-то случилось со слухом: громкость стала ниже, звуки прятались за негромким писком. Такого не случалось со мной уже... сколько? Тысячу лет? Я усмехнулся себе. Мандраж перед боем, его не получалось до этого ощутить здесь в полной мере, все сражения случались либо сами собой, либо я был занят их подготовкой и исполнением. Сейчас же я просто двигался событиям навстречу, пассивно ожидая их начала. И от этого становилось не по себе. Страх не было, было лишь желание скорее ввязаться в драку, чтобы это ощущение наконец отстало, испарилось. Я не сразу расслышал, что сказала ведьма, ей пришлось повысить голос, когда она обратилась к мне снова:

— Подъезжаем, у тебя все в порядке? Что-то выглядишь ты не очень хорошо.

— Все отлично, — я постарался, чтобы голос звучал уверенно. — Просто немного волнуюсь.

— Не ты один, — ведьма усмехнулась невесело. — Десантироваться приходилось?

— Нет, ты забыла, что я пилот? Это я сбрасывал ребят на головы уродам, а сам всегда оставался в тепле и безопасности!

— Все всегда бывает в первый раз, — ответила Аврора, внезапно крикнула: — Пошел!

Распахнув дверцу, она выскочила наружу, я последовал ее примеру, вывалившись с

противоположной стороны. Почему-то показалось, что буду долго падать, так подействовали слова ведьмы и мое представление о десантировании. На самом деле я почти сразу оказался на каменных плитах, мокрых, но от чего-то не покрытых привычной уже грязью. Перекатившись несколько раз через голову, вскочил, дико озираясь. Повозка со всей возможной скоростью уезжала прочь, мимо проносились новые, из каждой выскакивали трое-четверо мужчин, тут же оцетинивались саблями. Быстрым шагом приблизилась ведьма, в руках у нее я увидел короткий кинжал.

Осматриваться было некогда, я вертел головой на бегу. Мы оказались в заброшенном на первый взгляд месте, вокруг стояли, разойдясь далеко друг от друга, дома в два или три этажа, пустые окна и выбитые двери показывали, что здесь не живут уже давно, но мусора и грязи вокруг не было заметно. Я спиной чувствовал чужой взгляд, словно из темноты за каждым из окон в меня целился стрелок. Включив дополненное зрение, я с удивлением и облегчением увидел, что в домах никого нет.

Когда мы выгрузились все — полтора десятка человек, плюс мы с ведьмой, та повела нас в сторону одного из домов. Обычный, совершенно неприметный среди таких же заброшенных, совершенно непримечательный, но именно в нем мои сенсоры, до того дремавшие, почувствовали присутствие чего-то, до того не встреченное в этом мире. Даже ведьма, даже те трое старых и создающая их облик машинерия не чувствовались так остро.

Не оглядываясь и не снижая скорости Аврора поднялась по ступеням и вошла в темное нутро дома. Мы втянулись следом, выставив сабли, и оказались в небольшом зале, или, может, просторной прихожей. По обе стороны наверх уходили широкие лестницы, смыкались на уровне второго этажа. В стенах открывались пустые дверные проемы, за которыми темнели комнаты, коридоры, тянуло плесенью и сырой пылью. Бойцы встали в круг, выставив оружие и не спуская подозрительных взглядов с темных провалов, но я не чувствовал отсюда никакой опасности. А вот оттуда, куда собиралась идти ведьма...

Аврора ненадолго замерла у прохода, за которым виднелась уходящая вниз лестница. Внизу, на глубине пары метров, я сумел рассмотреть дополненным зрением слабое свечение, ведьма водила руками, пока оно не пропало, затем шагнула внутрь и начала быстро спускаться. Я последовал за ней, за мной загрохотали остальные, ощутил небольшое повышение температуры воздуха там, где видел свечение защитного барьера. Впереди все было спокойно, ведьма шла уверенно и абсолютно беззвучно, поворачивала в ответвления основного тоннеля, иногда под нашими ногами что-то трещало, и она недовольно оглядывалась. Я единственный кроме нее, кто хоть что-то видел, остальные двигались в темноте, сталкиваясь, звеня оружием, задевая стены и ругаясь вполголоса. Наконец, впереди появился и начал приближаться неяркий красноватый свет факелов, донеслись крики и команды. Ведьма прервала молчание короткой командой:

— Все замерли!

Следом за этим на встречу шуму и свету по тоннелю рванулся плотный поток белого пламени. Оно не обжигало, но подхватывало разбросанные тут и там по полу куски битого камня, кости, тащило с собой, все ускоряясь. Кто-то крикнул предупреждающе, я видел, как вспыхнули и тут же опали пеплом стрелы, выпущенные с той стороны, загрохотали торопливые шаги: те, кто был по ту сторону, бежали от белого марева. И кому-то, судя по резко оборвавшемуся вскрику и ругани, сбежать не удалось. Мы ускорили шаг, сами почти бежали, ступая по холодному камню, на котором еще тлели остатки тех, кто оказался недостаточно проворным. Я потерял счет поворотам, галереям, через которые мы

проносились, не встречая сопротивления и почти не замедляя бега, и даже примерно не мог представить, на какую глубину забрались и как далеко от точки входа.

Наконец, и нам представилась возможность подраться. Аврора — случайно или намеренно — пропустила боковой отвод в тоннеле. Он вливался в основной под острым углом и был ловко скрыт перепадом. Когда мы почти миновали его, нам прямо в середину отряда ударили бойцы в серых плащах. Они мгновенно сразили двоих, еще одного ранили, но мы быстро разобрались в происходящем и загнали серых обратно в проход, оставив пятерых лежать на полу. Ведьма велела нам отойти в сторону, хоть некоторые и рвались закончить начатое, пустила следом за убегающими белое марево и не задерживаясь поспешила дальше.

И снова переходы и галереи, галереи и переходы. Мы уже забрались так глубоко, что казалось, что этими тоннелями не пользовались с момента постройки: по ногам тончайший слой каменной пыли, воздух неподвижный и затхлый, и ни одного следа, ни одного звука, кроме наших тяжелых шагов и надсадного дыхания. Наконец, ведьма замедлила шаг и сделала знак оставаться на месте. Мы замерли, а она скрылась за поворотом совершенно бесшумно, затем мне по внутренней связи пришел вызов.

— «Двигайтесь за мной, только без звука! И без света».

— «Понял».

Я махнул рукой остальным, вполголоса объяснил, что нужно делать. Вопросов не возникло, и мы осторожно двинулись по следам Авроры, четко выделяющимся в ночном зрении. В наступившей полной темноте бойцы то и дело сталкивались, наступали друг другу на ноги, но не проронили ни единого звука, стараясь даже реже дышать. Двигались мы с черепашной скоростью, но идти оказалось недолго, вскоре я увидел спину ведьмы, выглядывающей из-за угла. Пространство за границами тоннеля открывалось такое большое, что никакое дополненное зрение не помогало рассмотреть его дальнюю сторону. Вниз, от самых ног Авроры, вели узкие ступени, вырезанные в камне, скрывались во мраке. Я прищурился, выкручивая зрение на максимум, но рассмотрел лишь в самом низу, метрах в пятнадцати, едва не в самом центре пещеры, вытянутые прямоугольные... что? Больше всего то, что получилось увидеть, походило на контейнеры. Шестиугольные в сечении, длиной метров в десять, они стояли плотным рядом и было совершенно непонятно, как они тут оказались. Наконец, Аврора вдвинулась обратно в коридор и тихим, но странно слышимым каждому шепотом сказала:

— Готовьтесь, сейчас двинемся вперед! По счету «один» отворачиваетесь и закрываете глаза руками. Будет очень ярко! По счету «пять» бежите за мной. Смотрите под ноги, ждать и подбирать никого не будем! Оружие подготовьте сразу, у нас будет полминуты на все, так что придется шевелиться! Раз...

Бойцы дружно отвернулись, я подставил мраку спину, прижал ладони к лицу, но даже так различил, как сверкнуло, выжигая темноту подземелья, белое пламя. Два — я считал вместе с ней, три — вдох, выдох, вдох, четыре — обернулся, слыша, как за мной зашевелились, зазвенели оружием остальные. Высоко, под самым сводом, горело белое солнце, крошечное, но ужасно яркое. Я щурился, но все же рассмотрел, что потолок пещеры гладкий и как будто расчерчен на ровные лепестки. По крайней мере, теперь стало ясно, как сюда попали контейнеры.

Они действительно стояли на ровном, специально стесанном полу, пять штук бок о бок. Ведущие вниз ступени заканчивались метрах в пятнадцать от них, а в противоположном краю чернело просторное жерло прохода, вырубленного совсем недавно. Все контейнеры

были обращены одним краем к нему. Все это я успел рассмотреть за короткий миг, пока ведьма не крикнула во весь голос: «пять!». Аврора бросилась вперед первой, мы двинулись за ней. Я бежал, страшась оступиться и полететь вниз, ступени шли вдоль стены, обходя половину зала. Позади кто-то вскрикнул, снизу донесся негромкий удар, зазвенело металлом, но глядеть, кто же из бойцов погиб, не было времени: остальные изо всех сил старались не последовать его примеру. Время от времени раздавался скрежет, ругань, злые окрики, но дна пещеры мы достигли, не потеряв больше никого.

Мы вышли в бок контейнерам, теперь я мог рассмотреть, насколько они старые, еще из времен до катастрофы, на металлических стенках до сих пор можно было различить остатки надписей, названий компаний и фирм, сгинувших десять столетий назад. Стыки покрывала ржавчина, потеки, листы обшивки кое-где были смяты и не очень аккуратно выправлены. Сделав нам знак продолжать движение к широкому проходу, ведьма задержалась у контейнеров. Я подошел и увидел, что она активирует панели управления, древние, но еще рабочие или кем-то старательно восстановленные.

— Что здесь? — спросил я, указывая на огромный металлический гроб, у которого как раз возилась Аврора. Она ответила, не отвлекаясь от работы с пультом:

— Сюрприз от наших старых друзей. Консервированные уродцы... Ты таких еще не видел.

Она нажала появившуюся посреди пульта одинокую красную клавишу, и в контейнере что-то лязгнуло, зашипело, из незамеченных мной раньше отверстий пошел зеленоватый не то пар, не то дым, а ведьма уже перешла к следующему. Там, судя по всему, начались проблемы, монитор моргнул, загорелся оранжевым. Ведьма выругалась, но сумела сохранить доступ, теперь ее пальцы мелькали над виртуальной клавиатурой с бешеной скоростью, но она почти кричала:

— Медленно, медленно... Медленно!

— Я могу помочь?

Она коротко отмахнулась:

— Нет, тут нужен допуск, плюс я готовилась к подобному... Черт! Ну почему здесь нет прямого подключения?!

Второй контейнер выпустил струи пара, ведьма бросилась к следующему, на ходу крикнула:

— Не вдыхайте этот дым! Он ядовит!

Бойцы отпрянули так резко, что зазвенели доспехи. Я осторожно втянул воздух, тут же задержал дыхание: датчики в носу показали, что газ был не то, что ядовит, но дышать им было категорически нельзя. Ведьму же это, видимо, не беспокоило: закончив, она переместилась к предпоследнему контейнеру, монитор на котором уже светился красным. Когда и он начал выпускать зеленые струи, Аврора поспешила к ждущим в нетерпении бойцам, я отправился следом, спросил:

— А что с последним?

— Не успеваю... Нужно оказаться как можно дальше, пока он не открылся! Тогда будет шанс... — Мы уже неслись со всех ног, когда нас догнал низкий рев предупредительной сирены, донесся грохот и писк, а затем непонятные шлепки и треск. — Поздно... Готовимся к бою!

Голос ее звучал настолько властно, что во мне проснулись вбитые службой инстинкты. Я мгновенно подтянулся, хоть до этого и словно бы наблюдал за происходящим со стороны.

Теперь я стал частью команды, и мы вместе оцетинились саблями, ожидая, пока покажется враг, но все же спросил ведьму по внутренней связи:

— «Что там такое?»

— «Хищники из зоны отчуждения, они не проживут в нашей атмосфере долго. В контейнеры я накачала обычный воздух, но в последнем им успели вогнать ингибиторы, теперь они проживут мало, но на полную. И вам придется самим...»

«Что самим?» — хотел я спросить, но это уже было не важно. Впереди, загораясь белый свет, который уже начал тускнеть, появились существа. Каждое размером с коня, но приземистое, со множеством толстых, но удивительно проворных ног, каждая оканчивалась длинными когтями. Вытянутые морды без намека на уши, с крошечными пустыми глазами, которые засветились красным, едва существа увидели нас. В распахнутых пастьях блестели тонкие, как иголки, зубы, шкуру покрывала черная шерсть, вблизи оказавшаяся жесткими роговыми щетинками. Они прибавили ходу, толкаясь и сбивая друг друга с ног, и сколько их, рассмотреть не удавалось. Ведьма вышла вперед и пустила навстречу монстрам белое марево. То покатило по проходу, ударило в бегущих первыми, те дико заверещали, сбились, едва не падая, над шкурами взвился белый дым, но сзади напирали, и раненые животные продолжили бег. Расстояние между нами стремительно сокращалось, по тоннелю прокатилась еще одна волна белого пламени, затем Аврора отступила за наши спины. Мой голос перекрыл треск и крики, с которыми накатывалась волна чудовищ, когда я крикнул:

— Не стоим! Медленно отступаем, увидел, что товарищ ранен — меняешь! Держим строй!

Чудовища настигли, навалились, передних мы срубили удивительно быстро, обезображенные тела упали под ноги бегущим следом, но те оцетинились, сабли скользили по черным иглам, срубали, но до тела добирались с трудом. Бойцы рубили, отскакивали, мы отступали, твари путались в трупах своих сородичей, но перли следом. Вскрикнул и пропал в гуще наступающих монстров один боец, следом были схвачены еще трое, один из них продолжал яростно рубить, даже когда в него вцепилась зубастая пасть. Наконец, я заметил, что напор тварей ослаб. Теперь они двигались заметно медленнее, начали запинаться о свои же ноги. Мы остановились и, собравшись с силами, бросились в атаку и смяли оставшихся. Дыхание вырывалось из груди с хрипами, руки опускались, я едва держался на ногах, остальные тоже. Кто-то присел, привалившись спиной к стене, бойцы утирали пот, но переглядывались победно: выжившим будет что рассказать! Ведьма дала нам минуту на отдых, затем приказала:

— Вперед! Это еще не главное сражение!

— Да, ребята, — подхватил я, — размялись? Пора двигаться, а то нас уже заждались.

Мы неслись, как табун злых коней. Теперь заботиться о незаметности не было нужды: стены коридоров, через которые мы пробегали, неярко осветились, словно изнутри, белым светом, я то и дело ощущал, как нас прощупывают короткие звуковые волны. Перемещения нашего маленького отряда теперь отслеживали. Ведьма продолжала идти впереди, но я заметил, что теперь она двигается заметно медленнее, нагнал, побежал рядом, даже дышать уже было тяжело, а слова вырывались с хрипом:

— Как скоро мы будем на месте? Нас заметили, теперь ведут.

— Я в курсе. Но уж чем могу... Скоро будем на месте, — коротко ответила она, и повторила, обернувшись на ходу: — Скоро будем на месте! Там нас уже ждут свои. А пока — задницы в горсть и ходу!

И мы продолжили бежать. К счастью, вскоре бешеная скачка окончилась, мы вывалились в просторный зал, в котором уже кипела битва. Сражение я услышал еще за пару сотен метров: звон и крики разносило эхо, они звучали громче нашего надсадного дыхания, а потом — раз! — и мы влетели в самую гущу драки.

Свод пещеры, облагороженной, с гладкими, покрытыми резьбой стенами, уходил вверх метров на десять, там по кругу шла узкая галерея, спиралью спускалась к самому полу. Под сводом горела белая звезда, под ее светом все казалось очень резким и контрастным. В зале было не меньше двух сотен человек, это только те, кто оставался на ногах. Время от времени сверкали молнии, тонкие и слабые, но каждый раз за резким треском следовал крик боли. Сражающиеся перемешались, звенел металл, в общем гвалте то тут, то там раздавались вскрики, рев, сыпались искры от сталкивающихся клинков. Мы на мгновение замерли, стараясь разобраться, где здесь наши и с кем идет бой. Воины противника были одеты в уже знакомые серые плащи, несколько десятков из них занимали галерею, нацелив луки, но не рискуя попасть в своих. Ведьма осталась у стены, что-то бормоча и воздевая руки, а быстро оценил обстановку и повел своих к пологому подъему, которым начиналась спираль галереи. Уставшие от бега, мы двигались не так резво, как хотелось бы, но все же успели стоптать, зарубить или сбросить пятерых, прежде, чем по нам ударили стрелы. Бойцы закрылись щитами, я отступил под их защиту, и мы продолжили наступать, пусть и медленнее. Я то и дело примеривался выстрелить, но зарядов оставалось слишком мало.

Бойцы справились еще с двумя, пока лучники не начали отходить, продолжая осыпать отряд стрелами. Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как по нашим следам несутся серые плащи, толкнул пару своих, привлекая внимание, и мы отстали, выставив перед собой сабли. Серые налетели, рассчитывая легко нас смять, но мы закрылись щитами, сшиблись. Сдержать натиск не удалось, нас медленно продавливали, заставляли отступать, щиты были изрублены. Зажатые с двух сторон, мы могли только защищаться, но наконец за спиной раздался победный рев. Его подхватили остальные, я почувствовал, что стало просторнее и, обернувшись, увидел, как бойцы давят зажатых в тупике галереи лучников. Тонкая броня не могла сдержать мощных ударов, кого-то просто сбрасывали через перила прямо на головы дерущихся. Когда с ними было покончено, бойцы поспешили к нам, оттеснили, выдвигаясь в первые ряды, начали теснить, затем отбросили и с грозным кличем бросились вслед, били в спины, стаптывали упавших.

Переведя дух, я поспешил за ними, по пути подхватив новый щит взамен порубленного.

В очередной раз в голове появилась светлая мысль: нужно носить доспехи! Кольчуга под комбинезоном, по прочности ее превосходящим — хорошо, но от тяжелых ударов не уберезет, а с переломанными костями много не навоюешь! Словно в подтверждение, на щит обрушился чудовищный удар, от которого клацнули зубы, а рука онемела от запястья до плеча, стрельнуло острой болью. Я отмахнулся неловко, зацепив серого плаща самым кончиком сабли в лицо, тот выронил оружие, схватился, будто стараясь удержать хлынувшую кровь, и ему тут же снесли голову.

Взяв себя в руки, я ворвался в битву, закрываясь, парируя, сам наносил удары, но старался одновременно рассмотреть в толпе Аврору. Ту долго не было видно, наконец, где-то в стороне от драки мелькнули светлые волосы. Там мерцало, вспыхивали короткие злые молнии, на мгновение высвечивали черные резкие тени. Прорубаясь через сечу, я двинулся в ту сторону, вертясь как черт, не давая никому зайти за спину. Заметив, как сбоку к прижавшейся к стене ведьмы заходит серый плащ, длинный и тонкокостный даже через одежду, с длинным ножом в руке, надал. Кричать в таком гвалте было бесполезно, так что сабля в моей руке замелькала с утроенной скоростью. Как ни старался, в спину несколько раз прилетело, затем донесся хриплый голос одного из бойцов, что пришли сюда вместе со мной:

— Давай ходу, ходу! Щас еённую голову снесут, а там и наши следом! Спину тебе прикроем!

Рванувшись, снес последних, кто еще отделял меня от Авроры, встал рядом, сопровождавшие меня воины тут же начали отгонять наседающего врага. Ведьма была бледнее, чем обычно, глаза запали, вокруг них залегли глубокие тени, пальцы тряслись, когда она вытянула руки, откуда-то сверху ударила новая молния, совсем рядом вскрикнул человек, потянуло паленым мясом, еще пара оказавшихся рядом схватились за лица, закричали, ослепленные, у меня самого перед глазами плясали зеленые пятна. Но еще заметил, что молния оказалась заметно тоньше тех, что разили серых плащей, когда мы только оказались тут.

— Ты как, держишься? — крикнул я ведьме, не сводя глаз со сражающихся, краем глаза увидел кивок:

— Все отлично! Могу продолжать до ночи, но нам нужно двигаться дальше!

— Еще дальше? — я удивленно вскинул брови, повернулся к ней на мгновение. — Разве не здесь главный бой?

— Здесь сумели остановить, но нужно еще дальше, осталось совсем немного, там будет ученый и... еще кое-кто.

Дальше. Я окинул взглядом сражающихся. Теперь их осталось намного меньше. Из двух сотен, сошедшихся в драке, на ногах оставалось в лучшем случае человек пятьдесят, теперь я даже мог увидеть дальнюю стену, в которой зиял очередной проход. При виде его я едва не взвыл: когда же они кончатся?! К нам пробрались все, кто остался жив из спустившихся с ведьмой, семеро, включая меня, негусто. Взяв Аврору в коробочку, мы двинулись через зал. Ноги скользили в крови, мертвые и раненые лежали так густо, что под ними не было видно пола, а ноги приходилось задира́ть так высоко, что колени едва не били в грудь. На нас изредка набегали воины в серых плащах, теперь распоротых, вымазанных красным, это были злые бойцы, умелые, потому уцелевшие в сече, но сейчас еле державшиеся на ногах. Их отбрасывали, спешно рубили и двигались дальше. Из боя выходили все новые воины ведьмы, страшные, залитые кровью с ног до головы, присоединялись к нам. Вместе быстро

покончили с оставшимися защитниками подземелья, собрались в отряд и помчались, грохоча доспехами, по широкому проходу.

Дыхание вырывалось сухое и горячее, в глазах темнело, но в какой-то момент я почувствовал, как тело одолевает очередную ступеньку, приспособляясь. Теперь воздух врывается в легкие свободнее, пусть и заняли ребра, а в груди словно с каждым вздохом раздували угли, там жгло, даже трещало, но в голове начало проясняться. Стало даже легче бежать, тело, кажется, стало легче на треть. Я вырвался вперед, едва не сбил бегущего передо мной человека, умерил скорость. Микроботы в крови спешно перестраивались, что-то расщепляли, торопливо переносили с места на место. Начал подкрадываться голод.

Обернулся на ведьму, спешащую в кольце воинов. Выглядела она немногим лучше, даже на ходу успевая отдохнуть. Если мое тело способно на такое, то уж ее микроботы, которых улучшала столетиями, вообще должны творить чудеса. Они и творят: молнии брались не из воздуха, магии вообще нет, есть наука, неотличимая от магии. В прежнем мире такого не мог никто, а теперь и мне захотелось вот так, одним взмахом руки...

Три десятка воинов, страшных, залитых кровью, тяжело дышащих, но упорно бегущих. Многие не доживут до вечера. Или уже утра? Чертова скачка, от нее напрочь пропало ощущение времени. Тоннель перестал понижаться, теперь вел прямо, никуда не сворачивал. Стены продолжали мягко светиться. Далеко впереди изредка появлялись серые плащи, поспешно уходили с дороги, скрывались в боковых отводах. Редкие смельчаки пускали стрелы, те бессильно ударяли в щиты, падали под ноги.

Наконец, потянуло свежим воздухом. Сначала едва заметно упала температура, повысилась влажность, я ощущал все это новыми обострившимися чувствами, запах был одновременно незнакомым и странно неподходящим для этого места. Пахло ароматическими маслами, дымом от сгоревшего дерева, но не обычного, наверняка привезенного издалека. К общему аромату добавился еще один. Этот можно было распознать легко: где-то далеко впереди горела мебель, вскоре я сумел расслышать треск огня, крики ужаса и боли. Бегущие пыхтели, шумно дышали, но вскоре и они услышали далекие звуки, начали тревожно принюхиваться. Я отстал немного, поравнялся с ведьмой. Та выглядела намного лучше, лицо уже не было таким бледным, круги под глазами смотрелись не такими ужасными.

— Так куда ведет этот проход?

— В замок императора. — Она заметила, как изменилось мое лицо, пояснила: — Не было времени все тебе объяснить, просто давай сперва закончим, хорошо?

Я сбился с шага, меня едва не стоптали бегущие следом, но нагнал, спросил:

— А что с Кеннетом? Куда дели ученого?

— Он где-то здесь, в тоннелях, но ты не думаешь, что император важнее?

— Для меня — нет, — я мотнул головой. — Вас тут толпа, ты и без меня справишься. Дай пеленг!

Ее глаза вспыхнули гневом. Ведьма недовольно поджала губы, но сдержалась, ответила сухо:

— Постарайся не умереть, хорошо?

Я коротко кивнул, прижался к стене, пропуская отряд. Аврора даже не обернулась, ее тонкую фигуру заслонили разгоряченные тела в доспехах. В голове раздался ее голос:

— «Вот место, где его видели в последний раз. Разберешься с этим делом — догоняй нас, там будет тяжело.»

Я потянулся, накладывая карту на сохраненную в памяти сетку тоннелей. От того, в котором произошло большое сражение, мы удалились на приличное расстояние, ученого потащили по уходящему в другую сторону. Но если попробовать срезать здесь... Карта была полна белых пятен, но некоторые линии, если их продолжить, вполне могли соответствовать реальности. Обновленное тело гудело от нагнетаемой силы, откат должен быть страшным, я точно потеряю килограммов десять массы, но до этого еще нужно дожить. И спасти Кеннета, которого втянул в эту игру.

На обратном пути не сдерживался, пустился во весь опор. Притормозил только у отворота тоннеля, по которому собирался срезать, пошел осторожно, но быстро. Здесь света не было, как и навязчивого чувства слежки, хозяева подземелий тратились только на ведение больших отрядов. Я активировал дополненное зрение на полную, видя теперь почти так же далеко, как при ярком свете. Впереди — никого, так что плиты под ногами снова слились в одну, темные норы боковых ходов мелькали так стремительно, что некоторые даже не успевал сразу заметить. Обогнув зал по широкой дуге, успел даже услышать голоса, шум, но посмотреть не решился.

Тоннель становился все уже, потолок опускался, стены уже не были такими ровными, а под ноги то и дело подворачивался камень, пол был присыпан гранитной крошкой. И в ней я разглядел следы. Трое, может, четверо, один из них идет неохотно или просто без сил: шаркает ногами, вон какие длинные полосы. Здесь упал, или уронили, остались четкие отпечатки ладоней, тонких, с длинными пальцами, такие не удержат меч или саблю. Я почти полз, изучая отпечатки, дошел до места, где след Кеннета пропал. Крови не было, из чего можно было догадаться, что его понесли. Оставалось надеяться, что живого. Я снова ускорился, хоть теперь и приходилось смотреть еще и под ноги. Миновал место, чем-то зацепившее взгляд, вернулся. Здесь они отдыхали, валялся пустой бурдюк из-под воды, вдоль одной из стен тянулась вонючая лужа, еще не успела впитаться в каменную пыль. Почти догнал!

Вскоре впереди раздались недовольные голоса, кто-то спорил на повышенных тонах, почти кричал. Не увидев никого в тоннеле, я остановился, дальше двигался медленно и тихо, увидел отвод, который пропустил бы на бегу, оттуда раздался злой голос:

— Кто учёныва тронет, башку снесу! В последний раз сказано!

Ему отвечали не менее зло, с вызовом:

— Вот ты ево и тащи, коль такой командир! У меня уже руки до полу!

— И у меня! — подхватил невидимый еще третий. — Скажем, что сам подох! Башкой приложился и того!

До меня донеслась возня, пыхтение, звонкий удар, кто-то вскрикнул. Я осторожно подошел, выглянул из-за угла. Совсем рядом, в паре метров, увидел спину крупного мужика, затянутую в кожаный доспех. Он как раз сбросил серый плащ, расставил ноги, готовясь к драке. Перед ним, защищаясь вытянутыми руками, стоял тонкий в кости воин, серый плащ сбился на сторону, он испуганно пучил. Еще один растянулся на спине посреди коридора, взгляд был ошалелый, он осторожно трогал челюсть. А за ними всеми сидел, небрежно прислоненный к стене, не кто иной, как сам Кеннет Белл. Связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. Оба глаза заплыли, на лбу алела глубокая царапина, кровь уже остановилась, на воротнике и рукаве темнели бурые пятна. Лежащий на полу тем временем начал подниматься.

— Сразу бы и сказал, чево руки распускаешь?

Стоящий ко мне спиной ответить уже не успел. Потратив заряд, я сразил сразу двоих, его и того, что оставался на ногах, оба рухнули, как подкошенные. Третий еще поднимался, когда я оказался рядом, носок сапога ударил ему в подбородок, откинув голову. Отчетливо хрустнуло.

Кеннет следил за мной пустым взглядом, не сразу узнал, сперва попытавшись вырваться, когда я разрезал веревку на его руках и ногах. Избавляя ученого от кляпа, я говорил, стараясь звучать успокаивающе:

— Ну вот мы и снова вместе, дорогой друг. Я вижу, вам досталось, но и я торопился как мог. Ну опоздал чуть, с кем не бывает...

Взгляд Белла понемногу становился осознанным. Он дал мне осмотреть себя, затем слабо отстранился:

— Переломов нет, самый тяжелый ущерб они нанесли моему самолюбию, молодой человек! Помогите мне подняться... — Он едва мог держаться на ногах, сделал шаг, другой, тяжело вздыхая. — Ладно, лучше поздно... Но какие негодяи! Я сказал им, что никуда не пойду, и они принялись меня избивать! Ох...

Ноги ученого подкосились, он начал заваливаться, я поддержал под руку, спросил:

— Вы уверены, что можете ходить?

— Конечно! Мне еще года не было, когда... А! Вы про сей момент? Мне не очень хорошо, вы правы...

Он опустился на одно из тел, лежащих посреди коридора, но, кажется, даже этого не заметил. Я смотрел, как он щупает голову, шипит, задевая больные места.

— Нам нужно двигаться! — Я требовательно поглядел ему в глаза. — Если вы не в состоянии, то мне придется вам помочь!

— Если не трудно... В голове звенит, словно Марта лупит по пустому котлу...

Он обхватил голову руками, начал раскачиваться и застонал. Я старался двигаться как можно аккуратнее, когда подхватил его на руки. Он оказался удивительно легким, вес почти не ощущался. Мне захотелось забросить его на плечо, но битая голова ученого не выдержала бы такого. Сделав несколько шагов, я оставил позади мертвые тела, еще раз взвесил на руках Кеннета, проверяя, как тот держится, сказал:

— Держитесь, мой друг, прогулка будет не самой приятной.

И снова бег... Теперь — с утяжелением. Несмотря на новые возможности, организм сопротивлялся непривычным нагрузкам, попробовал усилиться, чем выгреб остатки. Благо, по дороге не встретилось ни единой живой души. То тут, то там ноги скользили в еще свежих лужах крови, я едва не падал, обегая тела и едва не ударяясь о стены тоннеля. Сердце стучало мощно и ровно, я старался не замечать трупы и тяжелый запах, от которого к горлу подкатывала тошнота. Наконец, пол начал под углом забирать вверх, мертвых бойцов стало заметно больше. Я с некоторым удовольствием отметил, что серых плащей среди них оказалось заметно больше.

Выбежав из-за очередного поворота, я едва успел остановиться и едва не налетел на выставленные в нашу сторону копья. Ноги скользили, я одурел от духоты и тошнотворного смрада, с трудом удержался на ногах. Засада! Но воины передо мной носили знакомую легкую броню, а за баррикадой, в тыл которой я выбежал из тоннеля, громоздились тела в серых плащах. Воинов было больше десятка, в погнутой сабельными ударами, посеченной броне, но поглядывали воинственно.

— Свой! — опередил меня кто-то из защитников баррикады. — Чево опаздываешь?

Дыхание после долгого бега все-таки сбилось, я поставил ученого на ноги, выдохнув, ответил:

— За другом возвращался. У вас тут как? Почему здесь сидите?

— Приказ такой, чтобы, значит, никто в тоннели не утек. — Он пожал плечами. — А они прут и прут.

Мужик указал на тела за баррикадой. Я кивнул, уточнил:

— Давно последние появились?

— Да уж давненько, чево врать. Мы думали уже того, вперед бечь, наши там все.

— И то дело. Но нужно кого-то оставить вот с ним, — я указал на ученого. — Человек очень важный, и на нашей стороне!

Мужик на секунду задумался, затем крикнул:

— Карась! Сашко! Будете с мозгля... с благородным... Как ево? — кинул он в мою сторону.

— Благородный Кеннет Белл.

— Во, слышали? Остальные — собираемся, нашим помощь нужна!

Собрались в момент. Что-то еще возмущенно кричал Кеннет, когда двое дюжих бойцов поволокли его под руки, скрылись за широкими дверями, а мы уже сорвались в проклятый бег. Мелькали анфилады залов, и в каждом мы видели следы тяжелого боя. Ковры залиты кровью местами так густо, что стали почти черными, забрызганы даже стены и картины, задранные на несколько метров от пола. На полу — оружие и тела, кто-то еще пытается ползти, за ним тянется багровая полоса. Двери сорваны, расколоты в щепу: защитники пытались отсидеться, но армия ведьмы прошла здесь, как ледник, медленно, но неотвратно. На широких каменных лестницах серые сопротивлялись особенно яростно, здесь оставались тела, раздавленные спущенными по ступеням тяжелыми шкафами, в одном месте висел, пробив перила, рояль.

Двигаясь по кровавому следу, мы догнали своих, с ходу влились в драку. Серые плащи бились яростно, от грохота металла и криков зазвенело в ушах. Я остановился, чтобы

разобраться в происходящем. Сперва показалось, что противник защищает широкий, как ворота, проход, но вскоре открылась совсем другая картина. В действительности, это именно серые нападали. В окружающем хаосе стали заметны перемещения, воины Авроры теснили, отрезали плащей от дверей, все еще остающихся относительно целыми. Их старались обойти со стороны, там на мгновение завязывалось сражение, их отбрасывали, но те, не в силах прорваться в лоб, лезли снова. Откуда-то издалека моего разума касалась едва заметная ниточка ментальной связи с ведьмой, уловить получалось совсем мало. Я потянулся навстречу, спросил:

— «Как там у тебя?»

— «...Держимся. Их тут собралась почти сотня, сзади лучники. Чертов тронный зал! Широкий, как поле, мать его! Серые обошли со всех сторон, стрелки теперь на скрытых галереях, бьют по нам сверху. Ты сам где?»

— «Мы...» — я на миг запнулся, не зная, как объяснить, затем просто послал картинку. — «Тут.»

— «Секунду... Ты с теми, кто не дает серым зайти нам в спину! Отлично! Если мы сумеем продержаться, пока...»

В спину? Внезапно я со всей отчетливостью понял, что слабость сигнала от Авроры связано не с ее удаленностью, а с тем, что сил у ведьмы осталось совсем мало. Нужно срочно что-то предпринять! Я набрал воздуха в грудь и проревел, что было силы:

— За мной!!!

Я ворвался в бой, разбрасывая серых, рубил, бил щитом, а когда от щита остались только щепки на кожаных петлях, схватил вторую саблю. Новые возможности намного превосходили все, что было у меня до сих пор! Да попадись мне теперь тот медведь, он не продержался бы и минуты! Сила пьянила, лезвия сабель слились в сплошную шелестящую стену, с одинаковой легкостью пробивали и кожаную броню, и легкие доспехи, раскалывали щиты и шлемы. Из груди рвался звериный рык, я пропускал удары, но почти не замечал этого, а тех, кто наносил их, тут же сминали идущие следом.

Мы быстро пробились к защитникам дверей, позволили отойти нам за спины для короткого отдыха, но расслабляться было нельзя. Серые понесли тяжелые потери, но я отчетливо понимал, что не из трусости они рвались обратно в подземелья. Если у них получится подтянуть новые силы, то рано или поздно нас снесут. Что же там такого, за нашими спинами, к чему так настойчиво рвутся серые плащи?

Бой шел, не останавливаясь ни на секунду. Где-то далеко раздавался низкий грохот, скорее ощущение, чем звук, но было не до него: противник предпринял очередную попытку прорваться. Мы отбросили их, когда по внутренней связи пришел новый вызов от ведьмы. Я с ужасом различил в ее голосе панику, когда она закричала:

— «Их все больше! Мы... Я боюсь, нам их не удержать!»

— «Кто-то еще идет на помощь?»

— «Да, но они далеко и вынуждены двигаться медленно, половина тоннелей завалена, в остальных яростное сопротивление! Я не знаю, сколько еще...»

— «Успокойся!» — я срубил неосторожно высунувшегося из рядов серого, продолжил: — «Вам нужно выбирать, слышишь? Открывайте эту дверь, вместе мы сумеем что-то сделать...»

— «Нет! Нам нужно оставаться на месте!»

Она закричала так громко, что я непроизвольно вздрогнул и пропустил чувствительный

удар, отступил, прежде чем спросить:

— «Почему? Что там такого важного?»

— «Император! Он в кабинете за нашими спинами, вся эта бойня только ради того, чтобы его убить!»

Ого! Я вспомнил те контейнеры, из одного из которых вырвались жуткие твари. Если бы их выпустили всех вместе и в момент, когда никто этого не ожидал... И при чем тут Кеннет? Ладно, разберемся позже, если будет, кому. Я отступил за спины своих бойцов, те с готовностью сомкнулись, схватил ближайшего, подтянул к себе и заорал тому в ухо, стараясь перекрыть шум боя:

— Иду на ту сторону, держитесь тут, чтобы ни одна тварь не проникла!

— Будь сделано! — воин кивнул, подозвал еще пару из находящихся рядом, быстро что-то объяснил, потом они ухватились за еще недавно позолоченные, а теперь залитые кровью ручки. — Давай мухой, благородие, а уж мы тут с ними разберемся!

Кто-то из серых плащей заметил, чем мы занимаемся, в их рядах поднялся крик, гомон, они нажали, стараясь продавить оборону, прорваться, я нырнул в щель, такую узкую, что пуговицы камзола брызнули в стороны. Створки сразу же захлопнулись, едва не прищемив пальцы, я прижался к ним спиной. В доску у головы с сухим треском ударила стрела: лучники отреагировали моментально, ко мне поспешили несколько воинов со щитами, прикрыли, под защитой провели к ведьме.

Выглядела Аврора очень и очень плохо. Лицо стало грязно-белым, кожа в мелких трещинках морщин туго обтягивала череп, глаза запали так, словно она смотрела из глубокого колодца. Она как-то моментально постарела, даже по сравнению с той собой, с которой мы расстались не больше часа назад. Одежда висела на ней, как на скелете, стоять самостоятельно она уже не могла, но из-под высокого потолка продолжали бить молнии. Тонкие и бледные, как сама ведьма, они все же находили цели, на людях, в которых они попадали, загоралась одежда, разносились панические вопли.

Бойцы устали, закрылись наглухо, сами не рвались в бой, только держа серых на расстоянии, но лучники врага били без устали, примерно каждая десятая стрела находила брешь в обороне, а серых плащей меньше не становилось, и даже прибывало. Оказавшись возле Авроры, я опустился на колени и взял в руку ее тонкие пальцы. Накатила страшная апатия и ощущение, что вижу ее живой в последний раз. Сказал ей, пользуясь внутренней связью:

— «Тебе нужно уходить, иначе погибнешь.»

— «Нет, нужно... держаться. Сейчас решается многое, другие... они штурмуют известные гнезда врага, но мы многое потеряем, если император погибнет... Я должна...»

Черт! Она попыталась говорить еще что-то, но я уже не слушал. Если сейчас по всей столице идут бои, то сюда помощь может и не успеть. Черт с ним, с императором, но потеря Авроры невозможна!

— «Что можно сделать прямо сейчас?»

— «Нужно защитить императора... пока не подоспеет помощь. Тогда, все будет хорошо...»

Сделаю. Во что бы то ни стало сделаю. Я пожал ее тонкие пальцы, поднялся. Дверь — вот она, Аврора сидит, прислонившись к ней спиной, полумрак от стены щитов не помеха для дополненного зрения. Нужно всего лишь попасть внутрь. И чтобы никто не проник следом.

Я осмотрел створки. Даже на вид прочные, толще, чем любые из встреченных тут, судя по петлям, открываются в мою сторону, чтобы максимально усложнить работу тому, кто соберется их выламывать. Пока разбирался, рядом с головой ударила еще одна стрела — кто-то из защитников расслабился, или лучники приловчились отыскивать бреши. В такой нервной обстановке думалось отвратительно, так что я просто взялся за ручку и потянул. Конечно же, с той стороны створкам не дал распахнуться засов. Аврора завозилась, с трудом поднялась на ноги. Жестом приказав посторониться, положила руки на окованные золотом створки, закрыла глаза. С той стороны заскрежетало, словно кто-то тащил шкаф по полированному мрамору, завибрировало, грузно упало. Я потянул снова, на этот раз дверь подалась. Обернувшись, я едва успел подхватить падающую ведьму. Глаза у нее закатились, невероятно, но она побледнела еще сильнее, сейчас ее мелко трясло.

— Зачем ты...

— Не теряй времени! — она оборвала меня, приложив пальцы к моим губам. — Сделай дело, тогда всех спасешь... Иди!

От нее повеяло такой властной силой, невозможной в гибнущем истощенном теле, что я не посмел послушаться. Осторожно передав ее одному из окружавших нас воинов, я бросил на нее последний взгляд и поспешил в соседний зал. Никого. Никого?

Здесь было не так просторно, в помещении, судя по всему, принимали только самых ближайших к императору. Вместо трона — высокое кресло в золоте, огромный, с телегу, стол в окружении семи резных стульев, столешница обита зеленым бархатом, прямо в центре — мертвый серый. Крови не видно, но шея вывернута, он был еще теплым. Бумаги, перья — на полу, тут же растекается пятно разлившихся чернил. Книжный шкаф у стены, на книгах — брызги алого, часть рассыпана по полу. Противоположную стену когда-то закрывал гобелен, теперь он болтался на одном крючке, открывая каменную стену с распахнутой дверцей в глубоком проеме. Опять двери! Чертов лабиринт! Замок выбит с той стороны, значит, император был не рад внезапным гостям. И одного, похоже, задавил голыми руками.

Одну саблю пришлось оставить: в узком месте особо не помашешь. В пыльном тоннеле было темно, вихрились целые тучи пыли. Она мерцала в дополненном зрении, лезла в нос, щекотала горло. Я приложил к лицу рукав: не хватало выдать себя, чихнув в неподходящий момент! На полу четко отпечатались следы. Очень много следов, они слились в сплошную полосу, когда серые сперва прошли в сторону кабинета, а потом возвращались с пленником. Здесь было так тесно, что идти они могли только по одному без риска случайным звоном выдать себя.

Когда впереди забрезжил багровый отсвет факелов и раздались негромкие еще голоса, я пошел медленнее. Серые переговаривались раздраженно, кто-то далеко впереди прикрикнул, донеслись глухие удары, злая ругань. Люди в доспехах перекрывали весь обзор, но стало понятно, что император решил сопротивляться. Нужно было срочно что-то предпринимать. Втянув носом воздух, я резко выдохнул, несколько раз ударил саблей о камни, наполнив тоннель звоном.

— Эй, куда торопитесь, псы? — мой голос звучал гулко и внушительно. — Или вы только по безоружным?

Серые начали оборачиваться, железо загрохотало по стенам. Но в лицах настороженность быстро сменилась мрачной радостью, когда они поняли, что за моей спиной никого нет. Я подбадривающе махнул саблей: кто первый? Пока они будут заняты мной, не станут трогать старика-императора. Наконец, первые двинулись в мою сторону,

толкаясь, мешая друг другу, я уже видел, как нападут, цепляясь плечами, путаясь друг у друга под ногами, как чуть дальше по тоннелю прозвучал смутно знакомый голос:

— Благородный сэр смельчак, неужели это вы?

Перед глазами на мгновение встал темный переулок, залитый дождем, и бандит, едва не убивший Белла.

— О, трусливый сын помойной собаки? — крикнул я в ответ. — Ты еще жив? Выходи, закончим начатое.

— С удовольствием, с удовольствием!

Он двинулся ко мне, расталкивая серых. Роста в нем было не так уж и много, запомнился он мне от чего-то более высоким и крупным, но едва оказался передо мной, подобрался, как готовый к прыжку хищник. Левую сторону прикрывал узкий щит, как раз для сражений в таких норах, а в правой он держал алебарду с укороченным древком и крючком, загнутым, как коготь. Я сперва удивился, но с запозданием понял, что мне с моей саблей не развернуться здесь, удар окажется либо слабым, либо вообще уйдет в стену. Голова разогрелась, перебирая варианты, мышцы налились силой, готовясь к схватке. Серый заметил мою растерянность, ухмыльнулся, показывая желтые зубы.

— Лучше б тебе, благородие, меня в том переулке оставить! Ладно, не дрожи коленками, я быстро...

Он как-то рывком надвинулся, выбросил вперед алебарду, направив лезвие мне в живот. Я с трудом отразил, отскочил. Серый захохотал, протянул издевательски:

— Не трепещи, благородие, а лучше вертайся и давай к своим, эта свинья никому не расскажет... ха-ха-ха!

Он кивнул себе за плечо, указывая на скрытого за спинами серых плащей императора.

— Много текста для помойного шакала, — я сплюнул, добавил в голос дурной храбрости: — побереги дыхание, здесь и так воняет.

Улыбаться он не перестал, но в глазах застыло обрекающее безразличие. Пожав плечами, покрытыми кожаной броней, он снова двинулся ко мне, взгляд скользил по мне, выбирая место для удара. Наконец, остановился в районе груди, алебарда снова выстрелила, но острие серый направил ниже, намереваясь зацепить крючком мою ногу. Я должен был отшатнуться, позволив ему закончить обманный маневр, но вместо этого я резво ушел в сторону и, подпрыгнув, опустил на древко алебарды, выбив ее из рук противника. Размахнуться было негде, поэтому я без лишней красоты просто ударил рукоятью сабли в лицо, на котором проступило крайнее удивление. Ударить успел дважды, прежде, чем он закрылся щитом, но я схватил за деревянный край и, оттянув вниз, ткнул теперь уже лезвием. Серый захрипел, когда металл вошел ему в глазницу, осел, как мешок с дерьмом. Я сдернул с его руки щит, крикнул зашумевшим серым:

— Теперь вы, шакалы! Кто первый?

Их оставалось шестеро, трое — ближе ко мне, остальные — по ту сторону, за пленным императором. Первый заорал, бросился, поднимая топор. Тот звонко ударил в низкий потолок, серый на мгновение отвлекся, я же прыгнул вперед, ударил острием снизу вверх, загнав клинок под край брони. Смельчак всхлипнул и рухнул рядом с моим давним знакомцем. Я отступил, оставив мертвых между собой и противником.

Второй и третий напали вместе, но из-за тесноты мешали друг другу, толкались, я заколол обоих, пусть на щите и прибавилось щербин. Оставшиеся переглянулись. Затем один из них шагнул ко мне, вытащив из-за пояса длинный кинжал. Я молча позавидовал его

выбору.

На щит обрушился град ударов, таких сильных, что даже новый я удерживал с трудом. Если он так лупит простым кинжалом, то что было бы, сумей он размахнуться топором? Пришлось даже немного отступить, но и этого война подвела однообразная тактика. Слева-справа-вверх-вниз, повторить. Выждав паузу, я махнул саблей, целясь в колени, а когда серый предсказуемо отскочил, выставив вперед голову, в подбородок ему ударил край щита. Хрустнуло, он зашатался, выплюнув осколки зубов с кровью, замотал головой... и ринулся в атаку с новой силой!

Замелькало так, что я едва успевал закрываться. За спиной серого кто-то закричал, даже сквозь грохот и звон были слышны звуки борьбы. Краем глаза удалось увидеть, что император схватил одного из оставшихся воинов. Пленник был огромен, как бык, выпрямившись, он едва не задевал свод головой. Серого плаща он держал за горло, тот дергался, хрипел, сапоги безрезультатно пытались нащупать твердую поверхность. Император взревел, сжал сильнее, шея его жертвы хрустнула. Я едва не пропустил очередную атаку, когда заметил, как к пленнику со спины приближается последний серый с ножом в руке. Хотел крикнуть, но в горле пересохло! Тогда снова махнул саблей, целя в колени. Наученный серый на хитрость не отреагировал, и клинок рассек ему колени. Он вскрикнул, и тут же получил тяжелый удар щитом в лицо, а следом — саблей по горлу.

Предупредить императора об опасности я уже не успевал. Тот стоял спиной к убийце, с ненавистью сдвигая уже мертвого противника. Пистолет словно сам прыгнул в руку. Хлопнуло, когда болванка покинула ствол, и голова последнего из похитителей взорвалась алым облаком: в панике я подал на катушку слишком сильный заряд.

Император отбросил жертву, удивительно проворно для своих размеров обернулся, едва не отскочил, увидев лишившегося головы серого, затем устремил прямой взгляд на меня.

— Кто такой? И что тут делаешь?

Императора я никогда раньше не видел, даже портретами не интересовался, но стоящий теперь передо мной человек мог быть только императором. Высокий, выше меня едва не на голову, широкий, спина такая прямая, что по ней можно чертить. Черные глаза под густыми бровями смотрят настороженно, но без испуга, крупный нос распух, в черной короткой бороде капли застывшей крови почти не видны. Дорогая рубашка с тонкой вышивкой разорвана, на коже аленют ссадины, огромные кулаки сжаты так, что побелели суставы.

— Сэр Томас Ромм, барон Яргородский, мой император. Я прибыл с... друзьями, чтобы предотвратить вашу гибель!

— Вы из людей Авроры, барон? — император вскинул брови. Я поспешил ответить:

— Нет, мы с ней союзники. Но это не мешает мне...

— Понятно, это понятно! Потом расскажете, барон! Но теперь мне нужно обратно! У меня там полный дворец этих серых червей...

— Погодите секунду, мой император! — я почувствовал легкое касание к разуму. Усталый, безжизненный голос Авроры, в котором все же звучало облегчение, произнес:

— «Петер, они отступают. Что случилось? Ты нашел императора?»

— «Да, он со мной. Мы возвращаемся.»

— «Вот и славно... Не торопитесь, нам нужно закончить...»

Голос истончился, исчез. Император требовательно смотрел на меня, ожидая ответа.

— Все в порядке, ваше величество... я думаю. Можем возвращаться.

— Ты говорил с Авророй? — спросил он и, видя мое замешательство, уточнил: — Я в

курсе ее некоторых... скажем так, особенностей. Пойдем. Там все в порядке?

— Д-да, мой император, — ответил я после паузы, указал на убитого выстрелом: — Могу я рассчитывать, что это останется между нами?

— Вполне. Идем, нам еще многое предстоит обсудить. И сделать.

Мы поспешили обратно во дворец. Дел действительно оставалось еще полно. Не думаю, что с мятежом покончено окончательно. От Авроры пришел новый вызов. Я принял его, едва успевая за широким шагом императора.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net